

91 ФД
КГ9

В. КАНТОРОВИЧ

БОЛЬШАЯ ПЕЧОРА

1926 8

ОГИЗ „Молодая Гвардия“ 1934

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

З. 5-100. Т. 15 млн. «Полиграфніга»

Печорская
ЦБС

91(С12)
К19

Х26,8€ 26.88 (29-680,
К18

Библиотека
Экспедиций и
Путешествий

В. Канторович

БОЛЬШАЯ ПЕЧОРА

- 60448 -
X

Печорская
ЦБС

огиз — молодая гвардия — 1934

214
автографы
и документы
Ивана Шишова

императора Н.И.

РАСПРОДАЖА АРХИВА

2001 — продажа первоапрельской выставки

I. Прыжок в будущее

Агробофия—боязнь пространства, особый вид психической болезни. Она вплотную подступала ко мне в странствованиях по Печорскому краю.

Я противостоял печорским просторам беззащитным, нёвооруженным никакими современными средствами передвижения. Обмелевшие реки, мокрая, засасывающая тундра, лесное бездорожье подстерегали меня на каждом этапе пути. Ничтожные расстояния—полтораста—двести километров—оказывались вдруг непреодолимыми. Приходилось менять маршрут или подолгу выжидать «оказии». Я видел, как в самый горячий период, когда Воркута буквально задыхалась без строевого и крепежного леса, плоты и барки с производственными и продовольственными грузами неделями выжидали подъёма воды на Уссинских перекатах. Мысль о непреодоленных еще километрах страшила. Незаселенные пространства давили на психику.

На вынужденных остановках и во время томительных перегонах в почтовой лодке у меня было достаточно времени, чтобы представить себе будущее транспортное благополучие Печорского края.

Мысленно я превращался в туриста, путешествующего по тем же местам в годы третьей пятилетки. Во мне боролись два одинаково сильных чувства. Путешественник 1932 года, впряженный в бурлацкую лямку, проваливающийся со своей лошадью в болотную трясину, завидовал комфорту и благоустроенности будущих передвижений. Но зависть тут же уступала место снисходительной жалости к владельцам будущих шифрскарт, обреченных на стандартный уют спальных кают в купе, размеренный график точных расписаний, многолюдие поселков и городов. Я представлял себе во всех маршрутных подробностях путешествие, совершающее в годы третьей пятилетки. Я понимал, что в эти годы любителям

сильных транспортных ощущений нечего будет делать на Печоре. Поездка в Печорский край, даже в самые северные его пункты—в тундровую Воркуту и на Югорский Шар—приобретет чуть ли не банальный характер.

Я вспоминал карту будущих железных дорог Северного края, вывешенную в архангельском краиплане. Три черные змеи ползли по розовому полу карты к угольной Воркуте. Меридиональная дорога шла прямо с юга, из промышленных районов Урала. Широтная дорога, вытянувшись далеко на восток, соединяла Архангельск с Печорским севером. Третья дорога, проходя через Ухту, раскальвала угол, образованный первыми двумя железнодорожными путями, пополам; она шла от самой Москвы. Эти три варианта печорского железнодорожного строительства все еще конкурировали друг с другом в плановых органах. Я произвольно выбрал третий вариант.

Я отчетливо представлял себе: спальный вагон экспресса Москва—Печорские угли доставит туриста на следующее утро в столицу Коми-области Сыктывкар. Эта часть пути не даст пассажиру никаких ощущений новизны: ветка Пинюг—Сыктывкар уже строится.

Следуя дальше, экспресс в тот же день доставит пассажиров в крупный промышленный центр Печорского края, нефтяной город Ухту. Здесь сойдет немало пассажиров — жителей этого города, туристов и курортников.

Ухта, направившая в 1933 году два первых скромных каравана добытой нефти в Архангельск, разрастется в крупный промысел краевого значения с многими сотнями эксплуатационных вышек, с трубопроводом, нефтеперегонными и химическими заводами, социалистическим городом, вокзалом пристанью и большим аэродромом.

В Ухте по соседству с нефтяными промыслами расположится всесоюзная здравница, эксплуатирующая исключительные по радиоактивности целебные источники.

Я вспоминал больных с вздувшимися венами, с искривленными, связанными в один почерневший узел суставами. Их привозили по-двоем, по-трое в крохотные хибарки, построенные на ухтинских источниках. Приезжие набрасывались на людей, заканчивавших курс кустарного лечения, почти здоровых, с гладкими, нормальными руками и ногами. Они жадно допытывались, правда ли целебная вода разгладила ноющие узлы, выпрямила спины, вернула способность работать, вернула жизнь. И, вспоминая висевшие в лаборатории

Брачные снимки с больных, сделанные до и после лечения, я уверен присоединялся к мнению Курортного института: с прокладкой железной дороги Ухта превратится бесспорно в цветущий курорт всесоюзного значения.

Мысль возвращалась к экспрессу третьей пятилетки. Покинув Ухту, он углубится в лесные массивы, которые считались еще в первой пятилетке непроходимыми. Обгоняя составы поездов, груженные лесом, экспресс минует ряд промышленных поселков.

Ночью промелькнут поселки шахтеров, затем появятся вновь вышки буровых — трасса железнодорожного пути пересечет второй угольно-нефтяной район Печорского края.

На третье утро, переехав по величественному мосту через Печору, туристы прибудут в Усть-Уссинск, крупный торговый перевалочный пункт, узловую железнодорожную станцию где, может быть, будут скрещиваться железнодорожные пути к Печорским углам из Москвы и из Архангельска. Громадные пристани, речной порт, крупные ремонтные заводы, предприятия пищевой промышленности — таким будет выглядеть нынешний скромный районный центр, обладающий крохотной пристанью и небольшим консервным заводом.

Приняв в Усть-Уссинске пассажиров, прибывших рекой (и Камо-Печорским каналом) с Урала, экспресс устремится на трассу Усса—Воркута и, минуя ряд второстепенных угольных поселков (бурые угли), выйдет на территорию Воркутского угольного бассейна, одного из значительнейших угольных месторождений СССР.

На протяжении ста пятидесяти километров поселки шахтеров, горы выданного шахтами блестящего, как антрацит, каменного угля будут сопровождать поезд. К концу третьих суток, считая со дня отъезда из Москвы, экспресс доставит своих пассажиров в город Воркуту — один из крупнейших советских городов за полярным кругом.

Кто знает, возможно, что от Воркуты на восток прямо к Уральскому хребту или в каком-либо другом направлении пойдет ветка к новому металлургическому гиганту. Коксующийся воркутский уголь открыт в 1930 году. Кто поручится, что в неразведанных пространствах северного Предуралья, вблизи Воркутских углей, не будет найдена железная руда или что отсюда на юг, к уральской промышленности, не пойдет когда-нибудь другой железнодорожный путь?

Экспресс третьей пятилетки мчится дальше. Еще несколько часов пути по гористой тундре в виду Уральских гор, мимо крупного рыбачьего поселка на Вашуткиных озерах,

и этот же поезд доставит туриста к берегам Баренцева моря, к крупному выходному порту Печорских углей.

Сдавленный между пассажирами почтовой лодки, движущейся со скоростью четырех километров в час, обильно поливаемый дождем, ощупываемый со всех сторон холодным ветром, я отказывался квалифицировать мои домыслы о печенском транспорте в третью пятилетку как мечты. Я отлично знал, что это — мысли о реальном, что действительность опередит «мечты». Десятилетие социалистического строительства перестроит карту заново, транспортная техника шагнет вперед. И, взвесив эти соображения, я признавал недостаточно изобретательной свою гипотезу развития Печорского края в третью пятилетку. Я спешил к обычным для нас видам транспорта присоединить дирижабль. В самом деле, я не смел забыть о нем. Я надеялся, что в третьей пятилетке дирижабли трансарктической линии будут делать первую (после Москвы) остановку в гигантском элинге¹ где-нибудь на Воркута-вом.

Но Воркута-вом конца 1932 года встречала меня землянками и палатками. Подавленный антитеозой² «землянка — элинг», я спускался с высот моих транспортных мечтаний и пытался представить себе более близкое, более понятное время.

К концу второй пятилетки нельзя будет приехать из Москвы на Воркуту в спальном вагоне экспресса. Туристу придется изменить маршрут. Из Архангельска он проедет морем на Югорский Шар в угольный порт, оттуда по широкой колее железной дороги — на Воркуту. Узкоколейная магистральная дорога отвезет его в Уссу. Узкоколейка вступит в эксплоатацию в начале 1934 года.

На станции Усса у туриста будет выбор. Он сможет спуститься по искусственно углубленной Уссе вместе с десятками угольных барж до Печоры, но сможет также проехать на автомобиле по одному из новых трактов: либо на восток — к Обдорску, за «Сибирский камень» (Урал), либо на запад — в Усть-Уссу и Кожву. Камо-Печорского соединения (канала) еще не будет. Это затруднит путь на промышленный Урал. Но зато из Кожвы тот же автомобиль сможет по прямым трактам доставить туриста в Ухту и дальше на судоходную Вычегду. Может быть избран и другой вариант пути.

Большой порт в устье Печоры будет грузить океанские пароходы печенским углем, асфальтитами, лесом и нефтью и отправлять их через речные бары, прорытые землечерпалка-

¹ Элинг — специальное помещение («гараж») для дирижаблей.

² Антитеоз — противоположение.

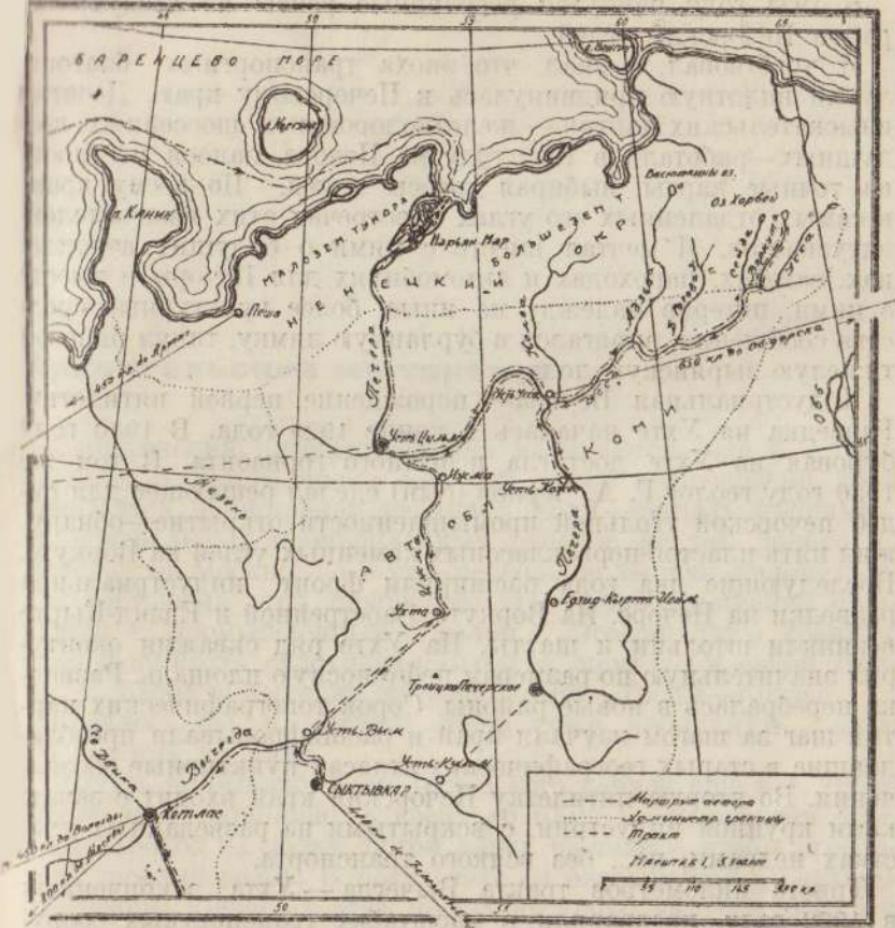

Схема Печорского края.

ми, в Архангельск и Европу. Пассажирские пароходы увезут туриста в Архангельск. Но, если он захочет еще раз и уже с высоты птичьего полета обозреть свой маршрут, он должен будет сесть в Архангельске на пассажирский аэроплан. В месяцы, когда солнце на шестидесятых параллелях не заходит за черту горизонта, аэроплан будет покрывать тысячу шестьсот километров от Архангельска до Воркуты в одни сутки... Воздушная трасса доведена уже теперь, в 1933 году, до Усть-Цильмы (половина пути).

В 1934 году начнутся регулярные рейсы по воздуху в район Печорских углей.

Я чувствовал, я знал, что эпоха транспортных благополучий вплотную придвигнулась к Печорскому краю. Десятки изыскательских партий — железнодорожных, шоссейных, воздушных — работали в 1932 году на Печоре, нанося местность на точные карты, выбирая трассы путей. По всему краю, в самых отдаленных его углах я встречал этих изыскателей-энтузиастов. Я мечтал вместе с ними о будущих аэропланах, вагонах, пароходах и автомобилях для Печоры и вместе с ними, потеряв надежду на иные, более культурные средства сообщения, впряженный в бурлацкую лямку, тянул бичевой тяжелую зырянскую лодку.

Индустриальная Печора — порождение первой пятилетки. Разведка на Ухте началась в конце 1929 года. В 1930 году буровая на Ухте достигла нефтяного горизонта. В том же 1930 году геолог Г. А. Чернов (сын) сделал решающее для судеб печорской угольной промышленности открытие — обнаружил пять пластов первоклассных каменных углей на Воркуте. Последующие два года расширили фронт индустриальной разведки на Печоре. На Воркуте, Заостренной и Едаид-Кырте возникли штолни и шахты. На Ухте ряд скважин оконтурил значительную по размерам нефтеносную площадь. Разведка перебралась в новые районы. Сорок топографических партий шаг за шагом изучали край и расшифровывали преобладавшие в старых географических атласах пунктирные обозначения. Во вторую пятилетку Печорский край входит с зачатками крупной индустрии, с вскрытыми на разведенных участках недрами, но... без всякого транспорта.

Триста километров тракта Вычегда — Ухта, законченных в 1932 году, предваряли о масштабах транспортных сооружений, необходимых краю. Ухтинский тракт оставался единственным образцом законченного транспортного строительства. В верховьях рек Ижмы, Ухты, Печоры сохранился доисторический бурлацкий транспорт; суша — тайга и тундра — оставалась недоступной для грузового движения. На центральных участках судоходной Печоры мучительно барахталось маломощное речное пароходство, нагромождая тысячи новых препятствий на пути к освоению края. И мне казалось по временам, что не мечты о будущем, а досада на головотяпство печорских транспортных организаций спасала меня от расслабляющей воли агрофобии.

II. Северный вход

Архангельские мытарства

Злоключения путешественника начинаются уже в Архангельске. В летнее время морской путь в Печорский край почитается единственным верным. Если считать напрямик, из центральных промышленных районов не так далеко до Печоры: от Москвы до Ухты не больше тысячи километров. Юго-восточный угол Печорского края непосредственно смыкается с промышленным Уралом. Юго-западную границу края формирует судоходная Вычегда, приток Северной Двины. К Вычегде выходит железная дорога Вятка—Котлас.

Казалось бы, на Печору легче всего проникнуть через Котлас или по Каме.

Ничуть не бывало! Камо-Печорского канала еще нет. Путешественник, поднявшись вверх по Каме и ее притокам, сменяет пароход на лодку, потом лодку на телегу, чтобы преодолеть древний волок. В результате он оказывается в верховьях Печоры. Печора в этих местах несудоходна. Он вынужден спуститься в лодке до Троицко-Печорска и там ждать парохода. Но в середине лета обнажаются перекаты. На три—четыре недели прерывается сообщение с Печорским.

В довоенные годы этим путем по весенней воде на собственных пароходах и баржах спускались с верховьев Печоры чердынские купцы. Они подчинили себе всю экономику края, они были его хозяевами. «Живем больше рыбкой»,— говорили печорцы,—когда пола мокра, так и брюхо сырого». И они же добавляли: «Какую цену чердынцы за семушку (семгу) дадут, ту и берешь, с крестом, с молитвой». «С крестом и молитвой» отдавали за безделку песцов и горностаев и никогда не выходили из долгов у предприимчивых торгашей.

Путь чердынцев стал в нынешнее время привилегией туристов. Грузам, товарам нет доступа из Камского бассейна. Этим путем везут теперь единичные партии оборудования, изготовленного на уральских заводах.

Котласскую железнодорожную ветку печорцы использовали прежде всего для пассажирского движения. Путь от Вычегды на Ухту был непроходим. Пассажиры садились на пароходы, доезжали до Усть-Кулома (если полноводье этому способствовало); затем преодолевали киселеобразный тракт на Троицко-Печорск и там претерпевали те же мытарства, что и уральские пассажиры. В 1932 году можно было ехать напрямик: Котлас—Усть-Вымь пароходом и дальше в Ухту по новому тракту. Но все же грузовое движение по тракту ограничено, а за Ухтой начинается порожистая, в своих верховьях несудоходная Ижма.

Есть еще один путь в Печорский край — с запада. От Архангельска до Усть-Цильмы — центра печорской речной системы — всего восемьсот километров тайболов¹. По сапионому пути в Архангельск ходят огромные обозы с дичью, пушниной, ценными породами рыбы. Путь этот крайне невыгоден: дешевые грузы (в последнее время и дичь) не выдерживают тарифа. В летнее время тайбала почти недоступна.

Для массовых грузов, для массового пассажирского движения остается единственный путь в Печорский край — через северный вход, через устье Печоры. С Урала, с Северного Кавказа, из Москвы и Ленинграда (а в недавнее время и из Баку) гонят грузы к Архангельску, перегружают на морские суда, затем в устье Печоры вторично на большие речные пароходы. Они ходят до Усть-Усы, до Усть-Ижмы. Из этих пунктов веером расходятся небольшие буксиры. В весенне полноводье они подымаются до самых верховьев рек. В жаркие месяцы, когда реки мелеют, им на смену приходят лодки, в некоторых местах катера.

Реки — единственные проезжие дороги в крае, летом по суше никакое сообщение невозможно.

Архангельск — неизбежный этап на пути в Печорский край. Мне казалось, что вязвшему разбег от самой Москвы Архангельск послужит хорошим трамплином для прыжка на Печору.

¹ Тайбала — дорога в тайге

Морская пристань в Нарьян-маре—единственный выходной порт Печорского края. На снимке: пришли грузовозы из Архангельска.

Печора ждет с напряжением первые рейсы из Архангельска. За восемь с половиной месяцев зимы она изголодалась по товарам. Вместе с потребительскими товарами пароходы везут оборудование. Доставить во-время — значит полностью использовать его на протяжение короткого лета. С первыми пароходами выезжают на Печору многочисленные экспедиции: всякое промедление сжимает и без того напряженные сроки их полевых работ.

В Архангельске дни шли за днями. Один за другим срывались очередные пароходные рейсы на Печору. Многие ответственные грузы застряли в Ленинграде или медленно двигались по забитой составами северной железнодорожной ветке. В Архангельске томились будущие пассажиры парохода — члены разнообразных экспедиций, завербованные на Печорский лесозавод рабочие. Люди ежедневно посещали Совторгфлот, заново бронировали и перебронировывали места на первом пароходе и, не доверяя полученным справкам, высматривали начало погрузочных работ в порту.

Наконец назначили дату печорского рейса. Малодушный агент Совторгфлота, выдав двойное количество бронирован-

ных мест (против наличных на пароходе), предусмотрительно смылся из конторы. Началась осада кассы.

В крохотном помещении скопилось столько раз'яренных людей, что мордобой, угрожавший переходом во всеобщее кулачное побоище, был бы неизбежен, если бы не спасала давка. Люди, придавленные друг к другу, не могли вы простать рук. Когда наконец я добрался до окошечка кассира, пот стекал струей с моего лба. Но раньше чем получить билет, мне пришлось в течение некоторого времени выдерживать на себе тяжесть человека, ухитрившегося проползти по головам и плечам стоявших в толпе и бросить в окошечко проездные документы. Возмущенные предпримчивой наглостью этого человека—он оказался впоследствии молодым топографом,—мы хором выражали свое негодование, щипали и толкали его снизу; топограф, защитив успех своей экспедиции, пополз (по нашим головам и плечам) к выходу, сдавливая зубами заветные билеты и плацкарты. В борьбе за Печору он выиграл у архангельских головотяпов первый бой! Молодой топограф блестяще выдержал экзамен на выносливость. Будущее в Печорских тундрах его уже не страшило.

Архангельская «ходынка» не имеет никакого оправдания. Курьезный факт: наш пароход вместил всех желающих ехать; оказалось даже несколько свободных мест в каютах. И еще одна деталь: пароход ушел на Печору с незаполненными трюмами.

Нарушая последовательность событий, добавлю: бои за места на пароходе повторились и в Нярьян-маре. Речные рейсы не были согласованы с морскими. Дело приняло для многих трагический оборот. Маленький Нярьян-мар, не имеющий собственной продовольственной базы, не в состоянии кормить непрерывный поток пассажиров. Между тем никто не позаботился о завозе продовольствия для транзитных пассажиров, а собственные запасы, захваченные из Архангельска, приходили к концу. Пауза между рейсами речных пароходов угрожала голодом. Поэтому кассу пароходства осаждали с неменьшим азартом, чем в Архангельске. Билетов выдали такое количество, что перепуганный капитан неожиданно дал три гудка и отчалил от пристани. Так разделились семьи, экспедиционные группы; часть пассажирского багажа застряла на берегу.

Морское и речное пароходство вносило свою посильную «лепту» в трудное дело освоения Печорского края.

Непрерывным потоком устремляются через Нарьян-мар на Печору переселенцы с юга и с запада. На снимке: ждут речного парохода; на заднем плане—здание ненецкого окрисполкома.

Форпост индустрии

Печорский край даст стране во второй пятилетке не только лес, но и минеральные ископаемые — уголь и нефть. Лицо завтрашней Печоры определяется ими. Но сегодня Печорский залив встречает приезжего только лесом.

В Печорском заливе наш пароход выписывает кренделя. Вместо того чтобы итти напрямик к устью реки, он кружится по широкому полю залива, следя указаниям буйков, отмечающих фарватер. Печора, вливаясь в залив по своим двадцати рукавам, несет с собой тысячи тонн песку, ила. Куйский бар (в самом устье Печоры) регулирует движение судов по реке: его глубина девять с половиной футов. Но и залив мелок. Фарватер прихотливо изогнут: суда делают петли и долго кружат по заливу, раньше чем входят в русло реки.

Морская пристань в Нарьян-маре (устье Печоры) — единственный выходной порт из Печорского края, не имеющего пока железных дорог. Но морская пристань — наполовину порт, на-половину рейд. В устье реки суда грузятся не до полной

своей емкости. Они выходят полунаагруженными в залив и здесь пришвартовывают к себе баржи с лесом. Стоит возникнуть ветру с севера, и погрузка вынужденно прекращается: мелкие баржи, раскачиваясь на волне, рискуют разбиться о борта океанского парохода.

В Болванской губе нас встретил иностранный лесовоз, облепленный баржами. Погрузка шла в бодрых темпах. Море сохраняло спокойствие. Но южный ветер, благоприятный для погрузки заставил нас стоять на якорь в заливе: он отгонял морскую воду к северу и превратил Печорский залив в несудоходную лужу.

На лесовозе и на баржах суетились люди. Пароходная лебедка одну за другой подымала на уровень труб связки досок. Буксир пыхтел поблизости, готовый при первых признаках смены ветра отвести баржи под защиту Болванского носа.

Инженер, изыскатель Печорского порта, с нескрываемой досадой разглядывал суету на лесовозе.

— Разве в таких условиях возможен массовый экспорт? — спрашивал он радуженно. — Разве уголь выдержит двухкратную погрузку в порту?

Никто не защищал рейдовых условий погрузки; инженер получил возможность развить позитивные мысли о будущности печорского порта.

— Лучшее — враг хорошего, — сказал он, подчиняясь своей склонности к кратким сентенциям. — Несколько лет как носятся с мыслью о постройке канала Печора — Индига¹. Объявили, что Индига не замерзает, составили блестящий технический проект и на этом основании перестали заботиться об устье Печоры. Верно, печорский порт работает всего три-четыре месяца в году, но ведь и Индига замерзает. Менято уж не уверишь в обратном! Я зимовал на Индиге в тот год, когда ледокол не смог пробиться в бухту. Вот вам и «незамерзающий» порт! А к этому порту будет вести канал, покрытый льдом по крайней мере семь месяцев в году. И, кроме того нужны годы, чтобы выстроить канал, а превратить устье Печоры в судоходный порт можно за один сезон.

¹ Разработанный специальной технической комиссией проект Камо-Печорского соединения предусматривает в числе прочих мероприятий по улучшению судоходства по Печорской системе с перекесение выходного порта из устья реки Индиги, которая будет связана с помощью каналов и дноуглубительных работ на местных сферах и речах с Печорой.

621.98.
116.92

Рыбачья артель в Печорском заливе.

— Но ведь так же и решено,—робко вставил сосед, коператор из Нярьян-мара.—Индигу отложили в долгий ящик, а за Печору принялись вплотную. На днях должен был притти из Германии мощный землечерпательный снаряд. Печорскому порту на 1933 год отпускают четыре миллиона рублей.

Но инженера трудно было унять. Он подсчитывал убытки, причиняемые нынешней системой перевалочных работ. Двойная погрузка леса увеличивает расходы на тридцать процентов, чартер¹ иностранных судов увеличивается на два, на три дня, поглощает валюту.

Разговор был прерван командой капитана. Начался прилив. Дельта Печоры опять пополнилась водой; капитан надеялся преодолеть Куйский бар.

Лесовоз остался в заливе, на нас поплыли тундровые берега; они незаметно сдвинулись. Пароход шел широким рукавом печенской дельты. Мелькнуло два самоедских чума. с лодок приветствовали нас артели рыбаков. Мы миновали

¹ Чартер — договор о фрахтогании судна,

? Большая Печора

несколько поселков, повстречали баржи и буксиры и стали огибать полуостров, отдаанный целиком во власть леса, лесной промышленности. Это и был Печорский лесозавод, построенный на месте сгоревшей дотла «Стеллы Полярис».

Печорский край выставил на север свой индустриальный форпост — лесопильный завод и лесную экспортную биржу. И рядом с заводом, в полукилометре от него, возник городок.

Печорские жители, зимовавшие в Архангельске пассажиры нашего парохода, с восторгом считали: «Восемнадцать... двадцать... двадцать два дома!» Город продолжает расти, дома еще не скинули лесов, обугленные стволы указывают на замыслы строителей. В прошлом году на морской пристани едва ли можно было насчитать семь-восемь домов. Сейчас на голом месте построился Нярьян-мар, Красный город, столица национального ненецкого (самоедского) округа. Огромные, двухэтажные дома городского типа в тундре — в этом символ перемен, произошедших на севере после Октябрьской революции.

Заводской катер отвозит нас на лесозавод. Запань вплотную забита бревнами. Кажется, леса избыток. Но у директора мы узнаем, что наряды на лес выполнены неполностью, что «Комилес» испытывает острую нужду в людях: индустриализирующийся край не может удовлетвориться наличными кадрами.

И все-таки запань с шныряющими по ней катерами, густо забитая лесом, наполненная треском моторов и штабелей-укладчиков, — величественное зрелище для крайнего севера.

Завод поблескивает на солнце разбитыми окнами. Несколько конвейеров по изогнутым дугой висячим мостикам вытягивают бревна, ряд за рядом, в верхний этаж лесозавода. Завод, как прожорливый удав, поглощает бесконечные цепи блестящих после обильной поливки бревен. С визгом врезаются пилы лесопильной рамы в живую древесную ткань. Конвейер продолжает толкать бревно. Оно входит в раму могучим, упругим, но в раме сила его исходит опилками; бревна уже нет; содрогаясь выползают из рамы тонкие доски с неровными темными краями. Конвейеры разносят их по различным каналам, и в каждой доска, пропуская через себя пилу, принимает стандартную форму, принаряжается, освобождается от неровной боковой каймы. И тогда тысячи досок поступают в сортировку, разносятся в разные концы лесной биржи и укладываются в изящные штабеля.

В тундре строится город Нярьян-мар—ненецкая столица.

— Нехватает людей, отсутствуют квалифицированные кадры,— жалуются в один голос и директор и председатель фабкома.

Коми-область должна была дать по плану пятьсот рабочих, Архангельск—семьсот. Между тем из обоих источников на завод прибыло пополнение всего в семьсот человек.

— Давай, товарищ, людей из России,—говорит вполне серьезно предзавкома.—Давай к следующему году. Печорский край свободных людей не имеет. Подумай! Замшевый завод построили? Консервный завод построили? Точильную фабрику строим? Дичный и рыбный промыслы увеличили вдвое? Пригнали десяток новых речных пароходов, расширили заготовки леса? Ухта и Воркута тоже пользуются местным зырянским транспортом. Люди в Печорском kraе нарасхват. Печорский край своими людьми обернуться не сможет. Давай, товарищ, людей из России, я тебе говорю.

— И не забудьте прихватить инженеров,—улыбаясь, добавляет директор.—Подумайте: на всем заводе—ни одного инженера. Главный механик—выдвиженец. Техник по распиловке—практик. Школа фабзавуча не обеспечена квалифицированным преподавательским персоналом. Нам нужны и инженеры, и техники, и мастера, и наконец просто грамотные люди. Ведь у нас здесь комишкола. Лю-

ди приходят без квалификации, без грамоты, без пролетарского самосознания. Мы их воспитываем, квалифицируем...

— А на следующий год,—закончил с горечью предзакома,—сельсоветы и местные партийные работники выдвигают их на командные посты — как никак пролетарии! — и шлют нам на выучку новых.

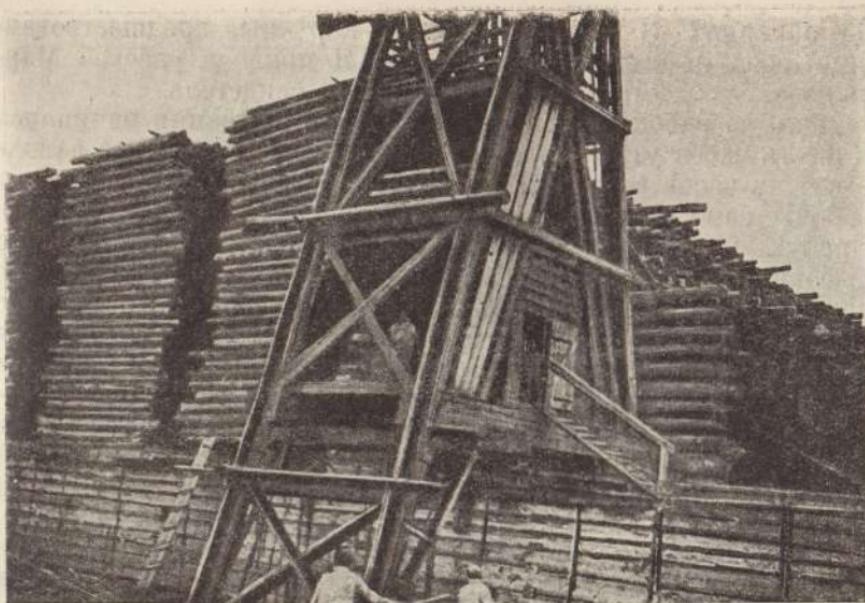
— Разве это так плохо?

— То есть как же это не плохо? — Директор негодовал. — Мы на хозрасчете, у нас есть план. Попробуй-ка выполнить качественные показатели, когда большинство рабочих имеют полугодовой стаж. Так и сидим на восьмидесяти процентах задания, позоримся на весь СССР... Это хорошо, да? Можем мы в отчете писать, что плана не выполняем, да зато комплектуем нашими кадрами сельсоветы и местные промыслы? Погладят нас за это по головке? — Нет, — закончил директор, — мы свою хитрость имеем. По нынешнему времени нельзя опираться на сезонную рабочую силу. В прежнее время в печорской деревне пухли с голоду. К весне об'едали кору на деревьях. С первым пароходом приезжал хозяинчик. Стоило ему кликнуть клич — он мог собрать любое количество рабочих да еще произвести среди них отбор. В наше время сезонная рабочая сила неустойчива. Товарищ Сталин предложил работать по-новому. Мы тут и решили: звать на завод с семьями, на постоянное жительство. Пожалуйста: живи здесь круглый год, детей твоих будем учить в школе, работай тебя обеспечим, но ты чувствуй себя не гостем, а хозяином, коренным пролетарием.

— Решили-то — решили, — с грустью вымолвил предзакома, переходя в оппозицию к директору, — а ты вот решения плохо выполняешь: второй дом для семейных не закончил, в школе до сих пор сезонники живут. Безобразие!

Директор обвинил предзакома в демагогии. К бирже пришвартовались сразу три иностранца. Надо было закончить погрузку без промедления, чтобы не платить демпoch¹ в валюте. Пришлось временно снять рабочих с постройки, другого выхода не было. Предзакома признавал, что погрузка экспортных судов не может быть отложена, но вспоминал другие прегрешения дирекции. Переbrанка не обнаружила никаких принципиальных разногласий, она сама собой прекратилась, когда мы вышли, миновав спортивное поле, к новому заводскому поселку.

¹ Демпoch — штраф за просрочку договора на морские перевозки.

Штабелеукладчики придают затону индустриальный вид.

Группа культурно построенных двухэтажных домов и маленьких коттеджей отдыхала в зеленой рощице. После ужасных бараков-сараев, оставшихся от старых хозяев и, к сожалению, еще не снесенных, глаз радовали четкие линии культурных «дач» (так именовали здесь вновь отстроенные дома). В идеальной по чистоте столовой нас накормили сытым, питательным обедом со свежими овощами и сладким. В соседнем клубе фабзавучники репетировали пьесу. Мы заглянули и в ясли, но были изгнаны оттуда руководительницей. «Дети спят!» сказала она.

Мы отправились осматривать биржу. Предзавкома рассказывал о рабочем быте на старом, царском заводе в устье Печоры.

Я сверил впоследствии его рассказы с записями известного исследователя Печорского края С. В. Мартынова¹. Оба источника согласно рисовали ужасы самой чудовищной эксплоатации, свойственной капиталистическим хищникам

¹ С. В. Мартынов, Печорский край, 1904 г., литография (хранится в архангельской Публичной библиотеке). Автор — врач, совершивший длительное путешествие по Печорскому краю.

на окраинах. В памяти оживали картины, предшествовавшие ленским событиям в Сибири. Я приведу рассказ Мартынова. Это достоверный, обективный свидетель.

День на заводе русской лесопильной компании начинался в шесть часов утра. Он кончался на бирже в семь, на заводе в восемь часов вечера. Днем об'являли перерыв на два часа: рабочие сами варили себе пищу (хозяин нанимал без харчей). Продукты отпускались из заводской лавки по неслыханно высоким ценам. Рабочие питались гнилой солониной. «Ее как поешь,—жаловались рабочие,—то нутро болит, несет с обоих концов». Осмотр показал, что амбар для продуктов помещается в одном здании с отхожим местом. В амбаре пахнет гнилью; солонина покрыта слизью, приобрела серо-зеленый цвет. Треска совершенно испорчена, рвется на куски, как тряпка. На заводе нет резервуара для питьевой воды. Рабочие звали лавку холерным магазином. Люди жили в неописуемой тесноте. Жили в трюмах барок, в бане. В тесовых бараках приходилось по пять кубических метров на человека, в них было темно и грязно. А зимой в жилых помещениях сидели в малицах — дрогли от холода. Ближайший врач находился в Усть-Цильме — за триста километров. Цынга свирепствовала на заводе.

Бесправие превращало рабочих завода в крепостных. От'езд с завода в разгар сезона не разрешался: администрация не возвращала паспорта...

Предзавкома увлекся рассказом о прошлом, так ярко оттеняющим был современного советского завода. Директор отнесся к этой теме без всякого сочувствия. Интересы сегодняшнего дня, интересы производства держали его целиком в своем плену.

Возможно, что его психологи не были чужды черточки делячества. Но в данном случае, перебивая предзавкома, он имел оправдание: ему хотелось компенсировать в наших глазах неполадки на производстве, недовыполнение программы блестящими результатами работы биржи.

— Брось, Андрей,—сказал он примирительно, похлопывая предзавкома по плечу.—Старинку все равно всю не обскажешь. Давай лучше похвастаем нашей биржей, похвастаем нашими героями. Вот они, кстати.

Директор подозвал к себе нескольких людей, наблюдавших за погрузкой. Среди них оказался директор биржи и два бригадира.

— Знаете ли, — обратился ко мне директор, — по всей архангельской kontоре «Экспортлеса» достигнуты в этом году

Срок погрузки иностранных лесовозов сокращен с 15 до 9 дней. На снимке: американский лесовоз пришвартовался к лесной бирже.

необычайные успехи. Получил недавно сводку: срок погрузки пароходов сокращен с девятнадцати до девяти дней, демпoch сведен к нулю и за полтора месяца навигации сэкономлено сто пятьдесят тысяч рублей золотом в виде диспачи¹. Недурно. Мы, знаете ли, тоже стараемся не отстать. Заработали по-новому — и результаты иные.

У пристани грузился американский пароход. Вновь прибывшая смена становилась на места, ни на минуту не прекращая погрузки.

В разговор вступил директор биржи:

— Подготовка нынче прошла стопроцентно. Товар заранее отсортировали, хлам удалили, мостовые починили. Ожидали автовоз. Он нас дисциплинировал. Капризная машина — на плохой мостовой не работает.

Я вспомнил американские лесовозы, во множестве шныряющие по улицам и проспектам, образованным штабелями досок на архангельских лесобиржах.

¹ Диспачи — премия за досрочное освобождение зафрахтованного парохода.

Лесной автовоз также отдаленно напоминает трактор, как «первый велосипед» Бэстера Китона предвосхищает современный велосипед. Автовоз необычайно легок. Сидение шоффера находится на высоте двух метров. Вся сердцевина автовоза зияет пустотой. Шоффер, поставив машину так, чтобы заготовленный заранее стандарт пиломатериалов находился между колесами, нажимает педаль. Доски вместе с санями, на которых они уложены, оказываются в тисках. Поворот рычага — и бремя досок приподнимается над землей. Автовоз, управляемый как автомобиль, быстро катится по мостовой к пристани. Он выплевывает свою ношу на берег и уносится обратно за следующей. Автовоз работает лишь на гладкой, досчатой дороге, без щелей и ям.

— И к тому же порядочек ввели, — добавил от себя руководитель лесобиржи. — Раньше приходилось договариваться с тремя бригадами. Стивидоры послевают — возка задерживается. Возчики подтянулись — грузчики тормозят. Теперь на каждый трюм одна сквозная бригада, один хозяин — бригадир.

— Какой из меня раньше бригадир был? — насмешливо подтвердил человек, пришедший с директором биржи. — Просто так: старшиной рабочих состоял. Мне скажут, я рабочим передам — вот и вся моя функция. А теперь я знаю: за всю погрузку отвечаю, в неполадках, какие случаются, виноват буду. Но зато и успех мне зачтется.

— Нам пынче почет, — смеясь поддержал второй бригадир-комсомолец, — нас директорами бригад зовут. Ну, как же тут лицом в грязь ударить!

— Вот, — торжествуя резюмировал директор, — заработали по-новому, по-сталински — и результаты налицо. Советской стране дали экономию валюты, в рабочих зажгли энтузиазм, заработок повысили, ну и, так сказать, поддержали честь советской страны. Норвежский капитан недавно хвалил нашу работу. Говорят, успеваем, не хуже норвежцев работаем.

Директор рассмеялся.

— Понимать надо: по его разумению это самый шикарный комплимент!

«Дьявольское время»

Биржа на Печорском лесозаводе занимает огромную площадь. Ее пересекает дряхлый виадук¹, построенный прежним хозяином. Виадук не выполняет никаких полезных функций,

¹ Виадук — мост.

он представляет пожарную опасность и потому предна-
значен на слом. Виадук затемняет перспективу. Он помешал
мне распознать в одном из лесовозов, стоявших под погруз-
кой, знакомое еще по Карской экспедиции норвежское судно
«The eaglet» («Орленок»).

Поэтому так неожиданна была наша встреча с капитаном
«Иглете». Мы столкнулись нос к носу в переулке, образован-
ном штабелями двухдюймовых досок.

Он мало изменился, капитан «Иглете», мой давнишний
гостеприимный хозяин! Трудно было забыть эту неповторяе-
мую комбинацию огромных, мясистых, багрово-красных щек,
примятой капитанской фуражки, широченного пиджака, спа-
давшего добродушнейшими складками с плеч семипудового
гиганта.

В течение трех недель 1928 года я плавал на «Иглете»,
участвовавшем в Карской экспедиции. Мы отлично ладили
с капитаном: он никогда не отказывал мне в беседе и часто
за бутылкой рома бывал достаточно откровенен.

— Käpten! — воскликнул я, радостно протягивая руку мор-
яку.— Узнаете? Тысяча девятьсот двадцать восьмой год,
Карское море. (Я говорил по-немецки).

Капитан приветливо тряс мою руку и изливался в лю-
безностях. «Нет Journalist» не сходило с его уст. Он по-
прежнему приготовлял странное месиво из немецких, англий-
ских, норвежских слов; но теперь он присоединял к ним
немало русских оборотов. Я спросил его, чем об'яснить эту
руссификацию речи. Грустно улыбнувшись, капитан ответил,
что русские — главные, и в последнее время единственны
клиенты. Оа часто ездит в Советский союз и может уже
об'ясняться по-русски с портовыми чиновниками.

Капитан пригласил меня к себе, чтобы распить по старой
памяти бутылочку вина в его салоне из красного дерева.
Мы отправились на пароход. «Иглете» оставался все тем же
чистеньkim норвежским лесовозом. Петерсен приветствовал
меня, не отрывая рук от управления лебедки. В чистом
коридоре нам повстречался новый помощник капитана. В
салоне осталось все прежнему, но сильно потерлась ме-
бель, обшивка; чувствовалось, что комнаты капитана давно
не ремонтировались.

Все тот же неунывающий стюарт (буфетчик) принес кофе и
вишки-сода.

— Как дела? Женились ли наконец? — спросил я стюарта,
вспоминая тягучую его историю с невестой: стюарт копил

деньги для женитьбы и в 1928 году рассчитывал, что невесте не придется прождать его больше двух-трех лет.

— Спасибо. Кому теперь хорошо живется? Господин сам знает: кризис. Полтора года был безработным. Нет, господин, не женился. Ждет ли фрекэн Анна? Конечно ждет, что же ей делать? Придется ждать лучших времен.

— Да, кризис, кризис,—уныло повторил капитан.—Вы знаете, «Иглеть» полтора года стоял на приколе. Я почти разорился. Теперь вожу главным образом советские грузы. Обратные рейсы порожняком. Какие убытки! Борюсь из последних сил, чтобы спасти «Иглеть» от гниения в затоне.

Я вспомнил самоуверенные речи капитана в 1928 году, его наивные похвалы норвежскому демократизму, рассказы о короле, разезжающем иногда по Осло в трамваях и скромно выстаивающем свой маршрут на площадке среди мужчин. Я вспомнил его громовые «доннерветтеры»¹ по адресу «безработных бездельников, которые получают пособие от государства за его счет, за счет честного среднего человека». В тот рейс он поучал меня и моего товарища, германского коммуниста Лукаса, что на его родине на дно жизни опускаются только никчёмные трусы и негодяи, что безработный—синоним лентяя и паразита.

— Дьявольское время, — сказал капитан, как бы разгадав мои мысли. — Жестокое время. Я готов изменить некоторые суждения. Вы помните сына — Гильдебранда? Представьте, три года назад он кончил курс учения и с той поры — безработный. Мои дела плохи, надо мной висят платежи за «Иглеть». Я вынужден был пристроить Гильдебранда на судно моего приятеля младшим помощником бесплатно. Он пользуется на судне столом, квартирой, он получает практику, но ни пфеннига денег. Я посыпаю ему на карманные расходы. Вы понимаете, посыпаю немного. Юноше нужно больше, но, что делать, кризис... Гильдебранд ждет лучших времен; он был всегда скромен — вы помните?

Я вспомнил Гильдебранда — он служил юнгой на «Иглете», принадлежавшем отцу и управлявшем им. В Норвегии сохранились некоторые патриархальные традиции. Каждый капитан должен лично проделать (хотя бы в ускоренном порядке) карьеру моряка. Конечно, не будь кризиса, юнга Гильдебранд быстро продвинулся бы в руководящий командный состав корабля: за ним были связи отца-капитана.

¹ Немецкое восклицание, соответствующее, примерно, русскому «чорт побери».

систематическое образование, он не боялся конкуренции. Но я отдавал честь отцу: старик-капитан не пользовался своей властью, не пытался превратить трудовой стаж сына в фикцию. Гильдебранд жил среди матросов, питался вместе с ними, более или менее честно нес обязанности юнги и посещал отца не чаще двух раз в неделю.

Кризис испортил карьеру Гильдебранда. Отец переживал безработицу сына как личное оскорбление.

— Плохо живет Норвегия,— сетовал капитан.— Еще хуже живут в Англии, в Германии. Хорошенькую шутку выкинули мир! Старые богатые страны болеют кризисом, конца болезни не видно, организм разрушается, как обстановка этого салона. А ваша Россия, ваш Советский союз каждый год вывозит все больше леса. Я бываю в России несколько раз в год — и каждый раз застаю новые заводы, новые постройки. Это невеселая для нас шутка. Есть о чем подумать в бесконные ночи.

Капитан помолчал, посасывая виски через соломинку.

— Мы, средние деловые люди, которыми держалась старая Европа, стали много думать. Жизнь заставляет чересчур много думать, чорт побери! Мы боимся наших дум; я стал бояться одиночества. А, что вы скажете, господин журналист? Капитан Иенсен, проплававший сорок пять лет по морям всех частей света, боится остаться наедине с самим собой?!

Капитан Иенсен боится остаться наедине с самим собой в своем салоне! Я вспомнил нелепые, смешные порядки на «Иглете», так поразившие меня в 1928 году. «Иглеть» плавал в советском море; он подымался к семьдесят четвертой параллели. И все-таки даже в Ледовитом океане незыблемой сохранялась буржуазная табель о рангах.

В самом низу социальной лестницы норвежского лесовоза находится юнга, четырнадцати-пятнадцатилетний парнишка, принужденный сверх обычной матросской работы убирать матросские помещения и терпеть издевательства команды. Социальная дифференциация коснулась и пролетарского ядра «Иглета». Внизу, в кубрике, вместе с командой живет Петерсен. В море он — рядовой матрос. Но в порту во время погрузочных операций Петерсен более самостоятелен. Смешно видеть, как преображает его в собственных глазах пятнадцатицублевая прибавка к жалованью и отдельная каюта в кубрике. Он не принят в среду младших офицеров, но внизу, в кубрике, это аристократ. Он обедает отдельно от команды, и юнга прислуживает ему.

Согласно иглетовской табели о рангах, матрос имеет на судне только обязанности. Его права исчерпываются правом на еду для поддержания своей рабочей силы и правом на кутеж в кабаке ближайшего порта. О праве матроса на культурные условия жизни и отдыха нет речи. Свое свободное время матрос вынужден проводить на койке, так как неписанный устав иностранных судов гласит: матроса, который не работает, не должно быть ни видно, ни слышно.

Но и немногочисленный состав офицеров «Иглета», безобразно третируемых самим капитаном, ухитрился разбиться на две группы. Двое офицеров не удостоены совместной с прочим комсоставом трапезы: они обедают во вторую очередь, вместе с лакеем капитана и коком.

Впрочем, лакей капитана — немаловажная персона на судне. Правда, он выполняет грязные работы, ухаживая за капитаном и его собакой. Но в силу одного того, что он приближен к человеку, стоящему на вершине общественной лестницы, искусно воздвигнутой на «Иглете», и на него нисходит солидная доля благодати. Капитанский холуй получает жалованья вдвое большее, чем матрос, и всего на шестьдесят крон меньше помощника капитана.

Но зато каждый младший офицер удовлетворяет свое тщеславие сознанием воздвигнутой между ним и командой китайской стены. Матрос не пройдет лишнего раза по офицерскому коридору и уже наверное не остановится в нем без работы.

«Всяк сверчок знай свой шесток». Если во время стоянки офицеру вздумается погреться на солнышке, он никогда не переступит порога предоставленного в его распоряжение грязного спардэка¹, не перейдет на крытую палубу капитана. И в то же время он был бы твердо уверен в крушении мира, если бы застал на спардэке отдыхающего матроса.

Высшую аристократию иглетовского мирка, крохотной миниатюры «демократической» Норвегии, представляет единолично капитан. Он один занимает семь превосходных комнат, включая единственный на судне салон в четыре окна, отделанный под красное дерево. Офицерам «Иглета» приходится довольствоваться плохонькими каютами с дверьми, выходящими в незащищенный от ветра угольный коридор. В некомфортабельных условиях плавания на грузовозе право на чистоплотность сохранено лишь за одним капитаном:

¹ Часть верхней палубы.

единственная ванна на судне находится в его индивидуальном пользовании.

Сущность режима вскрывалась забавной бытовой деталью: в 1928 году капитан никогда не обедал с офицерами. Умирая от скуки, он изнывал в одиночестве в своих семи комнатах, вынужденный поддерживать высоту своего ранга. Его общество составляли лакей и пес Топси. Собака пользовалась наравне со своим хозяином высшими привилегиями и поэтому безнаказанно оставляла на всех углах офицерского спардэка следы своих визитов.

И вдруг оказывается, что кризис принес с собой реформы для «Иглета»! Он еще не сбросил капитана в ряды безработных и не уравнял с безработными рабочими и матросами. Он конечно не устранил строгую социальную дифференциацию на судне. Но кризис так тяжело повлиял на капитана что—«вы понимаете, господин журналист?»,—капитан Иенсен, не желая остаться наедине со своими мрачными мыслями, приглашает к своему столу низших смертных — двух своих помощников! Как «жестоко» шутит кризис с демократическими норвежцами из слоя честных средних людей!

А капитан, наливая себе четвертый бокал виски—раньше он был умеренное,—все вновь и вновь возвращается к теме о СССР.

— Россия строит новые суда. У нас они стоят на приколе, а в Архангельск приходят новые русские лесовозы. Россия покупает наши суда совсем дешево. Всякий теперь продаст пароход. Я сам готов был бы продать «Иглет», и мои команьоны безусловно согласились бы,—тяжелые времена. Посмотрите, сюда, в устье Печоры, пришел пароход-землечерпательный снаряд. Он стоял без дела и куплен вами почти задаром. Но я еще не могу расстаться с «Иглетом». Сидеть на берегу, проедать деньги, вырученные за «Иглет», я не могу. А кто же во время кризиса даст мне командование над судном? Вот если бы пригласили меня капитаном на советское судно....—Иенсен смотрит на меня полуувопростиительно и делает небольшую паузу, — об этом можно было бы подумать. Ведь у вас нет безработицы, вам нужны опытные капитаны. Иенсен проплавал сорок пять лет по морю.

— Käpten, — спешу я уверить Иенсена, — конечно вам стоит предложить свои услуги, вас оценят. Но легко ли вам примениться к советскому режиму? Вы знаете, у нас — иначе, чем в демократической Норвегии.

Я вспомнил, как в Карской экспедиции во время банкета на советском «Фрумкине» капитан Иенсен ошалело разглядывал уборщицу, принесшую самовар в кают-компанию и спокойно усевшуюся за один стол с «капитаном».

Капитан Иенсен, семь комнат, олимпийское величие и вдруг — советский герб на фуражке, красный флаг на судне, совещание треугольника, отчет на производственном совещании. Нет, это невероятно!

— Кризис, кризис, мой дорогой герр журналист,—улыбается Иенсен.—Кризис прикажет, и мы будем прыгать, как школьники на одной ножке. Почему я не могу переселиться в Ленинград? Я был там несколько раз за последние годы. Очень хороший город — совсем европейский.

— Ленинград — совсем европейский город, — смиренно повторил на прощание капитан. Он мобилизовал остатки своей былой величественности. — Вполне можно жить и в Ленинграде. Лишь бы была уверенность в завтрашнем дне. Проклятый кризис! Мы, средние люди, не знаем, что хорошего сулит нам завтрашний день. Безработные теряют голову. Их слишком много, чорт побери, для одной маленькой Норвегии!

Ненецкая столица

Русские сапоги, плисовые штаны, косоворотка; помятая кепка сдвинута на затылок; убежденный вид «своего» в Советской стране парня; несколько книг, оленья постель, корзинка с барахлишком составляют весь его багаж на пароходе. Облик пролетарского студента из нацменьшинств. Рядом — жена, белокурая девчина; ее лицо сразу раскрывает несложную биографию: в прошлом крестьянка, в настоящем — работница.

Он ненец — самоед. Его жена — русская. Он студент Ленинградского института малых северных народностей и едет в длительный отпуск через Нарьян-Мар в тундру, захватив с собой жену. Она учились на медицинских курсах, может работать санитаркой.

Парень сносно об'ясняется по-русски. Но говорит необычно: короткими, с воробышней нос, фразами. Возможно, это результат перевода с ненецкого языка.

Парень возбужден до крайности. Размахивает книжкой Викторина Попова, негодует:

— Дурной человек. Зачем выдумывает? Ненцы — отсталый народ. Ненцы культуры не знают. Зачем выдумывать лиш-

нее! Гляди, Попов пишет неправду. Будто председатель тузсовета испугался лошади. Будто умчался в горы от невиданного зверя. Будто лошади никогда не видел. Неправда! Простой самоед, и тот знает лошадь. Самоед ямдает¹ на Уссу. Самоед сто раз видел лошадь в зырянской деревне. Председатель тузрика — Тайбарей. Председатель не только лошадь, автомобиль, наверно, видел. Зачем говорить неправду? Зачем хочет смеяться над ненцем? Дурной человек!

Я взял из рук ненца книжку Викторина Попова². В ней рассказывалось между прочим, что председатель кочевого совета на Вайгаче, увидев впервые в жизни экспедиционную лошадь, умчался в паническом страхе.

Я прочел эту книгу впоследствии.

Викторин Попов зимовал на Большой земле. Он собрал и поместил в книге немало свежего, ценного материала, но, не удовлетворившись красочной действительностью, соблазнился легкими анекдотическими сюжетами.

Рассказ о печорском ненце, не видавшем за свою жизнь лошади, — «развесистая клюква». Ненецкие стада зимуют в лесо-тундровой полосе, где разбросаны оседлые поселки зырян и русских.

Викторин Попов пошел в этом случае по пути многих других, по пути легкой, но недоброкачественной литературной «наживы».

Излив свое негодование, студент заговорил о другом:

— Очень по тундре скучал. В чуме хорошо, прохладно. Конечно я теперь новый. Люблю чистоту. Хорошо б электричество в тундру. Навсегда в чуме жить плохо. Отдохнуть в чуме хорошо. Как жена — не знаю. Русская. Испугаешься, Маруся?

— Ладно, ладно, обо мне заботы нет. Ты-то сам не отвык?

— Мне отвыкать нельзя. Новых ненцев мало. Надо в тундру. Надо ненцев учить.

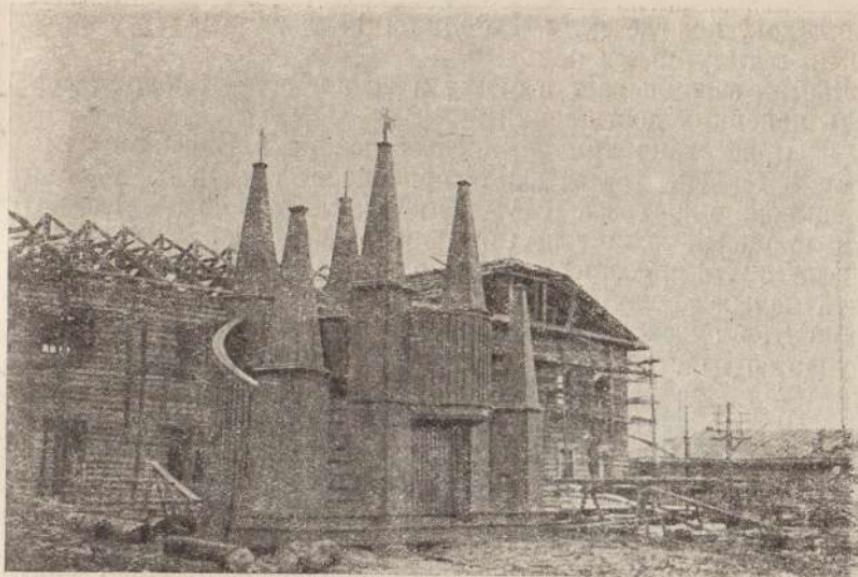
Я встретил его спустя несколько дней в Ненецком окружном исполнкоме. Он сменил русский костюм на ненецкий, готовился выехать в тундру, в один из крупных колхозов. Жена не отставала от мужа. Ее провожали любопытными взорами: смешанные ненецко-русские браки пока — редкость.

¹ Кочует с оленями.

² Викторин Попов, Люди Большой земли, 1982 г.

Нярьян-мар — ненецкая столица — возникает из пустыни. Он построился на тундровом берегу Печоры, в ее устье, возле Морской пристани, единственного печорского порта. В Нярьян-маре строят дома-гиганты. Дом окружных организаций — капитальной русской стройки; в нем имеются даже теплые уборные — неслыханное во всем Печорском крае достижение. Ответственные работники ненецкого правительства сидят в отдельных кабинетах, заседают за столами, крытыми зеленым сукном, а если они не разъезжают пока в автомобилях, то по единственной причине: во всем Ненецком крае нет ни одной хотя бы грунтовой дороги. Кабинеты и заседания ни в какой мере не свидетельствуют о бюрократизме руководящих органов Ненецкого округа. Перед ним стоят огромные хозяйствственные и культурные задачи. В ряду других национальных районов Советского союза, индустриализируется и Ненецкий округ. Возникают десятки экономических и организационных проблем; они требуют своего разрешения. Тундра колективизируется; 40 процентов оленевого стада обобществлено в совхозах и колхозах. Ненецкие колхозы организованно участвуют в промыслах. Обширная сеть культурных организаций разворачивается в тундре. Для направления всей работы, для разрешения возникающих вопросов нужен квалифицированный аппарат. Но Ненецкий округ — это не только тундровое население. В Ненецком округе, кроме 6 тысяч ненцев, живут 14 тысяч коми и русских; из них 6 тысяч человек занято индустриальным трудом. Ненецкий округ сдал на $\frac{1}{4}$ миллиона рублей пушину, выловил 79 тысяч центнеров рыбы, организовал 80 тысяч оленей в колхозные и совхозные стада.

На территории Ненецкого округа строится большой выходной порт для всего Печорского края, вдвое расширяется лесопильный завод; в восточном секторе округа строится угольный рудник, имеющий крупнейшую будущность; к северу через Большеземельную тунду тянется трасса намеченной к постройке железной дороги. Выходная (к морю) железная дорога, рудник, оленесовхозы, консервные заводы в устье Печоры и на Вашуткиных озерах — таково близкое будущее Ненецкого национального округа. Возрождение ненецкого народа на верном пути: оно произойдет на базе хозяйственного оживления тундры. Решение всех вопросов связанных с индустриализацией округа, с организацией масс на борьбу за ее осуществление, требует компетентных людей, соответствующей деловой обстановки, а следовательно засе-

В столице Ненецкого округа, Нярьян-маре, живут общими радостями со всеми трудящимися Союза. На снимке: почетные трибуны в городе Нярьян-маре.

даний, а возможно и отдельных кабинетов ответработников.

В одном из таких кабинетов со мной разговаривает Лымин, председатель окрисполкома, окончивший московский КУТВ¹. Мы условились: он расскажет о ненецкой интеллигенции, о подях, вторично рожденных советским городом.

Лымин говорит по-русски гладко. Изредка проскальзывает неправильный оборот, ставится неправильное ударение.

— Тундра меняет свое лицо, — говорит Лымин. — Вернувшись из КУТВа, я не поверил глазам. Конечно это мелочи, но они показательны. Я встретил кое-где легкий летний чум — суконный. Почти везде стоят железные печки; раньше их не было. В каждом доме — лампа. Правда, керосина мало, зажигают по праздникам², но это только начало. В чумах учили, что такое гигиена. Неслыханно: много пленцев прошло через баню. Некоторые пристрастились: приедут взырянскую деревню и просят пустить в баню. Разве раньше могло такое случиться? Все это мелочи, но их надо учитывать. Есть дела поважнее. На Большой земле — пять дет-

¹ Коммунистический университет трудящихся Востока.

площадок, кое-где ясли. Сегодняшние дети вырастут здоровыми, культуриными ненцами.

Лымин заглядывает в папку и читает оттуда подряд перечень ненецких достижений:

— «Образовано три тундровых совета в Большой земле, один в Малой. Шестьдесят процентов трудовых хозяйств обединено в колхозы. В тундре коллективизировано двадцать три процента хозяйств. Образовано шесть красных чумов. Шестнадцать русских школ охватывает девятьсот сорок пять человек учащихся, что составляет девяносто девять процентов русского населения. В девяти ненецких школах обучается двести сорок три ненецких ребенка. Среди ненцев считается уже десять процентов грамотных».

— Видите, — говорит Лымин, улыбаясь (небрежным жестом он бросает папку на место), — приходится считать достижением, что неграмотных только девяносто процентов!

Я рассказываю Лымину о посещении чума. Хозяин чума недавно прикочевал в Нярьян-мар. Он болен воспалением легких. В больнице ему не понравилось: заставляют спать на высоких столах, одевают стыдную одежду, жарко. В чуме больному ненцу легче. Чум у ненца летний, сделан из палатки, пол досчатый. В чуме светло, относительно чисто. За игрушечный стол уселась вся семья: хозяин, двое старших детей от старой жены и трое младших. Девушка лет шестнадцати — совершенный тип монгольской красавицы с точеными чертами лица — хозяйничала. Поставила на столик миску с лепешками, кислую рыбу, густо заварила чайник, кипевший тут же на маленькой печурке. Старший сын — ловкий, красивый парень, похожий на сестру, — несколькими ударами расколол сахар. Жена — уродливое, прежде временно состарившееся существо — кормила самых младших. Семья усердно поглощала чай. Запас сахара таял на глазах; ненцы не расчетливы: получив «норму», с'едают ее в первые же дни. Младшая девочка, лет одиннадцати, заинтересовалась моим фотоаппаратом. Но разговориться с ней не удалось — она не понимает ни одного слова по-русски, а между тем, по словам отца, год проучилась в школе у русского учителя.

— Много ли учителей-ненцев? — спрашиваю я у Лымина.

— В этом вся беда — мало культурных ненцев. Пока сами ненцы не научатся грамоте, да к тому же грамоте на своем родном языке, культура не продвинется в массы. Что может сделать русский учитель, когда он не в состоянии объясняться с ребятами? Много ли может сделать ненец-учитель,

Ненец, приехавший из тундры в Большой Совет, поставил возле самого Нярьян-мара свой чум.

если он преподает русскую грамоту? Латинизированный алфавит, свою грамматику нам дали совсем недавно. Мы сами, передовые ненцы, изучаем новую грамоту. Вот поглядите.

Лымин показал мне обязательство ненца, Петра Апицына. Комсомолец Апицын обещал: 1) обучить пять ненцев грамоте на их родном языке и 2) предварительно научиться самому новой грамоте. Заявление было написано по-русски, грамматически правильно.

— Самое главное,— говорит Лымин,— чтобы ненцы имели своих культурных людей. КУТВ окончило двое, один учится в аспирантуре, в Москве. Есть уже несколько человек, окончивших Ленинградский институт северных народностей; несколько человек студентов приехало на практику. Один ненец учится на ветврача, один на медицинского врача. У нас в округе пять больниц, десять медпунктов, но пока только два фельдшера-ненца. В архангельском комвузе учится один, в уральском техникуме другой. Есть несколько культурных ненцев более ранних поколений. Один — окнрапобраз, товарищ Вычейский, другой — округу. Через два-три года педтехникум выбросит новые кадры. В Пустозерске учится двенадцать ненцев. Создается более нормальное со-

Среди ненцев появляются первые образованные люди. Художник Н. Гатилов набросал портрет руководителя народного образования в округе — ненца Ивана Павловича Выучейского.

отношение между образованными ненцами и массой. Тогда культурное движение получит полную силу.

**

Территории ненецкого национального округа огромны. Малая и Большая земля тянутся от самой Индиги и до Карского моря. Зимой границы округа фактически передвигаются к югу вместе со стадами оленей, кочующих в лесотундровую полосу области Коми.

Коренное население тундры находится в постоянном движении, прерываемом немногодневными стоянками.

В прежнее время тундра строго размежевывалась между собственниками стад. Маршруты кочевий передавались по наследству от отца к сыну, оставаясь в роду, в семье. Богатые оленеводы, владевшие тысячными стадами, постепенно захватывали лучшие, наиболее короткие, защищенные от ветра, изобиловавшие ягелем маршруты. Бедные ненцы от-

теснялись в отдаленные районы, с чахлой растительностью, с зараженными полями ягеля. Однообразная на наш взгляд тундра была исчерчена линиями невидимых непосвященному границ. Этот порядок создавался веками. Внутренние классовые передвижки, в силу которых лучшие пастбища отходили к богатым ижемцам, происходили непрерывно, но тоже, по внешности, не нарушили «справедливого» закона тундры.

При всей классовой четкости старого тундроустройства границы пастбищ существовали лишь в памяти старейших рода. Тундра не была нанесена на детальные карты, кормовые ресурсы никем не были подсчитаны. Последние годы принесли тундре радикальные перемены. Кулакские стада перешли в собственность государства, организовавшего в тундре два крупных совхоза. Бедняки об'единили своих оленей в колхозы. И тот и другой процесс были связаны с передвижением стад и не могли не привести к нарушению всех прежде существовавших маршрутов. Старый, «кулацкий закон» тундры был уничтожен, создать новый, рациональный закон, отвечающий интересам обобществленного тундрowego хозяйства, оказалось нелегко. При отсутствии точных карт и правильно подсчитанных ресурсов сплошь и рядом

В тундре идет браковка оленей к осеннему забою.

оказывалось, что олени кочевали по землям, лишь недавно опустошенным другим, соседним стадом. Кулаки, нанявшись в общественные пастухи, сознательно увеличивали беспорядок в тундре. В Большой и Малой земле сделалось тесно, хотя при рациональной постановке дела они могли прокормить вдвое большие стада. Стало очевидным, что общественное оленеводство не может мириться с прежними методами тундроустройства.

На помощь пришла советская наука. Межевые институты, впервые в истории, бросили в тундру свою молодежь под руководством опытных руководителей. Землеустроители, геодезисты, ботаники производили маршрутную съемку тундры, заносили ее на детальные карты. Массовые прививки, охватившие все сто процентов обобществленного стада, обезвреживали зараженные ядом мхи. В тундре строились кораллы¹, для нее готовились кадры специалистов-оленеводов. Спешно создавались предпосылки рационального оленеводческого хозяйства, которое никогда не знала тундра.

В окрисполкоме всегда много людей. Преобладают, правда, русские: представители бесчисленных экспедиций, рабочие с постройками, хозяйственники. Но в нескольких комнатах, в земотделе, в наробразе, возглавляемых ненцами, засиживаются приезжие из тундры. Говорят больше по-ненецки, но пересыпают речь русскими словами: «экспедиция», «колхоз», «доход». Прислушиваюсь к переводу. Это, собственно, не только перевод, но и комментарии; без них я бы был бы бессилен разобраться в существе сообщений из тундры.

Вот колхоз Пнок. Самый крупный, самый старый из ненецких колхозов. Он возник в 1929 году. Кулаки говорили: колхоз сделает из ненца казенного человека. Кулаки запускали своих оленей на пастбища колхоза. Сначала вошли шесть хозяйств. Все их оленье стадо составляло 276 голов — по тундровым представлениям сущую безделицу. Помогло государство: оленями, кредитом. В Пноке теперь 2 615 голов. И главное: прирост молодняка — 12 процентов, выше нормального. Об этом говорит ненка, сорокалетняя женщина, бывшая батрачка, член ВКП(б), лучшая ударница колхоза. Про нее рассказывают: ее чум — самый чистый в тундре, и над ним заслуженно развивается красный флаг. Впрочем, рассказ весьма короток, а о процентах сообщает записка грамотея из тузсовета.

¹ Загоны для оленей, облегчающие процесс выбраковки оленьего стада.

Последний лов наваги дает огромный эффект. На снимке: склад выпловленной зимой наваги.

В местной газете я прочел: тундровый колхоз Пнок удвоил вылов рыбы, повысил товарность своей продукции до 50 процентов (а без оленей до 77 процентов). Доход составил: от 330 до 680 рублей на мужчину, от 62 до 212 рублей на женщину, а на хозяйство 479—1 044 рубля.

Колоссальные для тундры заработка! Но газета жалуется: если бы осуществили полностью оплату по труду, заработки были бы еще выше.

— Школа в Пноке есть — спрашивает мой переводчик у иенки.

Женщина кивает головой радостно. Выясняется: есть школа, все дети школьного возраста охвачены ею. Двое колхозников учатся в Ленинграде. Пнок выделил в председатели тундрового совета женщину — Екатерину Апицину. Целый ворох приятных новостей!

Но радостные вести не отовсюду. Вот колхоз «Ненец». Делегат колхоза явно смущен. Колхозники получили кредит государства на покупку оленей. Рядились с продавца-

В тундре творится неслыханное: женщины - ненки призываются к управлению государством. Художник Н. Гатилов зарисовал председателя Малоземельского кочевого тундрового совета Степаниду Петровну Апицыну

ми, толковали между собой и всем колхозом сообща... прошили аванс!

— Богатый ненец мстит беднякам, — рассказывает еще один делегат. — Нарочно выпустил бешеную собаку в колхозное стадо. Перекусала, попортила много оленей. Сына Вылки укусила — увезли в больницу. Кулака будут судить.

К исполнкомовцу протискивается молодой парень, русский, профорганизатор одного из участков оленесовхоза. Игнорируя очередь ненцев, сохраняющих по обычаям свой неторопливый вид, он бросает на стол отпечатанную на машинке бумажку.

— Получай. Договор соцсоревнования между пастухами совхоза. Предлагаю в срочном порядке напечатать в «Нярьян вындер»¹. Я тороплюсь. Пока!

Парень выкатывается из помещения так же стремительно, как появился в нем. Ненцы провожают его не очень приветливыми взорами: на севере, как и на востоке, тороп-

¹ Местная газета на русском языке.

пливый, нервный человек не способен внушить к себе уважения.

На столе остается документ. Исполкомовец, разделяющий недовольство стремительным посетителем, неуверенно разглядывает бумагу и протягивает ее мне. К договору приложены листы, придающие всему документу красочный, экзотический характер. Подписи изображают отиски пальцев, крестики, с трудом выведенны закорючки — буквы. Но текст договора сух и деловит.

— Тундровый пролетариат насчитывает двести человек, — обясняет мне мой добровольный переводчик. — Большинство пастухов — ненцы. Они занимаются всем чумом, продают свое стадо совхозу или обединяют своих оленей с совхозными.

— Понятен ли смысл договора пастуху-ненцу?

— Хороший профорганизатор может сделать очень много, в особенности если он ненец или знает ненецкий, в крайнем случае зырянский, язык. Совхоз работает не первый год, воспитывает кадры. Пастухи — передовой отряд ненцев. Среди них недавно проведены курсы профактивистов.

Разговор с исполнкомовцем продолжался своим чередом. Рассказывали о жизни тундры. У кого олени пропали, кто послал сына учиться в город, кого обделили пастбищами. Дружно смеялись над пастухами колхоза Харие: они растеряли колхозное стадо и ездили к соседям за помощью. Рассказывали про русских с машинками, которые ходят по тундре и меряют ее, как мануфактуру в лавке, про других русских, которые копают землю на Воркуте. Рассказывали о браках, рождениях и смертях — это был обычный обмен новостями на севере.

— То ли еще будет, — сказал Лымин, выслушав мои впечатления. — Мы начали перевод ненцев на полуоседлую жизнь. На Каре осело пять семейств. Колхозы втягивают ненцев постепенно в промыслы; растет культурное ядро. Фундамент построен, дом будет расти с каждым годом быстрее.

III. Уссинский север

Вверх по Уссе

Каждый путешественник по Печоре, если даже его поездка мотивируется деловыми сображенными, превращается на время в туриста.

Туристический разгул начинается на Уссе за Адъзвой¹ — пунктом, куда пароходы доходят даже в самое жаркое лето, осушающее верховья рек. От Адъзы-вом до Воркуты—цели моего путешествия—около пятисот километров по Уссе. Неведомым путем сверху скатился слух: все перекаты обмелели, несколько пароходов, зажатых между мелями, не в состоянии справиться с грузами. Ждут, что за Уралом соберутся дождевые тучи и по пути на запад прольются в верховьях Уссы. Двухдневного дожда достаточно, чтобы освободить плениников; пароходы всплынут, на время возобновится движение по Уссе.

Услышав о таких перспективах, командир «Красноармейца», привезшего меня в Адъзва-вом, поспешил повернуть буксир обратно: он боялся, как бы дожди—кто их знает, в самом деле! — не пошли, заставив его двигаться вверх по ненавистной Уссе. Команды печорских речных пароходов комплектуются из местных жителей. Команды (и командинцы в том числе) охотно курсируют назад и вперед мимо родных селений. Они не любят удаляться от дома, не хотят рисковать вынужденной длительной работой на дальних плесах.

Итак, «Красноармеец» ушел в Усть-Уссу; вернуться он мог не раньше чем через пять-шесть дней. Два парохода стояли где-то за перекатами. Предстояло преодолеть пятьсот километров Уссы против течения. Тут как раз подвернулась

¹ Вом — устье на местном диалекте.

Нагруженный до отказа маломощный буксир тянет вверх по Уссе три баржи.

«оказия». Сильный катер шел вверх по течению с приказом пробраться на Воркуту-вом.

Черный, лохматый, похожий на цыгана «капитан» катера принял меня немилостиво.

— По фене курсаешь?¹ — спросил капитан, артистически сплевывая на носок своего сапога. И, обнаружив мое слабое знакомство с блатным жаргоном, презрительно аттестовал меня: — Не нашего заводу! Бабан². Ну уж, ладно! Вай ман понырдать!³.

Мое литературное образование помогло. Капитан на чистом блатном языке просил покурить. Я смущенно признался, что не курю и папирос не имею.

— Однако, парень, да ты асмодей⁴, — недовольно протянул он в ответ. — Хавиру у меня получить хочешь, а вытирку на Воркуту взял?

¹ На воровском жаргоне говорите?

² Мужик, простоватый малый.

³ Дай покурить.

⁴ Скупой.

Мое недоумение, кажется, доставило капитану удовольствие, и он снисходительно объяснил: «хавира»—квартира; «взять вытирку»—значит выправить билет. Катер не занимался перевозкой пассажиров; капитан не имел права брать с них плату и брал ее в свою пользу. Впрочем, узнав, что я корреспондент газеты, капитан изменил тон. Блатная музыка уступила место обычному лексикуону одессита. Снисходительное презрение сменилось искренним доброжелательством.

Капитан, в просторечии Сашка, оказался в общем говоруном и отчаянным «жуком». Команда—простоватый паренек—матросик, молчаливый и пожилой украинец—моторист, его помощник кузнец—чувствовала себя подавленной его превосходством. Разиня рот, слушали они похвальбу своего командира и, кажется, верили ей. На берегу капитан показывал чудеса ловкости, проходя сквозь очередь в адъзвинской столовой, как будто она не существовала, добывая неведомым путем продукты в деревнях. В пути он похвальялся неслыханным морским рейсом на катере вокруг всей Камчатки, но при малейшей трудности приходил, сначала в крайнее возбуждение, потом—тотчас же—в совершенное уныние и, кляня все на свете, готов был повернуть обратно.

В путь, как водится, собирались целый день. Когда же катер был наконец готов, подоспело решение—придать ему на буксир плашкоут¹ с оборудованием. Капитан клялся, что катер не вытянет против течения. Однако плашкоут прищепили, и катер, напрягая все свои силы, отправился в путь со скоростью... двух километров в час.

Капитан сдал командование матросу и пригласил меня в каюту «пошамать».

— Батало² у меня звонкое,—говорил Сашка, усердно угощая меня консервами.—Ты не смущайся. Треплюсь много, сам знаю. Ну, да без трепатни кто здесь проживет? Заскучаешь иначе-то. Я вот полмира кругом об'ехал, везде жен поставил, а здесь так шаландаюсь. Без трепатни разве возможно? Во Владивостоке у меня жинка—во! Первопреченская! Баба-то, положим, не пропадет, незанятой ходить не будет. Но это мне нипочем. Вот подсоберу деньжонок и назад, на Дальний Восток. Жинку отобью у каждого. Вся Первая Речка³ знает Сашку! На весь порт самый шикар-

¹ Мелкосидящая баржа.

² Язык.

³ Пригород Владивостока.

ный парень! Если дельце какое на зек¹ обдумать, отчаянной храбости шутку отколоть,— кто за это возьмется, если не Сашка-моряк?

— Какой же черт тебя сюда забросил?

— На Печору? Случай выпал. Приплыл я матросом в Одессу-маму. На радостях с девками загулял. Да которая-нибудь меня и наградила. Ну, значит, в вендинспансер. Залечил. После такой окации что-то во Владивосток расхотелось. А тут про Печору заговорили. Дай, думаю, на север с'езжу. Денег, должно быть, там куры не клюют, гужевать пакуру бусать³ везде можно.

— Ну и что же, зацепил порядочно длинных рублей?

— Куда там! Завели здесь порядочки! Стройку только начали, а прижим какой! Работай и работай. А потом и дурак копейку вышибет. Нет, прошли наши денечки. На Дальнем Востоке в первы-то годы вот шпане масляница была! Тогда жировали⁴.

Я слушал капитана и думал о том, как поблекли краски подобных ему искателей длинных рублей, как измельчала порода авантюристов, неизбежно устремляющихся на окраинные строительства. В организованном коллективе они расшифровывают себя с первых же дней. Широкий разворот строительства ограничивает рамки их деятельности. До поры до времени они могут хищничать по мелочам, вскоре их начинают больно бить по «загребущим» рукам. Им приходится впрячься в работу или, по собственному их выражению, «катиться колбаской» в поисках других источников нетрудового обогащения. И нередко их вновь ожидает Печора, но уже в качестве заключенных концлагеря.

• Два километра в час! Я думал с отчаянием, что при таком темпе понадобится десять дней непрерывного хода катера.

Капитан залег спать, я поднялся в рубку и, наблюдая за медленным, еле заметным встречным движением берегов, переживал процесс психического приспособления к условиям печенского транспорта. Десять дней пути до устья Воркуты—после всех предшествовавших невольных проволочек—нарушали весь план моего путешествия. Но берега Уссы, в тайге и камнях, ничем не уступали берегам какой-либо излюбленной туристами Камы; речная прохлада в жаркий летний вечер была на Уссе так же приятна, как и в

¹ Хорошо.

² Кутить.

³ Водку пить.

⁴ Жили богато.

средних широтах, заходящее солнце окрашивало поток воды и деревья в яркие, почти фантастические тона. Мерный ритм мотора, покачивание корпуса, методические петли, описываемые буксируемым плашкоутом, все это настраивало на примирительный тон. Я привыкал постепенно к перспективе десятидневного путешествия на катере.

Капитан вышел наверх злобный, невыспавшийся. Принял рулевое колесо и мрачно уселся в рубке. Прошло полчаса. Потемнело. Из рубки раздался злобный мат, затем последовательные команды: «тихий», «совсем тихо», «стоп» и наконец сердитое: «выключай мотор!» Капитан объявил, ни на кого не глядя:

— Довольно! Плыть ночью дураков нет! Я отвечаю за катер. Заночуем здесь.

Капитан отправился в кубрик досыпать недоспанное. Я просидел полночи на палубе, раздумывая о перспективах поездки: первоначальные десять дней угрожали превратиться в полмесяца. Капитан, повидимому, не торопился. Я проклинал день и час, когда связал свою судьбу на Печоре с дальневосточным врачом.

Наутро к капитану опять вернулось хорошее расположение духа. Он похвалялся, что за ночь «наспал» порядочную толику сверхурочных, что он не прочь еще больше замедлить передвижение. И тут вдруг заизнничал мотор. Переход от одного настроения к другому типичен для людей этого психологического склада. Капитану показалось, что порча мотора вызвана излишней нагрузкой (плашкоутом); перспектива долгой стоянки в безлюдном месте его не устраивала. Пока чинили мотор, капитан обкладывал крепким матом ни в чем неповинного баржевого. Потом, когда пульс мотора забился нормально, капитан сам отдал буксир и повел катер вперед, оставив плашкоут у берега. Катер рванулся и сразу увеличил скорость в четыре раза. Я ликовал: выходило, что срок путешествия сокращался с полумесяца до четырех дней.

Ликование было преждевременным. Вскоре я убедился, что на Печоре загадывать сроки путешествия бессмысленно. Мотор капризничал, унылый механик беспомощно, но трудолюбиво разбирал и собирал мотор вновь и каждый раз удивлялся, обнаружив какие-то лишние, не нашедшие себе места части мотора; обнаружилось, что он только что кончил курсы, что его подсмена — в недавнем прошлом кузнец — немногим опытнее его. Сашка ходил, как зверь, вокруг машинного отделения, но не решался скандалить: он

Пышнотельные кочаны капусты выросли на огородах печорской опытной зональной станции.

ничего не смыслил в моторе. Наконец мотор опять начинал стучать, катер шел вперед, но у каждого большого селения задерживался на несколько часов: Сашке надо было покуряжиться в деревне перед девками, выпросить молочка и свежей рыбки, попариться в баньке. На следующее утро начинал капризничать мотор, и все мытарства начинались сначала. Я утешал себя тем, что плашкоут больше не обременяет катер, и средний дневной пробег достигает все же тридцати—сорока километров.

На каком-то этапе пути капитан, польстившись на посулы пассажиров, взял на буксир целый караван лодок; ход опять замедлился. Лодки принадлежали различным экспедиционным группам. Агрономы подымались к Петруни в поисках площадки для овощного и животноводческого колхоза; группа воздухников — инженеров и топографов — проектировала промежуточные резервные аэродромы. Какой-то фантастический юноша отрекомендовался начальником охотоведческой экспедиции. С ним была молоденькая жена и зверовая собака. Юноша уверял меня, что весь его «дом» путешествует с ним. Уже четыре года вместе с женой и

собакой ездит он в экспедициях, не имея ни в Архангельске, ни в Москве никакого штандпункта; три-четыре месяца в году, живя в гостинице, он обрабатывает материалы экспедиции и потом опять, «всем домом», выезжает в тайгу. Охотовед уверял, что готов еще две пятилетки вести кочевую жизнь. Жена, повидимому, разделяла его склонность к перемене мест.

На остановках мы всей гурьбой разыскивали курины¹ и принимались удить рыбу. На Печоре в никем не освоенных озерах и курьях развелось неслыханное количество рыбы. Лов приобретал порой фантастический характер. В озере у ларьков² помощник рыболова едва успевал наживлять приманку. Стоило крючку погрузиться в воду, как в ту же секунду рыбы клевали наживку. Шутки ради, мы закидывали удочки и тотчас же вытягивали лесу назад. Рыбы нацелившись на добычу, высекивали из воды, охотясь за наживкой. Смех мешал ловле. И все-таки двумя удочками мы выловили в ларьках несколько пудов рыбы за два часа ловли.

Той же ночью мы растеряли весь караван лодок.

Началась буря. На Уссе поднялись крупные волны, катер прибивало к каменистому берегу, лодки заливало водой; мотор не был в состоянии преодолеть силу течения, уединенную встречным ветром. Капитан перерезал буксирный канат, оставил лодки на произвол судьбы. Катер отбился от опасных берегов и стал на ночную стоянку в защищенном месте.

Так, от приключения к приключению, тянулся наш путь до последнего перед Уралом большого селения—Петруни.

Командир над бабами

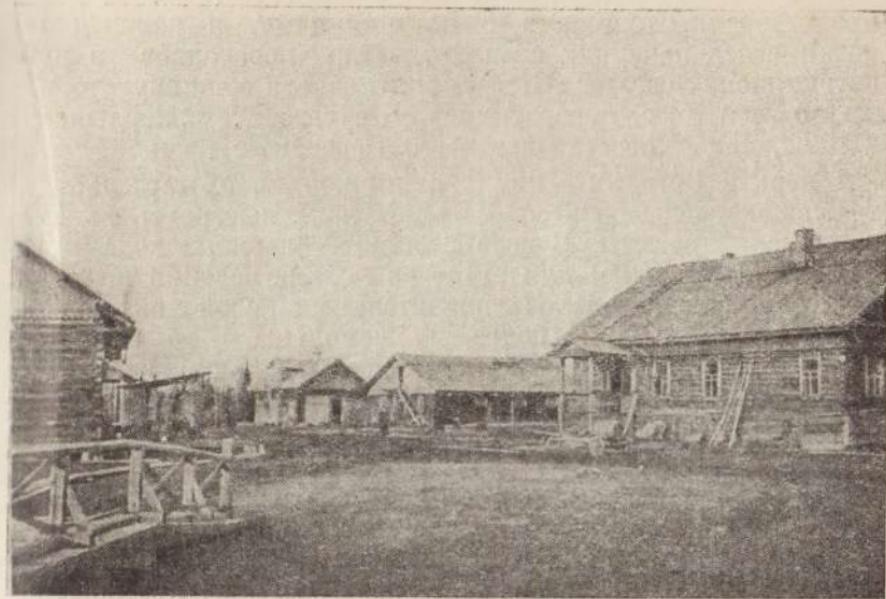
История большого села Петруни необычна даже для этого края.

Уссинские поселенцы в большинстве ижемцы, усть-цилемцы, пустозерцы³. Они уходили из старых, обжитых районов, чтобы избежать соседства с урядником и попом. Печорский север — место ссылки и сожжения протопопа Аввакума — изобиловал раскольниками, ревнителями старой веры. Люди

¹ Мелкие водоемы, образовавшиеся при спаде вешней воды.

² Название селения в четыре-пять домов.

³ Ижма — крупное село (зырянское) в устье одноименного притока Печоры — Ижмы. Усть-Цильма — старинное, по преимуществу русское, село на Печоре. Пустозерск — русское селение в устье Печоры, в прошлом — административный центр.

Скотные дворы опытной зональной станции.

уходили на Уссу, в ее верховья, и на некоторое время завеса северных туманов скрывала их от начальственных взоров.

Во время переписи 1897 г., повествует летопись, дьякон Ардальон Качан неожиданно обнаружил в среднем течении Уссы никому неведомую, ни в каких списках не значившуюся деревню Болбан. В ней оказалось шестнадцать дворов с пятьюдесятью двумя мужскими и тридцатью девятью женскими душами. Поселок получил свое название по большому самоедскому идолу, стоявшему на берегу. Зимой сюда с'езжались самоеды со всей восточной части Большой земли.

Преосвященный архиепископ Иоаникий распорядился: самоедское капище срыть, построить православную церковь, а дьякона Ардальона Качана, в поощрение к дальнейшим подвигам миссионерским, посвятить в священники нового храма. По высочайшему повелению селение Болбан было переименовано в Петрунь.

В последующие годы Петрунь разбогатела, обстроилась, превратилась в самый крупный поселок на Уссе. Попрежнему с'езжались в Петрунь ценцы-оленеводы, дружили

пьяниствовали, торговали с петрунинцами, и каждый год новая часть ненецких стад незаметно переходила в руки петрунинских богатеев. Петрунинцы завели обширную торговлю по всей Уссе, превратились в субагентуру чердынских купцов, подлинных хозяев всего Печорского края.

Теперь в Петруни — крупнейший колхоз, охотартель, потребиловка, передовой сельсовет. Кулаки выселены, их дома национализированы. В селе работает большая школа-интернат (на коми-языке) для ребят из мелких селений в округе. В Петруни образовался значительный слой активистов. Коммунисты, и тем более комсомольцы, — не одиночки. О торговом прошлом села напоминают лишь гигантские полуразвалившиеся каюки (барки с мачтой для подтягивания на бичеве); их втащили на берег, они стоят здесь на огородах, как пугала.

Я вышел из лавки местного кооператива с тючком книг. Это были редкие для Москвы издания: «Антидюринг», «Комментарии» Розенберга, Марксовы «Теории». В содружестве с толстыми томами о железно-бетонных перекрытиях и автомобильной технике они обременяли полки петрунинского сельпо. Только плановикам из Книгоцентра могло притти в голову засылать вузовскую литературу в комидеревню на Уссе, за полторы тысячи километров от ближайшего города.

Уличный шум отвлек меня от раздражительных мыслей о Книгоцентре. С разных сторон к центру селения двигались группы людей, предводительствуемые двумя девушками. Девушки были одеты в одинаковые мужские штаны и гимнастерки, выдавая своим костюмом принадлежность к одной из экспедиций, изучающих Уссинский край. Девушки шли навстречу друг другу, игнорируя любопытствующих и улыбаясь мальчишкам, забегавшим вперед, чтобы еще и еще раз спросить:

— Парень, а ты не девка?

Встретившись, они задержались возле лавки, чтобы разглядеть меня, приезжего. Люди, посланные центром на окраины, в еще неосвоенные, но уже индустриализирующиеся районы, бессознательно опущают себя членами одного братства. Не понадобилось никаких искусственных мотивировок, чтобы посреди улицы состоялось наше знакомство. Спустя несколько минут я узнал, что девушки — вузовки из Ленинграда, коллекторы геологической партии, назначенной на реку Кожим.

Подписывают договор на сдачу пушнины охотнической кооперации.

Об этой группе геологов я уже слышал. Геологическая партия Чернова привлекала всеобщее внимание. Молодой Чернов хорошо знаком уссинцам — все коренные жители знают его в лицо, зовут по имени-отчеству и уважают вдвойне: за заслуги отца — старейшего исследователя Печорского угольного бассейна — и за собственные открытия. Но в 1932 году достаточно было напомнить о группе Чернова, чтобы вызвать на лице собеседника улыбку. Молодого Чернова «наградили» в Архангельском геологическом тресте тремя девушками — помощницами. В Петрунь он прибыл с запозданием — в селении не оказалось свободных трудоспособных мужчин, которых можно было бы нанять в работники экспедиции. И сельсовет выделил ему дополнительно двух женщин! Чернов оказался руководителем женской бригады. У него не было недостатка в практических экспедиционных навыках: он мог произвести отличную съемку, заложить в нужном месте шурфы, но он был совершенно неопытен в обращении с женщинами и тем более в командовании ими. Он выглядел слишком молодо, чтобы импонировать трем избалованным вузовкам из Ленинграда. Он был нерешите-

тлен в случаях, когда нужно было требовать дисциплины, и вспыльчив по мелочам. Девушки перессорились друг с другом еще в Архангельске. Робкая дипломатия Чернова, неумело лавировавшего между ними, окончательно рассорила коллекторов с руководителем. Палуба парохода, отвозившего их на Уссу, напоминала судилище. Многочисленные поклонники трех ленинградских граций, из которых одна носила имя Музы, привлекались в качестве судей и советников. Конфликты нагромождались один на другой, но цена каждого из них в отдельности и всех вместе не превышала цены выеденного яйца. Чернов нервничал и делал множество тактических ошибок. Так, преширяясь и вновь мириясь, передвигалась эта группа по Печоре и Уссе вплоть до Петруни. Здесь уже запахло полевой работой. Прежние надуманные, несерьезные конфликты потеряли свою остроту. Ритм труда возродил дисциплину. Геологическая группа молодого Чернова перестала веселить уссинских работников.

Палатка стояла на самом ветру. Нарусиновые полости метались по воздуху, гудели веревки, привязанные к вбитым в землю колышкам. Казалось, все это сооружение должно было неминуемо взлететь на воздух или скатиться под откос. Но внутри палатки было тихо и сравнительно тепло. Девушки устроили себе мягкое логово, разостлав на земле оленьи шкуры. На середине палатки горел примус — подогревался ужин. В углу устроился Чернов, отгородив себя от женщин тремя плоскими деревянными чемоданами. Такие ящики-чемоданы, обременительные в поездке по культурным местам, незаменимы в полевой работе. Они не подмокают, сохраняют ломкие предметы, вместительны, играют роль столов и стульев. Чернов хранил в них фото-принадлежности, аптечку, целую коллекцию книг о Печорском крае и единственную, но весьма об'емистую посудину со спиртом.

Хозяйки палатки были радушны, но непоседливы. Они выбегали ежеминутно на воздух, возились с деревенскими собаками, тесным кольцом обступившими наполненную продовольствием палатку, и наконец об'явили, что перед ужином должны выкупаться. В сентябре Усса несет с Урала ледянную воду. К вечеру, после захода солнца, в особенности в ветреный день, температура воздуха заметно снижается. Только закаленные физкультурницы могли рисковать на

ночное купание. Я с завистью слушал доносившийся с реки визг купальщиц и недоверчиво отвергал жалобы Чернова на неприспособленность вузовок к условиям экспедиции. Впрочем, жалобщик признавал, что не обладает необходимыми качествами для руководства женской бригадой. Он просил дружеских советов. Я смог ему дать только один: внушительности ради, отрастить бороду; он выглядел непротестительно юным для руководителя целой партии.

Вернулись купальщицы разгоряченные и, если это возможно, еще более жизнерадостные. Они набросились на ужин и проглотили неслыханное для «нежных созданий» количество пищи. Муза оказалась опытной полевой работницей. Она утверждала, что во время летних экспедиций всегда прибавляет в весе.

Я спрашивал, не боятся ли они комаров, гнуса, ночного холода в палатке, зыбкой почвы тундры.

Девушки заразительно смеялись:

— Ведь мы геологи! Такова профессия, — сказала Муза.

И Нина, самая серьезная из них и склонная к афоризмам, добавила:

— Север зовет! И в сущности — север прекрасен. К комарам можно привыкнуть; воспитать в себе равнодушие к северной природе — невозможно!

Чернов олицетворял второе поколение людей, завороженных севером. Его отец потратил на Печорский край двадцать лет своей жизни. Сын, несмотря на молодость, уже в седьмой раз выезжал на север. Слова о любви к северу привились ему по душе. Он почувствовал потребность выставить поведение девушек, с которыми так недавно конфликтовал, в выгодном свете. Порывшись в своих ящиках, он вытащил оттуда тетрадь с выписками и заставил выслушать отчет о двух давнишних поездках на Печору.

— «Много нужно храбрости и любопытства, — Чернов читал вступление К. Шабунина к описанию своей поездки в Печорский край, — чтобы отказаться от покойной жизни наших губернских городов и добровольно поселиться на несколько месяцев среди безжизненных северных тундр.

Въезжая в страну гипербореев¹, я томился самыми тяжелыми предчувствиями...

При въезде моем в Усть-Цильму...»

На этом месте девушки, и раньше смеявшиеся над храб-

¹ Легендарный народ, живший, по представлению древних греков, на крайнем севере.

рившимся путешественником, не выдержали; посыпались реалики:

— Как, храбрец доехал только до Цыльмы!

— Ох, уморил!

— Да он ведь тундры не видел!

— «При в'езде моем в Усть-Цыльму,—громко вычитал Чернов,— я ожидал, что толпы народа обступят экипаж мой... но ошибся. На улице я не встретил ни одной человеческой души. Окрестности (?) представляли какое-то мертвое или, по крайней мере, спящее царство, над которым парил резкий холодный воздух».

— Чудак,—сказала Муза,—в поисках популярности ему следовало бы надеть женское платье; за ним ходили бы толпы народа и спрашивали: «Девка, а ты не парень?».

Но Чернов не утомился и вычитал из своей тетрадки еще один забавный образчик старинного очерка о поездке на Печору:

«14 марта 1914 года в 9 часов 15 минут утра из городка Яренска выехало на реку Ухту к величайшим нефтяным залежам особое совещание яренского земства», писал член совещания, старший бухгалтер управы В. Я. Белоусов. Он опубликовал впоследствии свои ценные записи.

За кратким вступлением следовала лирика:

«Погода поездке совещания благоприятствовала, день выдался удивительно хороший, солнечный, с легким бодрящим морозом. Солнышко весело сияло, посылая свои живительные лучи на просыпающуюся от тяжелого сна богатую северную природу».

Затем почтенный бухгалтер на многих страницах описывал более существенные вещи, чем живительные лучи солнышка:

«В одиннадцать часов совещание слезло с саней, плотно закусило, выпило с мороза и, отдохнув, сколько понадобилось, отправилось дальше. В шесть часов совещание достигло деревни, где остановилось на ночлег у гостеприимного священника отца Николая. Вечером совещание закусило, выпило и расположилось на ночлег. Утром, после обильной закуски, предложенной отцом Николаем, совещание уселись в сани. В 11 часов 15 минут совещание достигло села намеченного для отдыха. Совещание расположилось у старости, плотно закусило...»

— И выпило!—хором подсказали мы. И не ошиблись: на пяти страницах в течение всего пути совещание плотно закусывало и выпивало у странноприимных попов, старост и крепких мужиков.

Нахохотавшись вдосталь, девушки устроились на своих лежанках. Нина читала, Муза штопала, Клава дремала. Чернов рассказывал мне об открытии Воркуты.

Открытие Воркуты

Первые попытки найти на Печоре угли промышленного значения относятся ко второй половине XIX столетия. В 1857 году морское ведомство, нуждавшееся в угле для Архангельского порта, отправило на Печору поисковую партию. Ей удалось обнаружить лишь маломощные залегания бурых углей. В восьмидесятых годах проф. Федоров, в 1911 году инженер Мамонтов находили угольную гальку на отмелях Печоры. Систематическая поисковая работа в Печорском крае началась уже при советской власти, в 1921 г., под руководством А. А. Чернова (отца). Первые годы из-за недостатка материальных средств район разведывался медленно. Геологические партии шли с юга на север, преодолевая огромные трудности в незаселенном, тогда еще вовсе не освоенном районе. В 1923 году выдалась первая крупная удача: в бассейне Уссы, на реке Нече, были обнаружены мощные выходы углей. Экспедиция была тотчас же усиlena людьми и средствами. В последующие годы на реках Кожим, Косью, Большой Инте, Б. Сыни, Заостренной, Адъзве — многочисленных притоках Уссы — были обнаружены пласты угля разной мощности, разного постоянства и разного качества. На Адъзве найдено семь пластов бурых углей, один из которых достигал четырех с половиной метров толщины. На реке Заостренной в нижней части пермских осадков, вблизи каменноугольных известняков, были обнаружены пласты угля толщиной до двух с половиной метров.

— Таким образом к 1930 году был нащупан гигантский по протяжению угольный бассейн,—продолжал свой рассказ молодой Чернов.— Отец еще в 1925 году высказал предположение, что запасы углей в этом новом бассейне должны исчисляться миллиардами тонн. В печенский уголь верило большинство геологов, работавших здесь. И мы надеялись на какое-либо крупное, решающее открытие, которое обратит внимание страны на Печорский край. К сожалению, до тридцатого года мы открывали только бурый, не коксующийся уголь. Но разведка на Адъзве позволяла надеяться на появление к северу-востоку древних угленосных свит. Мне посчастливилось сделать это открытие, подготовленное предшествовавшими многолетними поисками.

Изыскательская партия Чернова (сына), открывшего воркутский угольный район, преодолевает очередной порог на р. Воркуте

Фото Г. А. Чернова

Последняя фраза была данью научной об'ективности, корректным жестом в сторону своих коллег. И затем полилась радостная речь молодого, уверенного в своих силах исследователя, не умеющего скрыть за маской показного равнодушия радость по поводу одержанной им победы.

— В то время мне еще не поручали самостоятельных исследований. Я был прорабом в партии Н. Н. Иорданского, производившего с'емку в верхнем течении Уссы. Я мечтал о самостоятельной работе, я чувствовал себя подготовленным к ней. В этих краях живет Виктор—опытнейший на Верхней Уссе охотник, разумный, гостеприимный мужик. Он из'ездил всю тундру вдоль Воркуты, расставляя капканы, охотясь на зверя. Он утверждал, что видел уголь в откосах реки. О Воркуте у нас знали слишком мало. Мне поручили произвести самостоятельную рекогносцировку в этом направлении.

До нынешнего рудника Воркуты около ста километров. На каждый километр приходится один-два порога. Мы тащили лодку на себе, стоя по колено в воде. Приходилось, расчищая шуть, вытаскивать из воды и разбрасывать по сторонам сотни камней, чтобы создать канал, по которому проходила лодка. На протяжении всех ста километров — никакого жилья: единственная в этих местах охотничья избуш-

ка Виктора пустовала. Наши силы иссякли в борьбе с ка-верзным горным потоком. Но я не позволял себе думать о возвращении назад. Река обнажала, колено за коленом, основные пермские породы, обещающие соседство каменных углей. Кое-где прошупывались пластиы угля. И наконец появилась площадка нынешнего рудника. Тот, кто был на руднике, может понять меня. За два километра до площадки река вгрызается в каменную кучу, обнажает основные породы. Геолог чувствует, что здесь надо искать ключ к загадке, об'яснение геологической структуры целого района. И действительно, река образует штолью, дважды на протяжении одного километра обнажая пачку мощных пластов каменных углей. Достаточно было посмотреть на воркутский уголь, чтобы понять: это находка!

Чернов начал свой рассказ полулежа. Он говорил монотонно и невыразительно. Но, вспоминая об открытии Воркуты, самом значительном эпизоде своей короткой жизни, он преобразился. Откуда-то появились убедительные интонации, звучный голос, яркий жест. Он заканчивал свой рассказ, сидя на ящичке. Клава уже не спала, Муза и Нина слушали, затаив дыхание. В этот момент все три девушки забыли о ссорах со своим руководителем, забыли не раз осмеянные мелочи их совместного быта. Перед нами был исследователь, геолог, вписавший свое имя в историю геологических открытий, человек, обогативший свою страну.

— Вы знаете, — постепенно успокаиваясь, говорил Чернов, — анализ воркутских углей дал блестящие результаты. Угли всех пластов спекаются и коксуются. Влаги оказалось от двух до трех, золы от шести до девяти процентов, серы — меньше одного процента, летучих веществ от двадцати пяти до двадцати семи процентов. Уголь Воркуты — прекрасный уголь, конкурирующий с донецкой маркой «ПЖ». Это было открытие, решающее для печорской проблемы. На следующий год на Воркуту была послана промышленно-разведывательная экспедиция. Началось строительство. Нынче плоды годичной работы на севере.

Чернов рассказывал о широком размахе промышленной разведки на площадке рудников. Опытные штолни выбросили на берег Воркуты значительную массу угля. Станки Крелиуса пробуравили в ряде точек землю, оконтурив значительную угленосную площадь, непрерывно расширяя границы шахтных полей. На правом берегу закладывалась наклонная капитальная шахта. На пятьдесят километров к югу, на сорок километров к востоку, на двадцать кило-

метров к северу «кремлиусы» пропускали простирание угольных пластов. Приехавшая из Москвы комиссия с участием Чернова-отца подписала протокол о наличии в районе ста миллионов тонн каменных углей категории Б. Непосредственно оконтуренная близ рудника площадь содержала четыре миллиона тонн углей.

Однако промышленная разработка углей натыкалась на непреодолимые препятствия: транспорт по Воркуте. И, не ожидая радикального разрешения воркутской проблемы с помощью постройки широкой железнодорожной колеи к морю, строители Воркуты прокладывали узкоколейку от рудника на юг, на Уссу. На Воркуте строили жилые дома, вышки для буровых, здание для электрической станции; в разобранном виде на десятках лодок эти дома переправлялись на рудник и в безлесной тундре собирались заново. И рядом со строителями, горняками, транспортировщиками работали сотни (буквально сотни) людей из экспедиций, изучавших край. Разбившись на партии, спешно изыскали трассы путей четыре транспортных экспедиции. От Воркуты шли по тундре к Югорскому Шару, выбирая трассу большой железнодорожной колеи. От Воркуты же тянули ниточку узкой железнодорожной колеи к Уссе. Лётные инженеры разыскивали площадки, пригодные для устройства аэродромов. Грунтовики выбирали наиболее экономные варианты шоссейных магистралей. И рядом с ними работали десятки других исследователей: геологов, гидрографов, топографов, геодезистов, ботаников, агрономов, мерзлотников.

Упоминание о мерзлотниках развеселило наших девушек. На Печоре следили за успехами Датского, одного из знатоков вечной мерзлоты, изучающего ее влияние на строительство зданий и сооружений.

— Чудак, чудак Датский! — выпалила Клава, самая молодая и экспансивная из трех коллекторов. — Нам о нем рассказывал проезжий инженер. Датский приходил к нему ежедневно и подолгу любовно рассказывал о мерзлоте. Даже ночью, когда Датскому не спалось, он бегал на свой холм, где по вечной мерзлоте были заложены шурфы. Однажды он затянул инженера к себе на разработки. Целый час шагали по тундре. Инженер терпел: Датский обещал замечательное зрелище. Пришли на место. Инженер ругался последними словами: холм как холм — таких тысячи в Предуралье. Шурф — обычный. Вечная мерзлота — еще привычнее печенским строителям. А Датский оглядывал холм как свою возлюбленную, и, не переставая, рассказы-

Рис. Н. Гатилова

Первую баржу с печенским углем встречают торжественным митингом.

вал: здесь вот оттаяло на два фута после того, как сняли верхний моховой покров, там изменилась плотность грунта после дренажа. Чудак, совершенный чудак, влюбленный в свою мерзлоту!

— Ну и дура! — высокомерно и презрительно об'явила Муза, едва дотерпев до конца рассказа. — Для тебя Датский — чудак, а на самом деле он настоящий ученый, влюбленный в свою профессию.

— Ничего ты не понимаешь, — со своей стороны подлила масла в огонь Нина. — Вечная мерзлота — бич северного строительства. Здания через год корежатся, через два рассыпаются. Рельсы начинают описывать восьмерки. И все потому, что вечная мерзлота не изучена до конца. Датский делает большое дело. И увлекается им.

— Без интереса к своему исследованию могут работать только такие геологи, как ты, работающие до замужества, — подхватила опять Муза.

Назревал очередной скандал: девушки не ладили между собой, и время от времени две старшие ополчались на Клаву. Чернов имел вид вконец несчастного человека: он не знал, как их примирить. Я тем легче справился с задачей миротворца, что Клава почти не обиделась на товарок. К счастью, это была случайная вспышка, слабый рецидив прежней распри, вызванный затянувшейся подготовкой к полевой работе.

Разговор вернулся в старое русло — заговорили об изобилии экспедиций, изучающих Уссу.

Чернов рассказывал, что колоссальную помощь разведке Воркуты оказывает исправительно-трудовой лагерь ОГПУ. Он снабжает приезжие экспедиции рабочей силой, выделяет для самостоятельной полевой работы свои геологические и топографические группы. Он взял на себя самую тяжелую функцию — транспорт, строительство дорог и частично — горную разведку. Как и на нефтяной Ухте, лагерь ведет строительство. Подготавливает край к промышленной эксплуатации, чтобы потом передать разведанные и застроенные площади гражданским организациям для развертывания массовой добычи¹. И, как в Ухте, он готовит кадры будущих производственников. Сотни заключенных, перешедших на колонизацию, выписавших семьи, освоившихся на севере и полюбивших его, добровольно остаются на Печоре. Они включаются в пролетарские кадры новых промышленных центров, возникших за полярным кругом.

¹ В 1933 г. создан Ухто-Печорский трест.

Чернов прикидывал, что к 1934 году район Воркуты — Уссы будет в основных чертах разведен, занесен на подробные карты, подготовлен к железнодорожному строительству.

Я извлек из своего блокнота отрывок стенограммы, давно беспокоившей меня. Стенограмма записала спор, возникший в Архангельске между двумя учеными. Проф. Едемский жаловался краевой конференции по изучению производительных сил на слабую разведенность северных окраин. Он закончил свою речь патетическим восклицанием:

— Мы знаем о геологии части северных районов не больше, чем о геологии луны!

И тогда Чернов-отец «позволил себе не согласиться с уважаемым коллегой».

«— Я скажу, — передает стенограмма это место речи А. А. Чернова, — что дай бог изучить так Печорский и полярный край, как мы знаем луну. (Смех). Если бы мы имели такие хорошие карты, как для луны, мы бы давно эксплуатировали печорские угли. О строении поверхности луны, о ее геологическом строении мы можем рассказать значительно больше, чем о Печоре».

Среди нас не было астрономов. Мы ничего не знали о степени исследованности лунной поверхности. Мы не могли быть арбитрами в этом ученом споре. Но мы, пятеро обследователей Уссы, с высоты своих совокупных ста двадцати пяти лет, — ибо всем нам пятерым было только сто двадцать пять лет, — и они обязывали нас к категорическим суждениям и оптимизму, — мы объявили спор ученых в Архангельске анахронизмом. Луна была и оставалась недоступной человеку. Притоки Печоры, Уссынская тайга, Воркутская тундра, наконец недра Печорского угленосного бассейна лежали здесь, рядом, и уже давно перестали пугать своей недоступностью. Этот край хранил следы бесчисленных полевых и горных разведок: здесь выковывались первые кадры бойцов за советскую, а следовательно осваиваемую, предуральскую тунду. Воркутский район лежал перед нами, как гигантская, вымытая, освобожденная от шкуры туша. Можно было приступить к ее свежеванию, нарезая жирные куски, выбирая драгоценные внутренности.

Никто из нас не сомневался, что пробил час широкой промышленной эксплуатации печорских углей, подготовленный предшествовавшими годами напряженного, самоотверженного труда.

И мы были правы в своем оптимизме. Полгода спустя, встретившись в Москве, мы уже знали: Печора, включая район Ездид-Кырта, легко доступный речному транспорту, получила на 1933 год план — выдать сто тысяч тонн угля.

И это только скромное начало. Печорским и прежде всего воркутским углем принадлежит будущее!

«Хоть шаг, да твой»

Путешествие на катере приближалось к концу.

За Абезью начинался перекат, не пропускавший вверх баржи, не позволявший в то же время маленькому пароходу «Иванов» покинуть верхний плесс. В Абези — немного домов. Казалось, что раскинувшихся по соседству экспедиционных палаток больше. Но абезьские жители славятся гостеприимством, а девушки общительностью. Капитан настроился на длительную стоянку, уверяя, что перекат для катера не преодолим. Пришлось подумать о другом виде транспорта — лодке.

Коренное население на Уссе измеряется сотнями людей, разбросанных на протяжении шестисот километров. Селения редки, встречаются через тридцать-сорок километров. Поселки незначительны: пять-шесть хозяйств, иногда всего два или даже один дом. В летние месяцы коренное население в расходе. На учете не только мужчины, но женщины и подростки. Коренное население обслуживает рыбную ловлю, заготовку леса для пароходов; оно поставляет баканчиков¹, сенокосчиков, экспедиционных рабочих; наконец на местное население падает гужевой, точнее бурлацкий, транспорт. Но коренное население на Уссе не только не увеличилось за последние годы, оно уменьшилось. Многих завербовали печенские заводы: консервный в Усть-Уссе, замшевый в Усть-Цильме и лесопильный в Нярьям-маре. Между тем растет пароходное движение, возрастает поток пассажиров по Уссе, растет число экспедиций; со всех сторон предъявляют требования на рабочие руки — их действительно не хватает.

Объяснение с председателем сельсовета о занярживании возчиков проходит два этапа — официальный и неофициальный. Официальный разговор, учитывая стандарт северной любезности, сравнительно короток. Избегая прямых отказов (невежливо отказать москвичу!), предсельсовета обясняет,

¹ Бакан — навигационный знак на реке, указывающий фарватер.

что все работоспособные жители занаряжены, людей в селе не осталось. Затем наступает неофициальная часть переговоров. Председатель вспоминает, что баканщиков брат мог бы отложить рыбный лов и отвезти пассажиров, но конечно... Председатель мнется и дает понять: казенный тариф — пятнадцать копеек с километра — баканщикам брату не с руки. Тариф — не препятствие; чтобы прекратить сомнения, я повышаю его сразу до рубля за километр. Предсельсовета приходит в восторженное состояние и ведет меня в свою избу. Там, к величайшему удивлению, я застаю целую ассамблею. Человек пятнадцать мужчин, почитаемых (по нарядам) на отхожих промыслах, пьют чай и оживленно разговаривают между собой. Предсельсовета рекомендует меня и подтверждает, что важная государственная необходимость влечет меня на Воркуту. Катер не в состоянии итти дальше. Нужны двое возчиков, лошадь и лодка. Оплата — рубль с версты — цена большая. Люди приветливо кивают головой. Все подтверждают, что цена сходная. Затем начинается обсуждение моего предложения на родномижемском языке. Проходит десять—пятнадцать минут; люди говорят горячо, о чем-то, повидимому, спорят.

— В чем дело? — спрашиваю я потихоньку своего доброжелателя-сельсоветчика. — Принимают мое предложение?

Он успокаивает меня, просит потерпеть. Я терплю еще полчаса и спрашиваю наконец собрание, есть ли желающие ехать со мною. Мне показывают двух парней, бесспорно вполне трудоспособных: я догадываюсь, что по отчетности рика эти люди числятся в данный момент в отходе.

— Так в чем же дело? — наивно спрашиваю я. — Едем сейчас же.

Нет, оказывается, обсуждение не кончилось. Митинг продолжается еще битых три часа, страсти разгораются. Но содержание спора не становится яснее.

— Может быть, недовольны платой? — спрашиваю я будущих возчиков.

— Нет платой довольны, только вот Иван не знает, стоит ли ехать.

Через полчаса Иван решает ехать, но тут выясняется, что лошадь пасется в поле — поймать ее трудно. Потом решают послать хозяйственного сына за лошадью, но вдруг не оказывается исправной лодки. Все это бурно обсуждается присутствующими. Когда наконец убеждаются, что лодка в исправности, Иван вновь начинает колебаться, стоит ли ехать.

На четвертом часу этих тяжелых переговоров я сделал тактическую ошибку. В негодовании на медлительность созрания я попросил возчиков ответить прямо: едем мы или не едем? Опрашиваемые хранили молчание. Тогда, чтобы добиться развязки, я предложил им, если они не хотят ехать, лучше ответить мне прямым отказом, но не затягивать собрания. Это и было моей ошибкой. По местным обычаям, неучтиво торопить людей. Моя настойчивость вдохновила возчиков на отказ. Помявшись еще раз, Иван сказал:

— Нет, уж лучше не поедем.

Кажется, обе стороны вздохнули облегченно. По крайней мере, в итоге четырехчасовых словопрений была достигнута ясность. Я ушел на катер отсыпать досаду.

К утру ситуация переменилась. Сельсоветчик-кооператор выезжал в поселок Аршияк, за двенадцать километров от Абези вверх по течению. Отвезти его взялась местная девчина-самоедка, жившая на правах родственницы у абэзского крепкого мужика. Уселись в лодочку, Мария села за весла, кооператор отталкивался багром. Так преодолели мы сильное течение на перекатах, обнаружив, что и катер мог бы проделать — при желании команды — тот же путь. За перекатами пристали к высокому берегу и... началась экзотика.

Мария вылезла из лодки, размотала длинную бичевку. Ее закрепили на вершине мачты и потом на борту. Мария надела через плечо лямку и запагала по берегу, вытягивая своими плечами совокупный вес лодки и двух взрослых мужчин. Я чувствовал себя неловко, эксплуатируя труд этого своеобразного речного рикши — женщины, но сначала не решался предложить замену. Всякий вид труда требует сноровки. Мария ловко обходила камни на берегу, следила за тем, чтобы бичева не задевала деревьев, и, следуя рельефу местности, то отходила на большое расстояние от реки, то шлепала по колено в воде. Я обучался этому искусству недолго; вскоре Мария уступила мне лямку; потом наступила очередь кооператора. Когда лямка опять перешла к Марии и мы встретились с кооператором в лодке, я попросил его разъяснить мое недоумение: какими деньгами могла соблазниться девушка, соглашаясь на этот дьявольский труд? Оказалось, что по возрасту девушку не могли обязать к тяжелой работе «за общество», она вызывалась везти кооператора добровольно. На меня расчета не было, кооператор платил по казенной ставке; — коротко говоря, девушка прельстилась двухрублевым доходом; обратно ей

придется возвращаться порожняком. Я стал втупик перед этой загадкой; взрослые мужчины отказались от сторублевого заработка; девушка шла на тяжелый труд из-за двух рублей. Кооператор разрешил эту загадку очень легко: девушка жила в семье родственника на положении батрачки. Не кое-как кормили, но конечно не платили за труд. Хозяин уехал в Усть-Уссу: бурлацкий заработок был единственным источником ее денежных доходов.

Мне предстояло проделать еще сто пятьдесят километров вверх по реке. Мария предоставила свою лодку только до Аршияка. И все же я рискнул двинуться вверх, усвоив к тому времени печорскую мудрость: «хоть шаг, да твой».

В Аршияке вечером повторились абезьские мучения. Мужчин было достаточно; мой хозяин Ефим Петрович, славный, дельный мужик, давал свою лодку. Лошади паслись по соседству, были желающие ехать — два братана. Но и здесь начался митинг. Умудренный вчерашним опытом, я не требовал скорых ответов, а, утомившись в пути, улегся спать в соседней комнате. Проснувшись в полночь, я услышал за стеной голоса: митинг еще не закончился. Утром братаны оказались в ссоре; от'езд затягивался, Ефим Петрович, склонившись надо мной, вызвался ехать сам.

Сборы у Ефима Петровича заняли мало времени. Он недавно вернулся из Красной армии, военная четкость отличала его размеренные, несуетливые движения. Лодка оказалась в исправности, лошадь накормленной, сбруя целой. Четыридцатилетний паренек уселся верхом на лошадь. От хомута тянулась бичева к высокой мачте нашего корабля. Ефим Петрович стал на руль. Усовершенствованное бурлацко-конное сооружение пришло в действие. Лошадь трусила рысью по берегу, мне казалось, что лодка разрезает воду со скоростью катера. Ефим Петрович пообещал покрыть все расстояние не больше чем в трое суток. Он сдержал свое обещание. В верховьях обмелевшей Уссы при ускоренном встречном течении я делал большие пробеги за день чем в низовьях Уссы на катере и пароходах.

Ефим Петрович внушал к себе полное доверие. Каждый предмет в его руке делал то, что ему предназначено, жил сознательной жизнью. Ефим Петрович никогда не сутился, не торопился; всякое его движение было осмыслено, всякая работа спорилась в его руках. Память его хранила неисчислимое количество всяких историй, накопленных опытом двух наций — коми и русских. Он хорошо владел русским языком и русской грамотой. Красная армия не

только сформировала его общественное лицо,— она дала ему ряд навыков, приучила к целеустремленной, экономящей силы регулярной деятельности. Характерно: по рыбе, по молоку, по пушнине Ефим Петрович сдавал норму первым в сельсовете.

Усса в этих местах сближает свои берега. Лес мельчает. Тотчас же за береговым кустарником открывается панорама тундры. Берег усыпан цветами. Люди, никогда не бывавшие на севере, представляют себе северную природу тусклой и мрачной. Между тем нигде нет такого высокого небосвода, прозрачного воздуха. Нужны яркие краски на палитре, чтобы передать на художественном полотне особенности северной природы. Я помню один день на Уссе. Моросил дождь, дул холодный, пронизывающий ветер. Чтобы не замерзнуть и размять кости, я шел берегом следом за лодкой. Густая трава пестрела цветами. Я стал собирать букет, присоединяя к нему лишь новые образцы растений, не повторяющие прежних. За короткий срок я набрал двадцать разнообразных и в большинстве своем ярких цветов. Я пожалел, что хмурая погода не позволяет заснять цветы, собранные рядом с тундрой, на шестьдесят пятой параллели. Я принес букет в лодку, и здесь мы рассмотрели его с Ефимом Петровичем. На цветках оцепенели в сне две дикие пчелы. Ефим Петрович подышал на них — одна пчела проснулась и улетела. Мы оба поразились силе приспособления пчел. Они не только замирали на длинную печорскую зиму, но даже летом, в дни, когда дул норд-ост, они ухитрялись, впадая в сон, экономить жизненную энергию.

— Хитрое животное,— сказал Ефим Петрович, сочувственно поглядывая на сонную пчелу.— Порато¹ тепло любит, а все ж таки на Печоре уживается. В зиму-то у нас не сладко. Пурга задует, так бабы в отхожее по веревке ходят — заблудиться боятся. А пчела, видать, спасается... Да, зима у нас лютая,— повторил он.— К примеру, заснегит, поутру mestность узнать невозможно. Замятель страшная бывает. Снег тебе сверху идет — это одно. Опять другое — ветер метет тебе снизу и с боков. Свет начисто закидает снегом. Лошадей столбняк хватит. Станут бревном — не спихнешь их с места. В такую пору одни самоеды дорогу гнать умеют — ни за что не заплутают. Что и говорить, знатоки! Круглый год в оленях живут.

Мы заночевали в крохотном поселке, состоявшем из трех

¹ Очень.

домов, среди которых был дом Госторга, в тот период цу-
стовавший. Мне объяснили, что зимой сюда съезжаются ненцы
из восточной части Большой земли. Здесь подолгу стоят
чумы самоедов. Ненцы сдают пушнину, покупают в Госторге
(так зовут по старинке «Союзпушнину») «норму», промыш-
ленные товары. Наезжают и непрошенные гости: оседлые
жители из соседних деревень, надеющиеся поживиться
около простодушных ненцев.

— Уижемцев тундра грехом на совести лежит, — сказал Ефим Петрович, когда мы чаевничали в доме Госторга. — Дело конечно старинное. Но иногда напомнить не мешает.

— Вы сами ижемец, Ефим Петрович?

— Я с Кулома, могу сказать — чистый коми. Конечно и ижемцы — те же коми. Только так завелось: у них язык различается с нашим. От села того кулацкого — Ижмы — и повелось название. Конечно между ижемцами много бедняков. Особенно те, что сюда, на Уссу, выселились. Но ижемские коми, особо те, что побогаче, сильно притесняли самоедов. Самоеды, что олешки, смирные. Кулак с Ижмы их вокруг пальца в один счет обкручивал. До чего народ изобретательный кулаки-то, прямо удивление берет! Я еще в ребятах слыхал: снарядит кулак трое нарт¹, на одни положит ведра три-четыре спирта, на другие — пустые бутылки. Приедет к самоедам, ведро-другое разопьет с ними — угощает. Потом говорит: буду еще угощать, только заплатите ль за вино протче? А самоедец делается не в себе, когда вино чувствует. Конечно обещает уплатить. Выпивают остальное вино. Самоедцу много ли вина нужно! На утро просыпаются, а гость счет предъявляет: три нарты с пустыми бутылками. Все это, говорит, выпили, разорили меня, теперь платите. И забирал ненецкие богатства по дешевке. За чарку — шкурка, а то и оленей в уплату сведет. Вот какие дела в тундре делались!

Назавтра потеплело. Ефим Петрович посоветовал двигаться по реке дотемна, започевать, где придется, в лесу; селения по дороге встречались все реже. Я с радостью согласился. А Ефим Петрович прибавил с удовлетворением:

— Вот и ладно. Костер разожгем. Расположимся на волюшке, по крайности от блох и тараканов на ночь ослободимся. Ведь до чего черный таракан прискучил! Слыхал я, тот таракан в досельные годы появился, при самом грозном царе. И вовсе не знали, что с этой напастью делать —

¹ Саней.

боялись зверя. По деревням, сказывают, дома сжигали, да не помогло. А теперь без этой животной дома на Печоре не сыщешь.

Ночью мы действительно расположились у притока Уссы, в темном лесу. Разложили гигантский костер; отблески веселого пламени разогнали лесную жуть. Ефим Петрович сбежал на речку, принес два котелка воды. В одном из них вода была мутная, желтая.

— Видишь,— сказал он назидательно,— по Уссе все правые притоки имеют мутную воду. Речки выпадают из тундры, из болота.

Мы согрели чай, закусили хлебными пирогами с рыбой и устроили себе теплые лежанки на прогретой огнем земле.

Ефим Петрович рассказывал о привольной печорской охоте. Зимой лучшие охотники выезжают в тундру. Разбрасывают капканы на песца, попутно ловят куропатку. Белая куропатка в несметных количествах спускается из тундры к Уссе и ее притокам. Зимой, в особенности снежной, тундра не может прокормить всю бесчисленную стаю куропаток. Они перелетают в лесо-тундровую полосу, набрасываются на ивовые побеги по берегам рек. Куропаток такое множество, что считается невыгодным бить их из ружья. Охотник выставляет четыреста—шестьсот силков по берегам рек и раз в три дня собирает с каждого участка обильную жатву. В сезон охотник дает девятьсот — тысячу пар куропаток, не прекращая охоты на ценного зверя. Усть-уссинский консервный завод платит за пару сорок копеек со сдачей на месте охоты. Денежные заработки на Уссе значительны.

— Такой избыток птицы, такое излишество! — сокрушался Ефим Петрович. — Если бы по всей Печоре ловили, могли бы мы куропаткой всю Москву прокормить. Завод весной погорел, так ту куропатку, которую собрали, всю погноили. А было, говорят, двести тысяч пар. Завод заново строят, нас уже на зиму под куропатку контрактуют. Но я так понимаю: можно поймать и в два и в три раза больше птицы — были бы люди. Посуди сам: что за охота? Берешь конский волос, делаешь петельки и вешаешь меж двух ивовых кустиков без всякой приманки. Птица идет вдоль кустарника, клюеет налево, направо и попадает головой в петельку. Затянет — и готово. Тут же замерзнет. Сколько ж должно быть куропатки этой, если одна птица непременно ловится на каждые четыре-пять силков?

Ефим Петрович рассказывал и о рыбной ловле, об экспедициях на рыбные озера Хорбей и Вашуткины. Лодки снаря-

Уссинский район —
лучшее охотничье
угодье Кomi-области.
На снимке: охотник
отправляется за бо-
ровой дичью.

жают на Хорбей по весне. Едва пройдет лед по Уссе, рыбаки выезжают к устьям притоков Адъзы и Сейды. Притоки освобождаются от льда позднее. В это время Сейда — мощный, грозный поток. С трудом тащат лодку против течения к озеру Хорбей. Путь на Хорбей продолжается три недели, а лов рыбы на озере (неводом) всего три-четыре дня. За это время лодки нагружаются добычей до предела. На Вашуткиных озерах и в Хорбее рыбы — красной и белой — несметные количества. Приходится однако торопиться в обратный путь. Сейда из многоводного потока быстро превращается в тощий ручеек. Горизонт воды падает в день на половину — три четверти метра. Опоздаешь — и лодку с рыбой придется бросать на произвол судьбы.

— Построить бы на Хорбее избушку, ледник, — говорил Ефим Петрович, — можно было бы забросить туда артель на круглый год. А по зимнему пути мороженую рыбу не трудно свезти на угольный рудник — всего сто километров.

Я так и заснул под рассказы Ефима Петровича о рыбной ловле на Печоре. Проснулся на рассвете со страшным сердцебиением.

Мне приснилось, что в меня выпускают пулеметную очередь. Однако и наяву ухо улавливало тарахтение пулемета. Ефим Петрович был уже на ногах; он обяснил, потешаясь над моим испугом, что сверху движется катер.

В абсолютной тишине северного утра принесенный издалека шум мотора буквально повторял стук «максима»¹. Мы выбежали на реку и повторными выстрелами — таковы обычай на Печоре — остановили катер. Сверху спускался начальник Воркутского угольного района. Он торопился в Абезь, надеясь ликвидировать тамошнюю пробку.

Проводив катер, мы опять двинулись в путь. Днем зачесывали свежей рыбой в избе гостеприимного Виктора — лучшего в крае охотника — и к вечеру, обогнав крохотный пароходишко «Иванов», пыхтеvший над большим плотом, подошли к Воркуте-вом.

Здесь начинался иной, индустриальный мир. Он прорастал в будущее. Его сегодняшний день был еще скромен: будущее, наоборот, величественно. В виду Воркуты-вом мы тепло распрощались с Ефимом Петровичем. Он наказывал на обратном пути непременно заехать к нему, рассказать о руднике. Мысль о воркутском угле не выходила из головы коренных жителей Печорского края.

Рудник в тундре.

Воркута-вом встретила меня баржами, плотно осевшими на берегу, бывшем некогда руслом Уссы. Пакгауз не вмещал завезенных товаров. Мешки с продовольствием мокли под дождем, плохо прикрытые брезентом. Поселок состоял из поставленных на скорую руку бараков, палаток и наполовину врытых в грунт землянок. Здесь, в речном «порту», на Воркуте-вом, жили интересами рудника, принимали грузы с Уссы, снаряжали караваны лодок вверх по Воркуте, заготавливали в мастерских деревянные детали домов и буровых вышек для рудника. О собственном жилье некогда было подумать. В полукилометре к востоку от Воркуты-вом строился другой поселок — станция будущей железнодорожной магистрали. «Станция» выглядела солиднее «порта». Землянки были уже изгнаны отсюда, в палатках жили только геологи.

¹ Пулемет старой системы.

Серию рубленных бараков с капитальной баней во главе венчало новенькое шикарное здание радиостанции. Работы на трассе железнодорожного пути Воркута (рудник) — Усса начались недавно. Головная изыскательская партия еще выбирала наиболее выгодный вариант выхода дороги к руднику, а следом за ней двигались партии рабочих, разбивали путь на участки, устраивали жилье, запасались продуктами. Полный разворот строительства ожидался с весны следующего года. Пока что проводили первый подготовительный тур борьбы с врагами железнодорожного строительства на севере: вечной мерзлотой и заболоченными грунтами. На огромных пространствах снимали верхний моховой покров. Опыт показал, что, лишенная защиты мха, вечная мерзлота уходит на несколько метров вглубь. Одновременно проводили дренажные работы; осушали землю для будущего настила. Руководитель работ, инженер-строитель, смотрел на будущее оптимистически. Он ручался за окончание «вчерне» строительства к осени 1933 года.

От Уссы до рудника всего сто километров. Впрочем, версты здесь «баба клюкой мерила, да и маxнула рукой — быть де так». Подсчитывали по-разному. Официальный счет — девяносто семь километров, железнодорожный — сто десять; местные старожилы (их старожительству два года) утверждают, что если выехать на сырый желудок и выспавшись, то верст набежит никак не больше восьмидесяти. Отказавшись от комфортабельного сообщения в лодке (четверо суток), я отправился на рудник верхом, следом за фельдегерем. По середине пути фельд'егери сменились. Я продолжал путь и в сутки покрыл все расстояние, опередив на три дня инженера-воздушника, легкомысленно доверившего свою судьбу лодке «воркутке». Воздушник уверял потом повсюду, что изгибы реки увеличивают путь по меньшей мере на пятьдесят километров.

Тропа, наезжанная фельд'егерями, ведет к 13-му обнажению — середине пути. Лошадь подымается вверх по крутизне, спускается в низины, скакет через провалы в почве и дважды пересекает в брод быструю Воркуту. Все это называется конной дорогой на рудник. Путь по реке немногим лучше. От станка¹ к станку движутся тяжело груженые лодки. Экипаж каждой из них — три-четыре человека. Один управляет лошадью, к хомуту которой прикреплена бичева; другой правит рулем. Еще несколько человек помогают лодке шестами. На

¹ Станция; сокращенно от слова «остановка».

перекатах в мелких местах лошадь и люди соскакивают в воду и общими усилиями выводят «судно» на глубокие места.

Вверх по Воркуте вынуждены отправлять все: продовольствие, оборудование, крепежный и строительный материалы и даже дома. Возле рудника нет леса. Строительный лес кончается на двадцать четвертом километре. Здесь стоят прямо на земле, без фундамента, дома, построенные для Воркуты. Среди них—большое здание электрической станции, вышки, жилые помещения. Их строят для того, чтобы, перенумеровав составные части, разобрать и в лодках переправить наверх. Каждый дом требует пятнадцать—двадцать лодок. Каждая лодка движется вверх пять дней, десять раз сменяются бригады в пути. Трудно при таких условиях обстроить, оборудовать Воркуту! Настоящий разворот производства возможен только на базе железной дороги, хотя бы узкоколейки, соединяющей рудник с Уссой. Ближайшее будущее Воркуты тесно связано с судьбой железной дороги.

Преодолев уже в темноте последний холм, скатившись в последний раз по мягкому скользкому склону горы, мы очутились у крохотной охотничьей избушки Виктора, служившей резиденцией фельдшера Лебедева.

В избушке топилась печка. Десяток незванных гостей — прохожих, транспортников и рабочих — в ожидании хозяина варили ужин из хозяйственных продуктов. Лебедев отнесся к нашему гостю стойчески; он дружил с местной публикой, никогда не запирал своей избушки, никому не отказывал в ночлеге. Уезжая, он вывешивал на дверях самодельный плакат: «Исдесь живет фельдшер Лебедев, своя бражка. Просит до имущества иметь осторожность». Несмотря на разношерстный состав строителей, ни разу из избушки не пропала ни одна ценная вещь: шинель, топор, котелок. Продуктами Лебедев не дорожил: в поездках его кормили друзья-приятели, в избушке — случайные гости. Лебедев жил легкой жизнью, возился с конями, развозил по всей округе новости и по богатству не тосковал.

На рассвете в избушку примчался другой фельдшер, обслуживавший вторую часть дороги к руднику. Он предложил укоротить путь, поехать напрямик через тундру. Началась фантастическая часть путешествия. Мне не раз приходилось передвигаться по тундре. Я видел Ямальскую, Камчатскую, Сахалинскую тундры. И мне казалось, что тундра — синоним равнины. На Воркуте встретил горную тундру. Горные кряжи обступали нас со всех сторон; между ними расположились живописные долины, порой встречались кустарниковые за-

Пусть не совсем грамотно, но понятно тому, кого радуют успехи геологической и промышленной разведки в СССР.

росли, торфяные озера, подземные каналы, в которые проваливались и лошадь и всадник. Но все это была тундра. В низинах, так же как на под'емах, лошади проваливались в рыхлый грунт и инстинктивно ложились на бок, сбрасывая всадника прямо в болото. Отовсюду сочилась вода, везде росли пышные мхи, цвели папоротники-гиганты и серебрились деликатные ягоды. Один ряд тундровых холмов сменялся другим. Воркута оставалась где-то в стороне. Я устал не меньше своей лошади, она все чаще ложилась на бок. Казалось, тундре не будет конца.

Неожиданно ландшафт переменился. Мы выехали на высокий, скалистый берег Воркуты. Впадины скал хранили еще сугробы нестаявшего снега. Вершины снежных Уральских гор подошли к нам вплотную. Внизу извивалась живописнейшая из рек — Воркута — с ее сотней порогов на девяноста семи километрах пути до рудника. Повеселели и лошади и всадники: тундра осталась где-то позади. Обрадовавшись твердому грунту, лошади поскакали вниз к реке. За новым ее изгибом открылась панорама рудника.

Река изгибалась дважды, сдавленная высокими берегами. В геологической записи они получили свой твердый номер

и назывались 38-м и 39-м обнажением основных пород на Воркуте.

Я вспомнил слова молодого Чернова — площадка Воркуты-рудника разрешала какую-то архитектурную задачу, поставленную себе природой. Разгадка лежала за поворотом реки.

Я понял, с каким сердцебиением должен был преодолевать этот поворот первый изыскатель на Воркуте. Разливаясь полукругом, река обнажала площадку-террасу сухого твердого грунта. Напротив, за рекой, расположились холмы, скрывающие в себе уголь. Над первой террасой на значительной высоте висела вторая.

В середине 1932 года Воркута еще не вышла из начальной, палаточной эры строительства. Единственный дом — барак, в котором зимовали строители, стоял окруженный множеством палаток. Воркута походила на летний лагерь. Дома в разобранном виде двигались еще снизу по реке.

Рудник еще не оброс жильем, не превратился в поселок, но массы угля, извлеченные с поверхности недр, загромождали берег. Добыча угля носила опытный характер, но уже можно было проследить все стадии производства — от кустарной добычи к капитальной шахте. Местность изрезана шурфами. На правом и левом берегу заложено несколько заброшенных впоследствии примитивнейших штолен, у выхода которых свалены груды угля. Элементарные установки, с которыми москвичи познакомились на работах Метростроя, бурят землю вручную, прослеживая направление угольных пластов. Но уже в глубине шахтных полей работают закупоренные вышке станки «крелиус»¹. Они пропускают в землю тонкий геологический зонд и точно фотографируют структуру вековых напластований. И там же, на берегу Воркуты, высится огромная угольная гора: четыре тысячи тонн воркутского угля, добывшего из большой штолни, углубившейся на сто метров в разрез угольных пластов.

Инженеры, имеющие за плечами опыт Донбасса, разделяют воркутский уголь по всем правилам науки, не смущаясь тем, что воркутский транспорт не в состоянии перевезти на Уссу добытый уголь, что уголь боковых лав штолни доставляют к выходу на простых тачках. Штолня № 2 —

¹ «Крелиусы» работают не только на шахтных полях. На 50 километров к югу (13-е обнажение), на 100 километров к юго-западу (около Ельца-на-Уссе) и в нескольких десятках километров к северу (Сыр-Яга) «крелиусы» прощупывают простиранье пачки воркутских угольных пластов. Геологическая разведка предсказывает широкое распространение угольных пластов в районе северного Предуралья.

В Еджид-Кырта-Иойль применяются пока примитивные методы добычи и транспортировки угля. На снимке: рабочие грусят уголь на подводы.

живой, пока еще функционирующий памятник прошлому. Ее демонстрирует такой же старенький инженер, с внешностью и привычками дореволюционного мастера. С языка его непрерывно сыплются старинные, вышедшие из обихода, лакейские «еры». «Так точно-с!» отвечает он на вопрос и начинает свои пояснения с какой-либо странной фразы, вроде: «вам благоугодно было посмотреть» или «изволите ли видеть». Штольня врезалась уже на сто с лишним метров в береговой обрыв. Она вскрыла угольные пласты — их пять в Воркутском районе, их простиранье прослежено «крелиусами» на больших расстояниях по обе стороны реки. Штольня давно выполнила функцию «глубокого опробования», и тем не менее ее продолжали эксплуатировать, хотя и без того на берегу накопились огромные запасы угля, а себестоимость кустарной добычи из штольни была неимоверно высока. Но на противоположном берегу, на верхней террасе, закладывался уже фундамент современной индустрии на Воркуте. На разведанном шахтном поле строили капитальную шахту. Мне пришлось увидеть начало работ. У наклонной ямы глубиной в несколько метров копошился человек двадцать рабочих, устанавливалось крепление, оборудовалась выходная площад-

ка. В деревянных ящиках-носилках извлекали из ямы глину — проходили слой верхних напосов.

Воркута-рудник в 1932 году еще не превратился в подлинный рудничный городок. Без железнодорожного транспорта немыслимо развертывание добычи на Воркуте. Оно не имело бы смысла: выдать уголь на поверхность земли во много раз легче, чем сплавить его в лодках по порожистой Воркуте. О стоимости такого транспорта говорить не приходится.

Поэтому открытый два года позже район верхнепечорских углей вступил в эксплоатацию раньше Воркуты. У Еджид-Кырта-Иойль («Речка Белой горы») в 1932 году нашутили выходы щугорских углей. Полупораметровый пласт углей, напоминающих по своим качествам кизеловские угли, был найден в непосредственной близости от судоходной Печоры, почти на самой поверхности земли. Разработка углей началась тотчас же — примитивными способами. И пока Воркута вывозила считанные тонны угля на пробу, Еджид-Кырта-Иойль послала в устье Печоры несколько первых баржей с углем.

В 1932 году на Воркуте развернулись широким фронтом подготовительные разведывательные работы. К концу 1933 года, когда за воркутским углем придут первые составы поездов с юга, уголь будет «нарезан» в шахтах; запас его будет накоплен и на поверхности. Тогда не представит трудности развернуть массовую добычу. Таков был план работы на руднике. И план предусматривал, что уссилинская узкоколейка уже через два года не сумеет справиться с порожденной ею добычей угля. Поэтому на север, к морю, шли партии изыскателей, выбирая наиболее экономный вариант пути для широкой железнодорожной колеи к выходному угольному порту. Я встретил на Воркуте инженера южной изыскательской партии. Она пробралась на Воркуту из Сибири; зимой спускалась по тракту в Обдорск, весной пересвалила через Урал. Все же ей удалось приступить к изысканиям трассы только 1 августа. Она пошла по тундре на север, и ей на встречу двигалась уже другая партия, доставленная архангельским пароходом на Югорский Шар.

Острое желудочное заболевание заставило инженера прервать на время полевую работу. Несмотря на болезнь, он продолжал излучать из себя оптимизм. Железнодорожное строительство на севере казалось ему ординарным делом. Он уверял, что горной тундре можно всегда выбрать такой вариант пути, который не требует значительных выемок грунта. Он рассказывал о многих вариантах трассы к Баренцову

морю, отвергнутых один за другим; всякий новый вариант обеспечит добавочную экономию строительству.

Инженер носился с проектом сверхударных темпов железнодорожного строительства в тундре. Два укладочных городка могут сомнить юг с севером в течение одного сезона. Он настаивал на этих темпах, обидчиво отвергая возражения критиков.

— Работать в тундре можно в три смены,—настойчиво долбил инженер:—солнце в первой половине лета не сходит с горизонта. Работать необходимо в три смены, так как зимовка рабочих или вторичная доставка их в тундру обойдется слишком дорого.

Инженер обещал строительству обилие природных строительных материалов для настила и для баластировки. Он доказывал необходимость быстрой смычки юга с севером в условиях тундрового строительства с заносами, с оторванностью от культурных центров.

Метод прокладки рельсов по временному настилу, широко примененный на Турксибе, нашел себе восторженного поклонника в инженере.

Он предусмотрел в своем плане все — даже ссылку маловеров на возможность распространения цынготных заболеваний в среде рабочих. Опыт Игарки, Хибии, Вайгача подтверждал его оптимизм. С цынгой можно успешно бороться. Для паникеров у инженера была припасена поучительная история о горькой судьбе шести монахов.

Сибиряков, крупный северный купец и промышленник, замаливая перед господом тяжелые грехи свои, надумал открыть на Югорском Шаре монастырь (скит). По осени он завез на Большую землю шесть человек монахов и одного послушника; снабдил всем необходимым, доверил ключи от амбаров, где хранились обильные запасы, и оставил зимовать в тундре. Монахи не выходили из келий, по привычке тунеядствовали. Всю физическую работу выполнял послушник. Несмотря на доброкачественность пищи и обилие овощей, среди монахов началась цынга. Один за другим они опухали, чернели и умирали. Новый год в ските встретили двое: монах и послушник. Послушник чувствовал себя превосходно; к монаху подбиралась болезнь. Послушник советовал заняться физической работой, разогнать «дурную кровь». Но труд не был в монастырских привычках — монах заболел в свою очередь и к весне отдал свою ленившую душу богу. Послушник остался в одиночестве. Он чувствовал, что труд — единственное орудие обороны против цынги. Но со смертью своих гос-

под физической работы стало меньше. Чтобы обслужить самого себя, ему надо было тратить очень мало усилий. Поступник почувствовал приступы ленивого, тяжелого безразличия — верный признак наступающей цынги. Собравшись с силами, он задал себе урок: ежедневно перетаскивать в сибиряковском амбаре по несколько десятков мешков. Неделю он втаскивал мешки на второй этаж; другую неделю стаскивал их вниз. Рассеялись все признаки болезни. Сибиряков, прибыв с первым пароходом, застал поздоровевшего, окрепшего парня-послушника, единственного жителя скита.

Мораль инженера была проста и полностью подтверждалась опытом всех северных советских поселений. Нормальный трудовой режим — важнейшее профилактическое средство против цынги.

Инженер вновь и вновь возвращался к своему плану постройки железной дороги в один сезон. Его поработил этот безумный на первый взгляд проект. Инженер заставлял меня подсчитать, сколько людей понадобится на каждый километр строительства, сколько пароходов, груженных лесом, придется принять за лето в морском порту. Выходило, что проложить полотно и наложить на него рельсы возможно в течение одного сезона. Успех этого небывалого предприятия зависел однако от предварительной подготовки. С юга к Воркуте-руднику следовало проложить узкоколейку; на севере, у моря, оборудовать элементарные портовые устройства, чтобы избежать медлительных перевалов грузов на рейде; по всей трассе снять предварительно моховой покров, вогнав венчую мерзлоту на несколько метров в землю; на морском берегу должен быть заранее накоплен запас шпал. В таком виде план инженера приобретал все четыре реальности: прокладка пути могла быть осуществлена, после предварительной подготовки, в течение одного, короткого на севере, строительного сезона.

Экономия времени я решил отправиться обратно не в лодке, а опять верхом. Усталость давала себя чувствовать. Тундра казалась бесконечной. В довершение бедствий фельдегерь заблудился. Мы попали в непроходимую торфовую топь. Лошади дрожали от страха. С огромным трудом укрепившись на кочке, мы помогали им высвободить ноги из торфяной гущи; но, выскочив в одном месте из трясины, лошади тотчас же проваливались в другом. Пришлось повернуть назад, об'езжать опасные места, переплыть какие-то неведомо

У Югорского Шара, в районе, где идут изыскания порта и железной дороги, собрался пленум тундрового совета.

откуда возникшие тундровые речки. Наконец уже в темноте с далекого холма мы увидели огни поселка на 13-м обнажении. Фельд'егерь поскакал напрямик в избушку к Лебедеву. Я поехал на огни поселка. Спустившись в долину, я потерял ориентировку. Огней не было видно. Тундра на каждом километре в тысячный раз повторяет самое себя. Я проплутал два часа, готов был сдаться и заночевать в болоте, когда неожиданно показалась река Воркута. В темноте лошадь нашупала тропу.

Через полчаса, еле держась на ногах от усталости, я слез у палатки инженера Сазонова, начальника горной разведки на 13-м обнажении. Инженер принял меня гостеприимно, накормил, напоил и, не дав передохнуть, принялся рассказывать о своей работе.

На 13-м обнажении, в сорока пяти километрах от рудника, пытались «крелиусом» нашупать продолжение воркутских пластов. Первая попытка закончилась неудачей. Инженер, демонстрируя чертежи, с горячностью утверждал, что буровая была заложена не на месте, что угля не может не

быть в этом районе. Как и многие другие работники Печоры, инженер Сазонов фанатически верил в печорский уголь. Я силился вникнуть в доказательства, обильно представленные инженером, но, не сумев преодолеть усталости, заснул над чертежами. Инженер не обиделся, растолкав меня, уложил на свою койку и усился опять за работу. Когда на рассвете за мной приехал Лебедев, инженер все еще делал свои расчеты. Так работают, так неутомимо бьются над загадками печорской природы энтузиасты севера.

Обратно на Печору!

Что сказать об обратном пути в южные районы Печорского края?

Госпороходство не баловало меня. На верхнем плесе несчастный «Иванов», пароход с машиной в двенадцать (!) индикаторных сил, три четверти дня проводили на мелях. Не было нужды в объявлении аврала. При первом толчке на палубу высыпали матросы и пассажиры. Во главе с капитаном — юношой призывного возраста — мы силились спихнуть пароход с мели, вытолкнуть его на узкий фарватер реки. Непропорционально большой (для двенадцати сил) корпус судна тута поддавался нашим усилиям. Сначала отпихивались шестами, затем, если пароход не подчинялся нашим усилиям, переходили к вороту. Наконец, отчаявшись, капитан издавал приказ завести якорь на середину реки. Судно стояло и кряхтело, но все-таки высвобождалось из плена песков. «Иванов» опять пускался в плавание, чтобы на следующем повороте посадить на мель буксируемую баржу. Лопался канат. «Иванов» с тысячью предосторожностей разворачивался на реке, перебрасывал новый буксир на корму баржи и стаскивал ее «за хвост» с отмели. Час спустя все мученья начинались съзнова.

В Арпиаке «Иванов» застрял надолго. Понадеявшись на свои силы, я прошел пешком по левому берегу до селения Абез. Уже смеркалось, когда, обессиленный блужданиями по тайге и переправами через мелкие притоки Уссы, я увидел на противоположном берегу реки приветливые дома абезьевских жителей. Лодки на правом берегу не оказалось. Усса разливается в этих местах на полкилометра в ширину. У самой Абези она принимает в себя прозрачные воды Лемвы. Тщетно, до хрипоты, взывал я к доброте абезьевских жителей. Неизвестно, слышал ли кто-нибудь мои отчаянные мольбы; во всяком случае никто не отозвался.

Стемнело. В полукилометре от меня поблескивали освещенные окна абезьских изб. Там было тепло, уютно, сытно. Я мерз в одиночестве на правом безлюдном берегу, без теплой одежды, с отсыревшими, не годными к употреблению спичками, с случайно уцелевшим куском черствого хлеба. Мне положительно не везло. Потеряв надежду на ночную переправу, я развершил стог сена и залез в самую его сердцевину. Усталость взяла свое: я уснул.

Утром меня подобрал красноармеец, спускавшийся вниз по Уссе на крестьянской лодке. В верховьях Урала прошли наконец долгожданные дожди. Поднялся уровень воды. Зашевелилось госпароходство. Я встретил шесть пароходов на Уссе — неслыханную в этих местах флотилию. Но все они шли в верховья и ничем мне не могли помочь.

Потом началась буря; два дня ветер дул навстречу лодке. На веслах и на лямках мы не были в состоянии продвинуть лодку больше, чем на десять километров в сутки. Казалось, что Усса потекла вспять, на север, к Уралу. Конечная цель — Альзва-вом — оставалась недосягаемой. Наконец вблизи Петруни мы снова увидели пароход. В уверенности, что он идет в низовья, мы напрягали последние усилия, чтобы не упустить эту «оказию». Мы надрывались на веслах, подгоняя топорную рыбачью лодку. С необычно коротким промежутками прозвучали гудки: первый, второй и третий. Последний гудок застал нас за мысом, в нескольких десятках шагов от парохода. Я выскоцил на отмель и, размахивая наганом, вскарабкался на высокую скалу. Теплилась надежда, что стрельбой из нагана удастся привлечь к себе внимание капитана, задержать на несколько минут отправку парохода. Там, на скале, я увидел отчетливо, что и этот седьмой по счету, пароход шел вверх, — наши лихорадочные усилия прошли даром.

В Петруни мы раздобыли лодку баканщика. Он обещал доставить нас до следующей деревни. Но посередине пути повстречался пароход, восьмой по счету. Капитан конфисковал лодку баканщика и высадил нас на берег в пустынном месте. Нагруженные вещами, мы оказались в беспомощном, почти безвыходном положении. И тут на помощь пришел «фарт» — чорт знает, куда он запропастился в предшествовавшие недели. Ухо уловило спасательный стук мотора. Сверху шел катер. Наша лихорадочная сигнализация, казалось, не производила никакого впечатления на рулевого. Тогда мы обстреляли его по всем правилам искусства: пули ложились возле борта катера. Капитан катера, все тот же

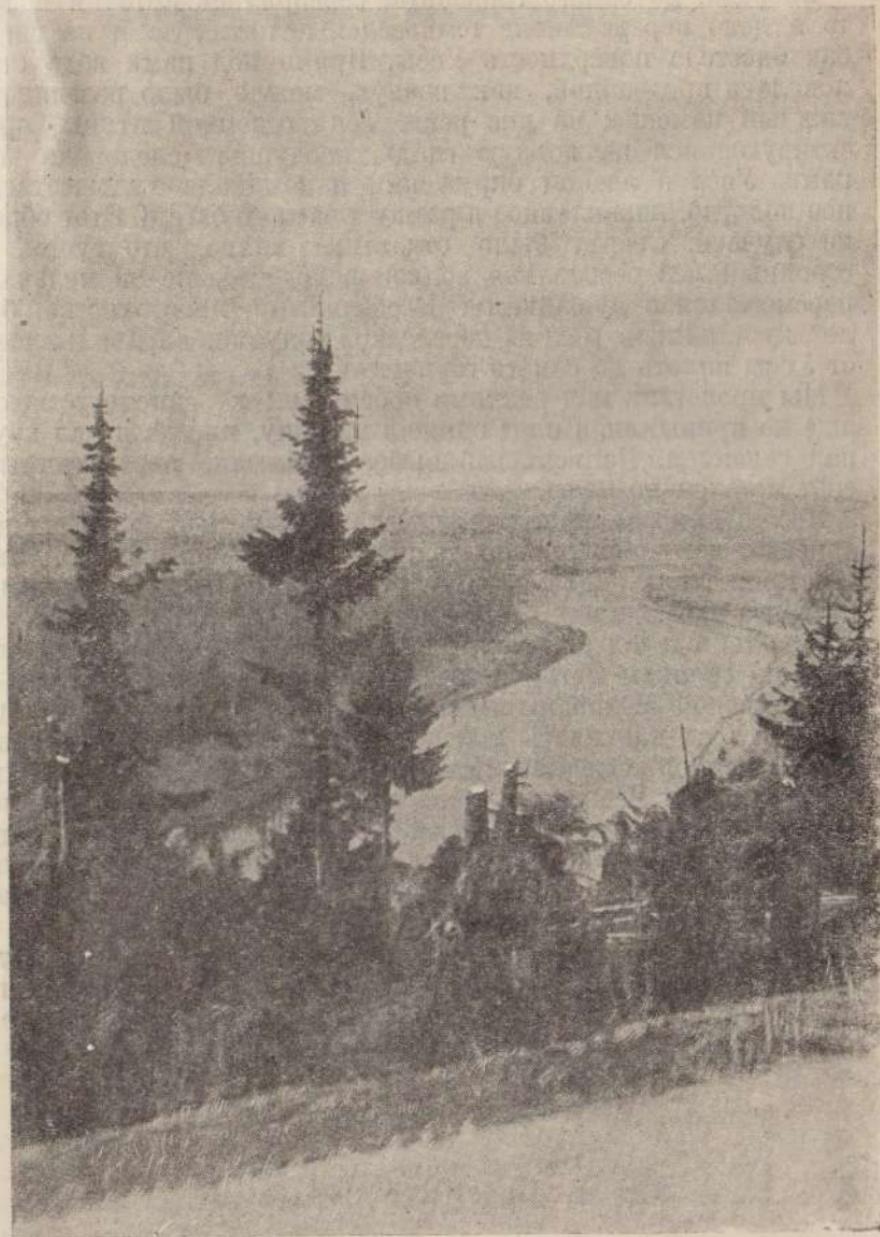
Сашка, струхнув, пристал к берегу и взял нас к себе на борт. В Адъзва-вом мы прибыли в тот же вечер без всяких приключений. Как ни странно, ни мотор, ни капитан не капризничали. Сашка даже пояснил, что «в стойло и лошади возвращаются охотно»!

Здесь меня ждала настоящая удача: в Адъзва-вом на якорях покачивался двухместный гидроплан.

Службу связи в Печорском kraе выполняют гидропланы устаревшего образца. В Печорском kraе нет пока искусственных посадочных площадок. Гидропланы летают по преимуществу над большими реками. По инструкции пилоту разрешается срезывать лишь небольшие петли; время разрешенного полета над сушей измеряется минутами. Но советские летчики — уверенные в своих силах люди. Когда им приходится лететь из Ухты на Кожву, они сплошь и рядом нарушают инструкцию. Вместо того, чтобы лететь шестьсот километров над Ижмой и Печорой, они летят напрямик триста километров над тайгой и болотами. Извилистая Усса не дает гидроплану разгона. Машина сразу же развивает большую скорость, легко отрывается от воды и быстро подымает нас на уровень шестиэтажного дома. Это достаточно высоко, чтобы созерцать широкий ландшафт, и достаточно близко, чтобы различать его отдельные детали.

В узкой, открытой кабине гидроплана едва помещаются двое людей: летчик и пассажир. Мы сидим гуськом — друг за другом. Силу разбуженного нашим движением встречного ветра принимает на себя летчик. Но и мне достается порядочно: мерзнут руки, лицо; ранним утром на высоте тридцати метров, при скорости сто километров в час — холодно. Я сравниваю достоинства пассажирского «Дернь», на котором я летал в последний раз, с этой рабочей, открытой машиной и, несмотря на укусы холода, не колеблясь, признаю ее преимущества. Подлинное ощущение полета, паренья дает только открытый самолет. Руки, лицо, туловище разрезают сильную струю воздуха; звуки, порожденные неслыханной силой ветра, не заглушаются даже стуком мотора. Пейзаж, не ограниченный рамкой окошка, не завуалированный стеклом, кажется ближе, рельефнее, доступнее. Наклоны, подъемы аппарата, послушного рычагам управления, воспринимаются как изящное решение геометрической задачи на построение. И еще одна важная деталь: в открытой машине почти не укачивает.

Мы мчались полетом стрелы, срезая петли реки.

Печора с высоты птичьего полета.

Впереди, до самого горизонта, серебрились ниточки воды, то и дело перерезавшие темнозеленые пятна леса, на изгибах блестела поверхность Уссы. Прямо под нами вода становилась прозрачной, как воздух, можно было разглядеть каждый камешек на дне реки. Тень огромной птицы, проектирующейся на водную гладь, послушно следовала за нами. Усса в лесном окружении напоминала художественное полотно, вправленное в рамку тяжелого багета. Этот образ не случаен. Сверху было отчетливо видно, что густой и стройный лес рос только вблизи реки. Дальше он мельчал, перемежался с лужайками. Необозримые пространства болот, кустарников, мелких перелесков тянулись вправо и влево от Уссы вплоть до самого горизонта.

Мы пролетали над редкими поселками; к самолету здесь еще не привыкли. Пилот снижал машину, иногда делал круг над селением. Из всех изб выбегали люди, перепуганный скот метался по полю.

Неожиданно на пригорке показалась Усть-Усса. «Красноармеец», двигаясь против течения Уссы, преодолевал это расстояние пять дней; самолету понадобилось на обратный путь два часа.

Самолет сделал два круга над Усть-Уссой: один над холмом, по склонам которого расположился поселок; другой — над широкой водной равниной, образовавшейся в месте, где мутная Усса вливалась в Печору. С аэроплана картинарисовалась иной. Средняя Печора служила как бы прямым продолжением Уссы: она текла с востока на запад. Верхняя Печора образовывала с Уссою угол почти в 90 градусов. Тем не менее геологи утверждали, что верхняя и средняя Печора — единый организм, что поворот реки на запад во многом обусловлен силой течения притока Уссы.

Гидроплан мягко, почти не зарыв поплавков, сел в воду. Ход замедлился. Летчик подрулил машину к самой пристани. Нас встречала толпа мальчишек, сбежавшихся со всего селения.

IV. Средняя Печора

«Сманеврировали»

Усть-Уссинский район до недавнего времени входил составной частью в ижемскую административную единицу. От Усть-Ижмы до Усть-Уссы двести пятьдесят километров. Но Усть-Усса — юго-западная граница района. Отсюда до крайнего пункта из северо-восток по меньшей мере шестьсот километров. Управлять из Усть-Ижмы этой территорией, равной территории среднего европейского государства, не было никакой реальной возможности. Впрочем, в ту пору в этом не было особой нужды: все население Уссинского района к северо-востоку от Колвы (ближайший правый приток Уссы) вряд ли превышало восемьсот человек.

В последние годы обстановка изменилась. Разведка нащупала по многим притокам Уссы угли. На Воркуте обнаружили многообещающие пласты коксующихся углей. Началась горная разведка, строительство жилья и дорог. Заговорили о железных дорогах, о шоссе, о постоянной воздушной связи. По Уссе стали подниматься целые флотилии судов. Уссинский край превращался в район крупного промышленного значения. Коми-область поспешила выделить Уссинский район в особую административную единицу, сделав ее центром Усть-Уссу, лежащую на скрещении двух водных магистралей. У Коми-области была еще другая веская причина для повышенного внимания к Уссе, своему лучшему охотничьему угодью. «Союзпушнина» реализует здесь основную часть заготовительного плана своей областной конторы. Уссинский консервный завод закупает куропатку сотнями тысяч штук.

— Усть-Усса надо рассматривать в двух планах, — говорит секретарь райкома Мезенцев. — План первый и важнейший: Усть-Уссинск в будущем.

— В ближайшем будущем,— тотчас же добавляет Мезенцев,— здесь будет крупный перевалочный пункт, речной порт для судов, идущих с Урала по камо-печорскому соединению, вероятно станция железной дороги Архангельск — Югорский Шар, или Москва — Печорские угли. Здесь возникнут крупные ремонтные заводы, предприятия пищевой промышленности...

Мезенцев задумывается. Чем еще наделить будущий Усть-Уссинск?

— Может быть, химические заводы,— добавляет он с надеждой и затем скороговоркой перечисляет: — и конечно школы, техникумы, больницы, курорт.

Мезенцев незаметно для себя вздыхает и переходит к характеристике сегодняшнего дня:

— План второй: захолустная дыра; крохотный поселок: только что возникшие, не укомплектованные работниками районные учреждения; сгоревший консервный завод; баржонка, превращенная в пристань. Все это — сегодняшняя Усть-Усса.

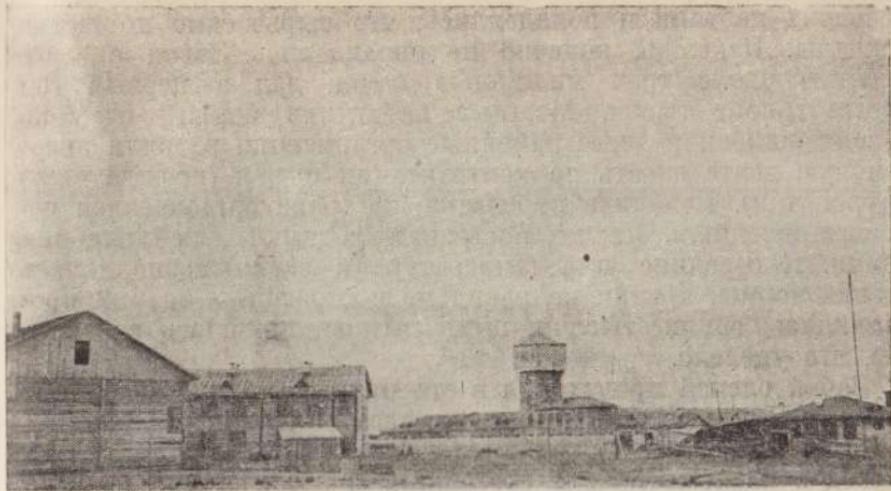
Мезенцев говорит медленно, точно пищу перемалывает. Регионы свои приводит убежденно. Чувствуется упорный, настойчивый человек с крепкой хваткой. Его вышколила гражданская война. Коми по национальности и языку, он прошел гражданскую на северном, западном и южном фронтах.

— В нынешней уссинской дыре,— продолжал секретарь,— заложены все благополучия будущего Уссинска. Послушайте! Я говорил о сгоревшем консервном заводе, но умолчал, что теперь строится новый, вдвое больший. В пяти километрах от Уссы — центр оленевого совхоза. Тридцать тысяч оленей! Это стадо должно удвоиться за пятилетие. По дороге в совхоз, в сосновой роще, на высоком берегу, стоит больница. Сейчас там нехватает медикаментов и белья. Но разве она не может разрастись в курорт?

Не удовлетворяясь разговором о «музыке будущего», Мезенцев ведет меня на стройку консервного завода.

•

Усть-Уссинский консервный завод начал строиться в 1928 году. Инициатором стройки была Кomi-область. Экономическая целесообразность завода не вызывала сомнений. Прилегающий район изобиловал дичью (главным образом белой куропаткой). Из тундры к осени прикочевывали огромные стада оленей. Местный рынок сбыта в те времена был ничтожен. Оленье и куропачье мясо солили (самым примитивным образом). Делали попытки вывозить свежемороже-

Замшевый завод (Усть-Цильма), отстроенный лишь в 1932 г.— один из очагов печенской индустрии.

ное мясо санным путем в Архангельск, но это оказалось нерентабельным: часть продовольственного сырья гибла в пути. Консервный завод разрешил сырьевую проблему Уссинского района.

Постройка завода в северном национальном районе председовала еще иные, политические цели. Консервный завод— первое промышленное предприятие во всем Печорском крае (если исключить лесозавод Ненецкого округа) — должен был превратиться в кузницу пролетарских кадров. Московские учреждения ассигновали средства на постройку завода, выделили оборудование и на этом успокоились. Застройку принялись местные люди, полные энтузиазма, но не имеющие опыта, лишенные руководства. Строители поставили своей задачей отвести место «под крышей» каждому станку. О других подготовительных к производству процессах, играющих огромную роль в консервной промышленности, никто не задумался. Так родилось ублюдочное здание, где не оставили места для оттайки замороженного сырья, где в крохотной клетушке потрошили рыбу, где нарушен был естественный порядок производственного процесса, обусловленный строгой логикой консервной «линии»¹. Завод построили

¹ Станки консервного завода располагаются обычно в одну линию в порядке производственного процесса. Пропускная способность станков «линии» согласована друг с другом.

рабочих набрали и понадеялись, что сырье само потечет в склады. Надежды конечно не оправдались. Завод с мощностью около трех миллионов банок дал в первый год всего триста тысяч. Местные работники поняли одну из своих ошибок и через районные организации развили энергичную деятельность по контрактации сырья (прежде всего куропатки). Повалила куропатка; но транспорт оказался неподготовленным. Наспех построили ледники для хранения дичи. К середине лета температура в ледниках поднялась выше нормы, крыши неправильно построенных зданий провалились; гнили тысячи штук птицы; пришлось засолить то, что уцелело.

Забой оленей происходил в ста пятидесяти километрах от завода. Никто не позаботился о создании ледников в пунктах забоя, об изотермическом транспорте. Мясо прибывало на завод в антисанитарном состоянии. И здесь его негде было хранить.

Третий вид сырья, перерабатываемого заводом,—рыба. Семгу, белорыбицу и много других ценных сортов рыбы вылавливают местные рыбаки своими дедовскими сетями. Но рыбачьи поселки расположены на больших расстояниях, концентрированный лов на Печоре не практикуется. Злой гений консервного завода, местный мастер Коняев, сконструировал живорыбные садки такой малой емкости и такой огромной тяжести, что подвоз рыбы в живорыбницах оказался заводу не под силу. Десять садков остались гнить на берегу. Даже в последний год своего существования завод не переработал и ста центнеров рыбного сырья.

Безалаберщина господствовала и на производстве. Центр не присыпал проверенной рецептуры для приготовления сырья. Местные «химики» варили сырье как бог на душу положит, выпускали низкокачественную продукцию. Тот же Коняев, начальник баночного цеха, обнаружив «бомбаж»¹ целых партий консервов, приказывал просверлить банки, выпустить воздух и вновь их запаивать. Завод не был обеспечен техническим руководством. Первый инженер был прислан на завод уже перед самым пожаром.

Суд выяснил, что завод был во власти бесхозяйственности, сопряженной с нарушением всех противопожарных мероприятий; только чудом завод не сгорел годом раньше.

¹ При автоматической закатке крышки воздух удаляется. «Бомбаж» указывает на нарушение основного принципа консервирования — наличие воздуха в банке и, следовательно, на возможность гниения

Подледный лов и поныне осуществляется дедовским способом.

Приставили к работе на карбюраторе неопытного молодого рабочего. При первой вспышке огня он ударился в панику. В нарушение всех правил — беночный цех не был отделен брандмауером от остальных частей заводского здания. Завод сгорел весной 1932 года буквально в несколько минут. Печорский край лишился своего единственного завода пищевой индустрии.

С точки зрения чиновника «Союзконсерва» Усть-Уссинский завод — досадная мелочь в хозяйстве. Консервщики строят гиганты на сто миллионов банок, а тут между погами путаются лилипуты с программой в два миллиона банок в год. Корысти (славы) от Усть-Уссинского завода никакой, а хлопот не оберешься. Неизвестно, кому еще придется отвечать за беспорядки на горевшем заводе. Поэтому, когда завод сгорел, в кругах специалистов «Союзконсерва» создалось убеждение, что отстраивать его не стоит. Вспомнили, что площадка для завода была выбрана неудачно, что завод работал с неполной загрузкой, и объявили его восстановление нецелесообразным.

Но местные организации, Коми-область, Северный край подняли широкую кампанию в защиту своего, хотя и неза-

дачливого в прошлом, детища. Надо отдать справедливость члену ВЦИК т. Минину, уполномоченному КОМИ в Москве. Самые закоренелые бюрократы не могут похвалиться, что создали непреодолимые для энергии Минина препятствия. Он вырывает зубами каждую машину, каждый наряд, каждую ассигновку. Он поднял на ноги общественность «Союзконсерва», протолкнул вопрос об Уссинском заводе до решающих инстанций, доказал, что наряду с гигантами имеют право на существование и мелкие заводы на севере. Минину удалось добиться многого. «Союзконсерв» послал на север комиссию. Комиссия должна была проделать то, о чем не подумали при постройке первого завода: изучить сырьевые ресурсы, выбрать площадку, дать экономическое обоснование строительства.

Московский центр консервной промышленности, послав комиссию на Печору, готов был забыть на время об Уссинском заводе. Но не успокоился Минин. Пока комиссия пробиралась на Уссу, он успел провести через забывчивый «Союзконсерв» новое постановление, разрешавшее строить завод на старой площадке.

Ликующая телеграмма Минина прибыла из Москвы в середине июля. Два дня спустя ее вручили на пристани председателю комиссии, прибывшему со мною на пароходе. Председатель развел руками. Комиссия совершила тридцатипятидневное путешествие для того, чтобы узнать, что вопрос решен без ее участия. Председателю пришлось еще больше подивиться, когда на месте пожарища он застал вновь отстроенное здание, подведенное уже под крышу. Председатель, проверив дату мининской телеграммы, побросился на Мезенцева:

— Может быть, вы станете утверждать, что заводское здание выстроено в два дня?

— Ничуть не бывало. Мы строим его уже второй месяц.

— Так к чему была вся эта комедия в Москве? Зачем вам ассигновка и разрешение из Москвы, если завод и без того энергично строится?

Мезенцев взял из рук председателя телеграмму Минина и мандат председателя комиссии. Помахивая обоими документами, Мезенцев ехидно спросил:

— А к чему было тогда посыпать комиссию, если вопросы, подлежащие ее суждению, разрешены и без того по телеграфу?

Председатель сердито отнял оба документа и спрятал их в портфель.

Мезенцев продолжал:

— Мы бы, пережидая все стадии волокиты в «Союзконсерве», упустили сезон. Вам в Москве не ясно, нужен ли здесь завод. За все время «Союзконсерв» не удосужился прислать сюда обследователя. А для нас все сомнения давно разрешены. Завод необходим нам, как сама жизнь. Старый завод работал позорно плохо, значит надо наладить новый завод.

— Откуда же взялись деньги, материалы? — полюбопытствовал я.

Лицо Мезенцева опять сложилось в довольную гримасу. Ответил он коротко и самодовольно:

— Сманеврировал...

Технический директор завода, инженер, присланный Москвой незадолго до пожара, показывал нам строительство. Инженер учел ошибки старого завода, расширил фундамент здания, отделил огнеопасные цеха, предусмотрел помещение для подсобных предприятий. Планировка нового завода произвела отрадное впечатление. Члены московской комиссии с каждой минутой все больше добрали. Председатель спрашивал о наличии оборудования, вспоминал, на каких заводах «Союзконсерв» можно раздобыть недостающие агрегаты.

Осмотрев постройку, председатель уселся с техноруком на бревно: они составляли совместную телеграмму в Москву о высылке оборудования.

Часом позже комиссия знакомилась в уцелевшем общежитии завода с кадровым персоналом строительства. В своем большинстве это были квалифицированные рабочие и мастера завода, пожелавшие участвовать в его восстановлении.

Мезенцев, не скрывая своего удовлетворения, спросил председателя, что намерена делать московская комиссия.

— Какие же тут могут быть сомнения? — Председатель произнес эти слова с искренним возмущением. — Комиссия будет работать.

— Гм.. — Мезенцев вопрошающе и чуть-чуть беспокойно посмотрел на председателя.

— Вас беспокоит об'ект нашей деятельности? — понял его с полуслова председатель. — Очень просто: нам поручили выяснить, нужен ли завод в Усть-Уссе. Сейчас задание меняется. Завод налицо. Комиссия будет изыскивать методы наиболее полной загрузки, наиболее рентабельной работы нового завода. Понятно?

— Есть, понятно! — Мезенцев, не выдержав тона, дружески хлопнул председателя по плечу. — Наяривай. Да свои выводы не забудь доложить в райкоме — созовем для этого случая пленум. Завод должен стать образцовым

Сердце Печорского края

Ижма — признанная столица Печорского края. Ижма встречает приезжего аллеей высоких фонарей-прожекторов. В лесу, уже в полукилометре от Ижмы, появляются первые крупные здания.

Бактериологический институт строит здесь целый городок. Институту передано опытное оленье стадо в несколько тысяч голов. Успех научных изысканий института служит предпосылкой развития коллективного оленеводства в Печорском крае. Крупному обобществленному стаду необходимо привить иммунитет к эпидемическим заболеваниям — бичу северного оленеводства. Бактериологический институт, не ожидая окончания стройки, разрабатывает новые методы борьбы с эпизоотиями, изучает физическую конституцию оленя, накапливает материал по ряду актуальных проблем оленеводства; их успешное разрешение сулит полную реконструкцию экономики северного животноводства. Такова, в частности, проблема искусственного прикорма оленей.

В поисках ягеля олени стада непрерывно циркулируют по тундре. С весны начинается движение стад на север, часто на расстояния во много сот километров. К осени стада вновь кочуют к югу, чтобы искать защиту от осенних ветров в лесо-тундровой полосе. В таких условиях рациональное общественное хозяйство невозможно. Во время кочевий стадо теряет значительную часть приплода, худеет; вод портит ценную экспортную шкуру оленя, заставляя прежде временно, в самых неудобных пунктах маршрутов, забивать оленей. В ряду других научных и хозяйственных учреждений Ижемский бактериологический институт участвует в разработке мероприятий по переводу оленей на «полукочевой» образ жизни. В этой работе институт может теперь опереться на ветеринарный персонал: с 1932 года все стада оленесовхозов Печорского края обслуживаются ветеринарными врачами и фельдшерами.

За городком бактериологического института в лесах и оленного техникума. Здесь, в селстве с тундрой, развернет-

О среднем доме в печорской деревне не скажешь: хата, скорее подумаешь: кулацкие хоромы!

ся деятельность этой своеобразной оленной академии. Заранее решено, что половина студентов академии будет комплектоваться из ненцев и ижемцев, практически знакомых с североводством.

Третий участок в этом печорском учебно-научном городке занят педагогическим Коти-техникумом. Большое П-образное здание наполнено шумом. На переменах по двору спят десятки юношей и девушек. Техникум функционирует не первый год.

За ручьем открывается панорама старой Ижмы, в прошлом кулацкого оплота, паука, присосавшегося к тундре; в настоящем — районного села, культурного центра, подготовляющего кадры для тундры и тайги. Старая Ижма начинается новеньkim зданием районной электростанции. Ижма снабжает электричеством соседние села, расположившиеся в плодородной долине на противоположной стороне реки Ижмы. Затем идут рядовые дома старой Ижмы, выстроившиеся в несколько рядов на протяжении двух километров.

О среднем доме в печорской деревне не скажешь: хата, скорее подумаешь: кулацкие хоромы! Два этажа; окон — по стандарту — двадцать две штуки и все на фасаде. А тыловая половина дома, тоже в два этажа, слепая: хлев, сеновал, сарай.

Кому под силу было строить такие дома? Приезжий из «России» не сомневается — строили кулаки. Частица правды в этой догадке есть. Богатейшие печорские села — Ижма, Цыльма, Петрунь — науками присосались к Большой земле. Шутка ли, всего за пятьдесят лет две трети ненецких оленевых стад неведомыми путями перешли в рукиижемцев. С остальной третьей оседлые ижемцы собирали ежегодно богатую дань пыжиками, неплюями, оленым мясом.

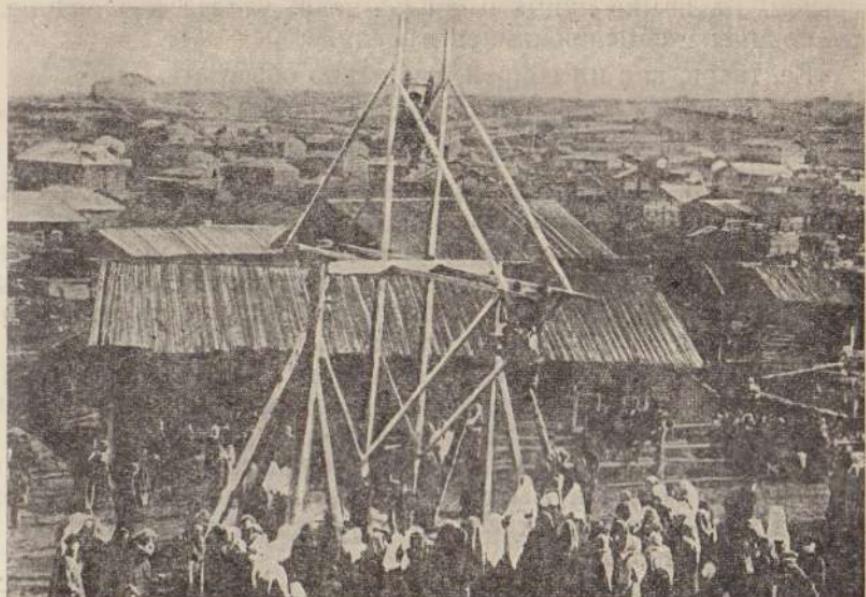
Но все же догадка о кулацком происхождении двухэтажного печорского дома неверна. К югу от Ижмы, в безоленных, небогатых деревнях, те же постройки. И богач пре-восходил середняка не числом окон в доме его, а внутренним убранством, поголовьем оленяего табуна, кочующего в тундре, числом коров или лавкой.

Кулаки-торговцы изгнаны с насиженных мест. Дома густо заселены трудовым народом. В каждом доме — по меньшей мере четыре семьи, и дом поделен по вертикали на две половины. Внизу — старики с неоженившимися еще детьми, вверху дочери — с зятями, с целой сворой ребятишек — человек по восемь у каждой еще не утомившейся рожать бабы. Кто примет в дом старика-инвалида, кто впустит семью приезжего кооператора! Дома набиты до отказа. Двухэтажная постройка себя оправдывает: экономия на материалах, в тепле. Печорскую архитектуру (хлев рядом с жильем) подсказал север: в пургу страшно покинуть дом.

Гостей угощают на старицкой половине. Старики росли в традициях северного хлебосольства. Старики свободней. У молодайки на верхней половине тысяча забот: во-время накормить ораву детей, справедливо распределить любовные материнские подзатыльники, доглядеть, чтобы младшенький ползунок не скатился вниз по лестнице, запрятанной в темный угол за русскую печь. Мало ли еще дел! Не до приезжих!

А старики промышляют гостеприимством проезжих много — одних экспедиций на Печоре десятки. Платных гостей — избыток.

Угощают по заведенному порядку. К столу подают запеченную в хлеб рыбу, сметану, лепешки. Пыхтит самовар-гигант. Хозяйка непрерывно подливает в опорожняющуюся чашку густой, как кофе, чай. Объясняться с хозяйкой невозможно — она не понимает ни слова по-русски. После пятой или шестой чашки московский гость знаками просит пощады: жажды утолена. Хозяйка удивляется нескованно — по печорским обычаям чаепитие только началось! И ес-

Этот аттракцион известен на Печоре уже сотни лет; неизменно собирая по праздникам веселую толпу молодежи.

ли случится в доме хозяин — мужчины говорят по-русски чисто, научились в армии,— то, соблюдая порядок, обязательно извинится: нет вина! Без вина какое же угощенье?

Все-таки Ижма выделяется своей кулацкой архитектурой. Здесь встречаются даже трехэтажные дома, колоссы по деревенским масштабам, отстроенные крупными ижемскими богатеями. В этих домах разместились теперь госучреждения: рик, Госбанк, Госторг; и те живут не по чину просторно.

Первый тохчинский председатель

После уссинского безлюдья река Ижма кажется густо заселенной. С высокого берега Ижмы видно одновременно несколько селений. В каждой группе домов выделяются каменные хоромы купцов, массивные церковные здания. Ижемские купцы не забывали замаливать свои грехи. Впрочем, гибкая совесть кулака вряд ли считала грабеж самоедов

грехом. На языке купца самоед — тварь. Тогда и сложились пословицы промышленников и купцов:

«Ее, тварь, как ни обирай, все равно обрастет».

«Вот живучая тварь! Ведь как оциплюешь, а опять живет».

«Не обсчитать твари нельзя, ведь этим живем!»

Позднее, когда до Печоры докатилась революция, не почиталось грехом и убийство врага, «советчика».

В церковной ограде Мохчи я видел скромный памятник, окрашенный в красный цвет. Там похоронен Николай Зыков, первый председатель Мохчинского совета, первая жертва кулацкой злобы на революцию.

Кулаки подстерегали его на каждом шагу, неоднократно покушались на жизнь и наконец изловчились убить выстрелом через окно. В этот день не молились, а пировали в кулацких хоромах, хоть и при закрытых ставнях: боялись гнева бедноты. Зыков руководил борьбой голодающей бедноты за дёлежку хлеба и фуражка, сохранявшегося в амбарах толстосумов.

Убийство супостата, посягнувшего на святая святых — кулацкое добро, за грех не считалось.

Ижемский район живет привозным хлебом. На долгий период весенней распутицы район оказывается отрезанным от снабжающих центров. К тому же в годы гражданской войны снабжение перестало быть регулярным.

Наступала весна 1918 года. Еще зимой, накануне провозглашения советской власти, Зыков, акклиматизировавшийся в Печорском kraе политический ссыльный, записывал в своем дневнике¹:

«Мужики здешние начинают леветь. Через пять-шесть дней не станет сена, по крайней мере для лошадей. А хозяева, имеющие сено, паотрез отказывают неимущим. На завтра собирается «боевая группа», хотят пойти отбирать сено. Я благословил. У многих нет дров, а у буржуев есть по сто сажен. Через неделю и за дрова и за хлеб возьмемся. А надо будет пахать, боронить — возьмем кулацких лошадей, запряжем в кулацкие сани».

Два дня спустя в дневнике появляется первая запись о нападении кулаков:

¹ Рукопись (двенадцать тетрадей) дневника Н. Зыкова хранится у тов. Минина. Она представляет своеобразный интерес для характеристики первой жертвы кулаков на Печоре в период Октябрьской революции.

«Ночью не дали спать. Трах — поленом в окно. Выскочил с револьвером — умчались, сволочи. Мороз двадцать градусов, в блузе — застудился. Пошел обратно — сквозь разбитое стекло тянет холодом, Сволочи! Вот так способ борьбы печорский! Этак выжить человека могут».

Накануне советского переворота в дневнике Зыкова опять появляются две записи:

«Архангельск нам задает тон, Усть-Цильма¹ не смеет ити против, буржуи волынят. Значит, все дело в натиске. Если и завтра ничего не выйдет, я решил поступить так. Управу зайдем вооруженной силой. Председателя и секретаря под штыками заставим сдать дела. Положим суточные красногвардейцам, обложим буржуазию без минуты промедления. Одним словом, к чорту все колебания, раз остается одно средство — вооруженное наступление.

... Опять были окна. Выбежал с ружьем. Буржуи, нежели хотите довести меня до крови? Сижу сторожу, глаза слипаются. Чорт знает, что такое! Теперь буржуи окончательно уверовали, что я главное зло. Гляди в оба: как бы до срока не стукнули».

После захвата власти (бескровного) Мохчинский совет вплотную подходит к конфискации кулацких излишков. Зыков подсчитывает в своем дневнике, что если не трогать середняков, а богатых уравнять с голодными и установить для скота паек, то сена хватит на всех, и скот доживет до появления корма.

Но и кулачи меняют свою тактику.

«То и дело приходят ко мне крестьяне, — записывает Зыков, — и говорят, что буржуи наотрез отказываются им продавать сено, зерно, мясо и посыпают ко мне: буржуи на зло раздадут сено своим приспешникам, а наших союзников оставят голыми. Когда же сено разойдется по рукам, уравнить будет немыслимо: легко взять двадцать буржуев за горло, а двести мужиков — нечего и думать. И весною народное бешенство обернется на голову совета. Не довольно ли слабости и веры на то, что обойдется без насилия? Кулаки затягивают петлю. Неужели я в нее полезу? Идал приказ: Совет запрещает продавать сено больше трех пудов в одни руки и предупреждает, что в случае падежа, богатые ответят за скот трудового народа».

¹ В Усть-Цильме находился еще комиссар «демократического правительства».

Все чаще попадаются в дневнике записи о стрельбе по дому, о нападении «кулацкой золотой молодежи». И вскоре после первого обложения сельской буржуазии — оторванный от пролетарских центров Мохчинский совет медленно усваивал основы революционной тактики — появляется новая драматическая запись в дневнике Зыкова:

«Тяжелое предчувствие с вечера не давало покоя. Не спал. Ночью проголодался — доедал хлеб. Вдруг слышу: пьяные гоняют на санях мимо моего дома, стреляют из револьверов. Выбежал на улицу — никого. Нервы напряглись до отказа. Опять услышал дикий рев у моих окон. Саны остановились — человек кричит по-зырянски. Я решил узнать, кто ж такие эти стрелки. Выскочил из дома — и к саням. Один из седоков вскочил, размахнулся здоровенной дубиной и хотел, должно быть, расшибить меня вдребезги, но промахнулся. Я отпрыгнул назад и выпустил пять зарядов своего «ивера» по хулигану. Лошадь умчала его.

Схватил двухстволку, побежал вперед. Там стояли люди. Раненый и его отец, похвалявшийся и раньше, что убьет председателя, ругали меня. В руках у них дубины. Вижу, что отец с сыном наступают. Поднял ружье, угрожаю, прошу отойти. Сын начал стонать, согнулся в три погибели. Уверяет, что не знает, почему стрелял в него, а сам подбирается ко мне ближе. Я уже отступил шагов на двадцать, а они все идут на меня. И вдруг на меня мчится рослая лошадь: в санях хулиган стреляет из револьвера. Все трое бросаются на меня. Промедли я секунду — убили бы. Но я понял, что это смерть. Вскинул ружье, ударил по сыну, потом по отцу. Оба упали, как кули с мукой. Третий меня обстреливает. Похолодел от этих выстрелов, ударил его прикладом ружья по голове. Но он был в малице¹: удар не оглушил его. Сунулся он мне под ноги. Я упал, и придавил его к земле. Кричу товарищем — никого нет. Забыл о револьвере, что был в кармане. Чувствую — прострелена левая рука, бок, изнемогаю в борьбе. А тут бежит четвертый и бьет дубиной по лбу. Голова закружилась. Вскочил и помчался к дому. Нервы не выдержали. Стало до смерти страшно. И будто я уже не председатель революционного исполкома, а беспомощный, дрожащий ребенок. Мать открыла крыльце, а я едва говорю: «Мамочка, что же это, меня чуть не убили. Я весь в крови, в ранах. Я двух

¹ Зимняя одежда с меховым капюшоном на голове.

человек убил, мама... тяжело мне, больно». Стою и болтаю, точно младенец. А сам дрожу, как в лихорадке...

Рука нестерпимо болит. Посмотрел рану. Пуля попала в мякоть руки и там застряла. Бок прострелен удачно, почти рикошетом. На затылке шишка. На лбу рана. А в душе ад. Посылаю за своими товарищами, невыносимо одному в избе. И только через час, когда собрались ко мне верные товарищи с винтовками, успокоился.

Нужна помощь из Архангельска, ох как нужна!»

В ту же ночь новая запись:

«Архангельск, совету депутатов.

Враги народа угрожают погромом, напали этой ночью, ранили; одного убил, двух, защищаясь, ранил. Поддержите присылкой хоть двух десятков красногвардейцев, иначе Печора останется без советов. Народ за нас, но запуган, безоружен. Спешите, пока мы живы. Председатель Мохчинского исполнкома Зыков».

Написал и самому страшно стало. Смерть подошла вплотную. Никогда в жизни не подавал таких телеграмм. Что-то будет дальше?

Посоветовался с товарищами — телеграмму не послал. В Архангельске люди нужнее».

Мохчинский совет и после ряда кулацких выступлений продолжал колебаться в применении решительных мер революционной обороны. В районе, об'явившем советскую власть, продолжали орудовать судьи, следователи, милиционеры, поставленные старым режимом. Связи с Архангельском и Москвой не было. Зыкову приходит в голову, что, может быть, революция раздавлена немцами и белыми и мохчинские события — последняя революционная вспышка в России. Фронт партизанской войны еще не перекинулся на Печору. Представленные самим себе, мохчинские борцы за советскую власть блуждали в темноте, не всегда нащупывая правильную классовую линию. Но вот наконец телеграфная блокада прорвана. Мохчинский совет получает из Архангельска четкие директивы. Зыков записывает в своем дневнике:

«Телеграмма из Архангельска. Наконец! Лучшего я ждать не мог. Вот ее текст:

«Организуйте Красную гвардию; следователя, судью арестуйте. До распоряжения подчините милицию. Неподчиняющихся отстранить. Права советов в отношении контрреволюционеров не ограничены. Обложите буржуазию на местные

нужды. Укажите, с кем послать оружие. Предгубисполкома Попов».

Эта была последняя запись председателя Мохчинского совета. После текста телеграммы Николай Зыков приписал от себя:

«Да здравствует революция! План действия есть!»

План действия оказался и у кулаков. Они тоже были осведомлены о директиве Архангельска. Автору дневника не пришлось его продолжать. Через несколько дней он был предательски убит кулаками.

Голодный против сытого

«Нет крестьян и дворян на земле — есть люди, живущие под небом голубым на дивной земле».

В России, там — по-иному. Там есть богатые и бедные, там промышленность, город с раздирающими его противоречиями.

Зырянская деревня не испорчена, патриархальна. Люди хранят заветы прошлого, люди не порвали связи с природой, не нарушают ее вечных законов.

Зырянская печорская деревня сохранила легендарного Пама Бурмorta¹. Жив Пам, жив Бурморт — хороший человек.

Конечно бывают хорошие и дурные люди. Но причем тут богатство, причем классы? Зырянская деревня имеет богатых и бедных, но в ней нет кулаков и бедноты. Бывают хорошие богачи и дурные, завистливые бедняки.

— Иногда даю под заклад и без заклада мучицы и сенца. Да ведь ругают, если помогать-то», рассказывает сочувственно слушающему К. Ф. Жакову² его хозяин, церковный староста, рыжий могучий мужик.

— Как, ругают за добро?

— Так, третьего дня еще Анисья-вдова так меня ругала, так зычила, как собаку.

— За что?

— За то, что я ей дал четверик муки.

¹ Пам — народный герой языческой Зыряндии. Спасаясь от миссионерской деятельности Стефана Пермского, Пам бежал в горы. По одному из преданий, когда и там его настигло воинствующее православие, Пам зарыл себя в землю и упросил ветер развеять ее, когда православие будет свергнуто. Чтобы накрепко замуровать его в землю, протопоп распорядился на его могиле построить церковь.

² К. Ф. Жаков, В поисках за Памом Бурмортом, 1912 г. Тому же автору принадлежит и лирическая сентенция, открывающая эту главу.

— Как же так?

— Ты, говорит, все пристаешь: плати да плати, а из чего платить? И пошла, и пошла. Ох, трудно помогать нашему народу».

Так писали идеологи буржуазного национального движения коми в довоенные времена. Так идеализировали они патриархальную, не затронутую классовой диференциацией, «неиспорченную» зырянскую деревню.

Те же люди уверяли еще с большей страстью, что революцию ввели в Коми-области по телеграфу, что кулаков «выдумали», что коми-народ попрежнему един и бесклассов.

Классовая слепота — безнадежная слепота. Нельзя заставить буржуазных националистов посмотреть на зырянскую деревню (в прошлом и в настоящем) открытыми, зрячими глазами. Они видят всегда только то, что хотят видеть, что отвечает их классовым интересам.

А между тем имеются бесспорные, недвусмысленные доказательства классового расслоения коми-деревни и в далеком и в недавнем прошлом и конечно в настоящем.

В документе 1902 года, опубликованном либеральными исследователями лесных промыслов на Печоре¹, рассказано подробно о «бесклассовой» зырянской деревне.

«Осенью в верхневычегодских волостях появляется несколько приказчиков лесопромышленных фирм. Главная цель их приезда — занарядить до начала зимы рабочих для вырубки, вывозки и сплава закупленного ими у казны пиловочного леса.

Начинается торг о цене. В большинстве случаев победа остается на стороне лесопромышленников, имеющих могучих союзников в лице местных богатеев. При возникшем конфликте местные богачи играют двоякую роль: своих однодеревенцев они убеждают стойко держаться своей цены, приказчиков же склоняют не уступать; но наступает момент, когда обеим сторонам необходимо на чем-нибудь покончить, и вот подрядчик предлагает лесопромышленнику сдать ему вырубку, вывозку и сплав девяти, двадцати, а иногда более тысячи бревен... Таким образом договор заключен, и теперь предпринимателем является уже не прежний приказчик, а местный богатей, часто держащий в своих руках чуть не все общество благодаря цепкой системе кредита.

¹ «Результаты произведенного в 1902 году подворного обследования верхневычегодских волостей», Пермь, 1903 г.

Прежде всего такой предприниматель привлекает к заготовке сортового леса своих должников, давая им ту цену, какую находит нужным, и грозя при несогласии прекратить отпуск в кредит. За должниками, составляющими немалый процент хозяйств, волей-неволей понижает свое требование и остальная, не задолженная часть населения. Барыш, получаемый местным богатеем, колеблется в пределах десяти-пятнадцати копеек с бревна, но кроме того он получает доход в качестве продавца товаров».

Технику и экономику кулацкой эксплоатации в дореволюционной зырянской деревне вскрывает знаток севера К. Попов¹:

Во второй половине XIX столетия кулаки встречаются почти во всякой деревне и на наличные деньги закупают запасы всего нужного в семейном и охотниччьем быту зырянина для раздачи нуждающимся в долг, с тем чтобы ссуда была возвращена продуктами охоты, рыболовства и т. д. Само собой разумеется, что кулак своему товару, давая его в долг, назначает высокую цену, а товар промышленника принимает в уплату по самой низкой. И ничто не ограничивает произвола ростовщика; обходя его, негде взять охотнику пороху, провизии и пр., а если и есть где, то нужны деньги. Таким образом у подобных кулаков сосредоточиваются все произведения местной промышленности и уже от них поступают в руки иностранных купцов».

Эпизод борьбы и убийства первого председателя Мохчинского совета типичен для первого этапа Октябрьской революции на Печоре. Он показал, какие силы классовой ненависти накопились в «патриархальной» зырянской деревне.

В глубине Печорского края революционные элементы самоопределились не сразу. В дальнейшем специфические условия края — сосредоточение запасов в руках местных богатеев — обусловили острый разворот классовой борьбы в зырянской деревне.

«В этой стране частых неурожаев и периодических голодовок,— пишет историк народа коми Н. Н. Ульянов²,— шла самая настоящая драка обнищавших масс за хлеб насущный. Борьба питавшихся соломой и сосновой корой бедняков с кулачеством, зарывшим в землю и хоронившим в лесах огромные запасы хлеба, была борьба за фи-

¹ Попов, Зыряне и зырянский край.

² Н. Н. Ульянов, Очерки по истории народа коми, М., 1933 г.

В зимнее время население печорских деревень заготовляет лес для местного строительства, для речного пароходства и печорского лесозавода. 10 млн. кубометров древесины вырастает за год в печорских лесах. Художник Н. Гатилов зарисовал тип крестьянина-лесоруба (коми).

зическое существование. Нигде, может быть, простое и примитивное представление о революции как о борьбе голодных с сытыми не получило такого буквального воплощения, как в зырянском kraе».

Печорская беднота быстро прошла школу гражданской войны. Белогвардейские экспедиции, пытающиеся в 1919 и 1920 годах овладеть основными транспортными магистралями kraя, были вместе с местным кулачеством лучшими ее учителями. Гражданская война на Печоре происходила в исключительно трудной обстановке. Тысячи километров отделяют Печору от пролетарских центров. Значительную часть года край отрезан от остальных частей республики. Беднота не имела оружия, боеприпасов. Красная армия могла оказать лишь ничтожную помощь, выделив отряд в несколько десятков человек под начальством Мандельбаума.

Не было почти никакого руководства из центра — борцы за советы ориентировались на месте, не зная исхода борьбы в центральной России, не зная часто событий в других районах своего края.

Это стихийное, героическое движение, возникновение и победу которого обусловила Октябрьская революция, вызывалось глубокой дифференциацией зырянского села, острой классовой борьбой не только между кулацкими и бедняцкими селами Печорского края, но и внутри всех этих ижемских, печорских и усманских кулацких деревень.

Живые, а не выдуманные кулаки и бедняки вели на Печоре в 1918—1920 годах борьбу не на жизнь, а на смерть. Это о них написал белогвардейский генерал Матушевский: «Одна часть населения зверски истребляла другую. Участники экспедиции видели проруби на глубокой Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды».

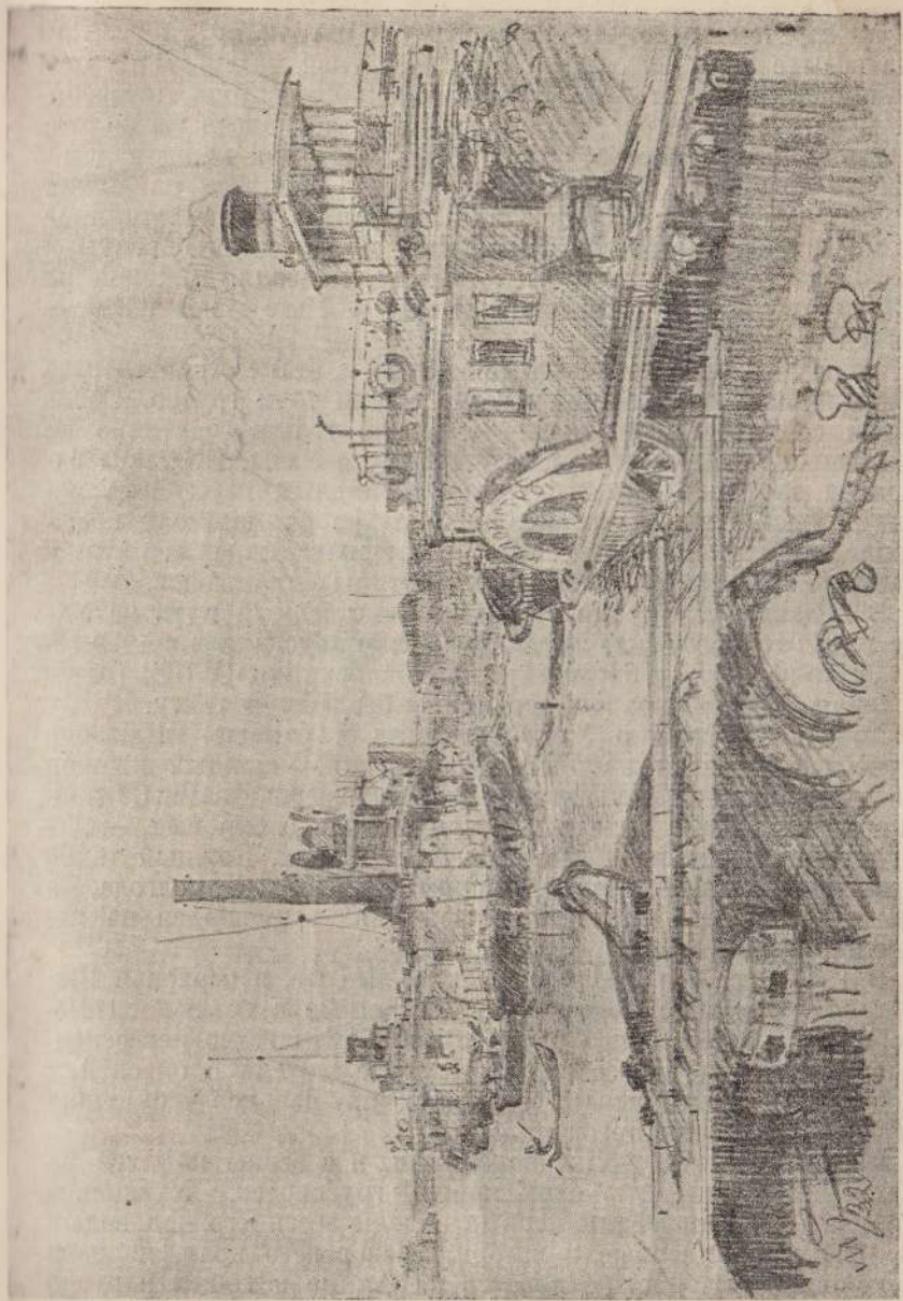
Это бедняки помогали крохотному отряду Мандельбаума в течение двух лет защищать огромные пространства Печорского края от белогвардейцев, пытавшихся сокрушить архангельский и сибирский фронты против красных. Это восставшие бедняки Извайля (волость в верховьях Ижмы) защищали в течение восемнадцати месяцев без всякой помощи извне советскую власть, обороняясь в своих непроходимых лесах от кулацких и белогвардейских банд, утвердившихся на значительных территориях вокруг лесной советской республики. Это зырянские кулаки, овладев наконец Изваем, истязали захваченных борцов за советскую Печору, выкальвая пленникам глаза, вырезая уши и переламывая ребра.

Трудящиеся Печорского края своей кровью опровергли нарочито сладенькие теории о патриархальной, не затронутой классовой борьбой зырянской деревне. Вместе с белогвардейцами они выбросили за борт — и навсегда — идеологов буржуазного развития страны Коми.

Эпизод с Синей Бородой

Как и все притоки Печоры, Ижма в летние месяцы несущдоходна. В конце августа даже село Ижма, невдалеке от устья, недоступно пароходу «Пионер», обслуживающему этот рейс. Несколько мелких перекатов и каменистых порогов лимитируют движение по среднему течению Ижмы, почтовый катерок вынужден бездействовать в течение двух летних месяцев.

В затоне Шелья-Юр дремлют речные суда, поставленные на ремонт. (Зарисовка Н. Гатилова)

Между тем недоступная паровому и моторному флоту, Ижма все же остается основной транспортной магистралью юго-западного, сравнительно густо заселенного сектора Печорского края. По Ижме расположен ряд поселков; здесь уж не редкость — посевы хлебов; огород обязателен при каждом доме. На юге работают леспромхозы: трест «Комилес» сплавляет по Ижме и Печоре балансы для лесозавода. «Союзпушнина» и местные кооперативы заготавливают в изобилии боровую и водоплавающую дичь, белку, лисицу, медведя. Наконец на одном из верхних притоков Ижмы — Ухте — возник нефтяной промысел.

Даже на нынешнем, подготовительном, этапе строительства Ухта нуждается в завозе многих тысяч тонн грузов. Связь Ухты с Вычегдой поддерживается по тракту, частично по сплавным рекам — притокам Вычегды и Ухты. Но тракт закончен только в 1932 году, автомобильный парк пока не значителен, доставка громоздких грузов на машинах невыгодна. Поэтому Ижма и сейчас играет роль важнейшей транспортной артерии для ухтинских нефтяных промыслов.

В недавнее же время это был единственный путь на Ухту и для грузов и для людей. По Ижме спускалась в 1929 году ухто-печорская промышленная экспедиция ОГПУ, разведавшая нефтяной район, освоившая безлюдную тайгу.

Конечно нефтяную Ухту посещали и раньше. Инженер Гансберг потратил на Ухту десятилетия, — каждый ижемец знал его в лицо. На Ухте ездили инженеры, земцы, промышленники. На Ухте заложили несколько буровых, — оборудование везли водным путем мимо Ижмы. Каждый такой транспорт давал шину ижемским болтунам на полгода, а между тем груз прежних экспедиций размещался на нескольких шнягах.

В 1929 году все выглядело иначе. На юг, в верховья Ижмы, шли людские полчища, неслыханные в безлюдной Печоре. Множество лодок, шняг повезли имущество переселенцев. Но что за переселенцы! Местные жители с опаской и недоверием разглядывали странных пришельцев — будущих соседей — бывших преступников.

Прошел первый отряд экспедиции, и с весны полился на Ухту неслыханный в этих краях грузопоток. Ухтинские промысла использовали первые недели весеннего половодья. В 1930 году, впервые в истории Печорского края, паровой буксир поднялся выше порогов на Акиме и вошел в русло Ухты, считавшейся несудоходной. Застопорив машину, буксируемый на лямках, он поднялся по Ухте вплоть до неф-

тяной столицы — Чибью. С этого времени каждую весну в Чибью приходит несколько пароходов, буксируя баржи, груженные трубами, станками, продовольствием. Они уходят из Чибью с грузом нефти.

Но период половодья короток. При бедности печорского речного пароходства трудно уложиться в эти жесткие сроки. Все, что не удалось доставить в Ухту на баржах, передвигается туда постепенно обычным на Печоре конно-лодочным транспортом.

Грузы движутся еще медленнее пассажиров. Мне посоветовали вручить свою судьбу ижемской почте. Местные колхозы дают лошадей и проводников; почтовые лодки преодолевают расстояние Ижма — Ухта (около трехсот километров) пять-шесть дней.

Ижемские почтовики — суровые люди. Они невозмутимо выслушивали наши вопросы об условиях поездки и так же безапелляционно захлопытывали окошечко, не вымолив ни одного звука. Доброжелатель из местных жителей посоветовал «не раздражать» наших новых хозяев, подражая действиям других, более опытных пассажиров. Те, действительно, накопили богатый опыт; они явились с опозданием на полдня против назначенного часа отправки почты; они штурмом взяли прибывшие подводы, загрузив их своими вещами; они ухитрились залезть на подводы, тогда как мне и моему спутнику, неопытным новичкам, пришлось шагать по сторонам телеги, придерживая мелкие вещи: для них не нашлось на подводах места. Снисходя к нашему невежеству, они обяснили, что путь на телегах продолжителен — почтовые лодки отходят из деревни Кырта-иойль, в двадцати пяти километрах к югу.

Лошадь шагала медленно. Мы пошли вперед, рассчитывая в ближайшем селении подрядить телегу. В нашем распоряжении оставалось полдня, и мы увлеклись осмотром колхозного хозяйства в Мокче.

Уже перед вечером мы попали на деловое совещание правления колхоза. Бригадиры докладывали о ходе работ по своим участкам. Обсуждался план нарядов на следующий день. Говорили коротко и деловито. Колхоз руководил обширным разнообразным хозяйством, требовавшим внимательного руководства: посевы, луга, общественный скот, гужевой транспорт, кирпичный завод, строительство. Преобладал комиязык, но часто переходили на русскую речь: завхоз вел отчетность по-русски. Нас поразила дисциплинированность участ-

ников совещания. За плечами этих крестьян чувствовался большой опыт общественной и хозяйственной работы.

Неопытные, политически наивные соратники и ученики Николая Зыкова выросли за эти четырнадцать лет.

В своем дневнике Зыков не раз жаловался на безлюдье, на неопытность и неорганизованность мохчинской бедноты. И он же после создания первого совета записывал с легкой ironией:

«Размечтался» о том, как много хорошего может сделать совет для здешнего края: улучшение лугов, травосеяние, опытный огород, мастерские, помочь промысловикам, общественная торговля... Да всего не перечтешь! Мечтаю, а на постели берданка, а на столе наган...»

Первый председатель Мохчинского совета, если бы его удалось уберечь от кулацкой мести, был бы доволен ростом мохчинского актива и результатом его деятельности.

Завхоз снарядил нам телегу, позаботился о мягком ложе, и мы, по-барски развалившись на сене, покатили в Кырта. Было несколько странно, что по дороге мы не обогнали почтового обоза, что не обнаружили никаких его следов. Возница высказал предположение, что обоз поехал по другой дороге. На этом мы успокоились.

В Кырта — большом, богатом селе — почта содержит специальный дом. Обоз еще не прибыл; мы ждали его с нетерпением: у местного сторожа не нашлось ничего, чтобы утолить наш голод. Ночью заскрипели телеги на дворе. Пассажиры проталкивались в узкую дверь горницы и, увидев нас, беспокойно переглядывались между собой.

Стали вносить тюки с почтой и вещи пассажиров. Оказалось, что милые спутники под благовидным предлогом (мы отстали в пути) сбросили наши вещи на промежуточной станции, чтобы самим расположиться поудобнее. Нашего багажа не было. Мы разволнивались не на шутку; за целость имущества опасаться не приходилось: коми-деревня не знает воровства. Но вероломство пассажиров угрожало опозданием к почтовой лодке и томительным ожиданием новой оказии на постоялом дворе в Кырта-иойль.

Надо признаться: мы погорячились. Пассажирам досталось по заслугам (по совокупности их прегрешений); но, на беду, попало и нашему почтальону, низкорослому пареньку, почти лилипуту, тонувшему в огромных болотных сапогах с отцовской ноги. Мы считали его ребенком, заслуживающим выговора. Между тем он оказался самостоятельным парнем с высокоразвитым чувством собственного достоинства и мно-

гими другими неожиданными в таком неварачном теле качествами; с ними мне пришлось позднее познакомиться. Паренек обиделся и наотрез отказался ехать за вещами. Не помогли ни угрозы, ни посулы. Почтальон и его товарищи не соглашались на наши предложения.

Положение становилось трагическим. Поздней ночью мы решились на отчаянную меру: пошли разыскивать председателя совета и просить его о помощи. Мы бы, вероятно, не решились на этот поступок, если б не узнали заранее, что председатель — молодой, покладистый парень, недавно демобилизованный из Красной армии. Лунной ночью мы шагали по солнному селу, сопровождаемые лаем дворовых псов. Кое-где на завалинках еще нежились любовные пары; они прерывали свой любовный разговор и в один голос твердили точный адрес председателевой избы: четвертая изба за утиным прудом. Мы нашли грязную лужу, в которой днем полощутся утки, и, отсчитав три дома, обнаружили недавно срубленную избу председателя. В ответ на наш стук в окне промелькнуло испуганное лицо женщины, затем послышалася председателев бас. Мы обяснили кое-как нашу нужду, извинились, попросили помощи. Председатель помолчал минуточку, потом, сладко зевнув, обявил снисходительно, что попытается «помогти своим ребятам». Председатель пошел с нами вместе на постоянный двор, долго выслушивал обе стороны и умелым дипломатическим вмешательством вынудил почтальона согласиться на поездку за вещами (конечно за тройную плату). За почтарем увязались и другие подводчики. Оказалось, что на двух подводах за кучеров были девушки — лет по восемнадцати, не больше. Одна из лошадей не имела хозяина; ее передали на мое попечение. Наш обоз тронулся в путь во втором часу ночи. В шесть утра почтовая лодка должна была отплыть вверх по Ижме; времени осталось в обрез.

Я оказался в незавидном положении: во всем я зависел от почтаря. Я не знал дороги, не знал, у кого хранится наш багаж; наконец мне не отдали бы его ночью без поручительства местного человека.

Лошади плелись гуськом друг за другом. Моя шла третьей в ряду, и никакие усилия не могли ее передвинуть на первое место. Почтарь перебрался на вторую подводу к девушке.

Как оказалось, несмотря на крохотный рост, почтарь слыл местным дон-жуаном. Он пользовался благосклонностью обеих девушек, избранных им вочные спутницы.

Пока он любезничал с первой, вторая изнывала от ревности. Она отпускала на счет своей счастливой соперницы злобные и, повидимому, меткие замечания (боюсь, что это была просто обидная ругань; с некоторыми бранными словами на коми-языке я уже успел познакомиться); она пыталась помешать любовникам, обгоняя обоз и стегая ни в чем не виноватую лошадь соперницы. Наконец этой маленькой ревнивой женщине пришла в голову блестящая мысль: она перебралась ко мне на подводу, надеясь возбудить ревность почтаря. Я уговорил девушку обогнать обоз и пустить лошадь рысью. Демонстративно прижавшись друг к другу, мы промчались мимо влюбленной пары. Расчет ревнивицы оказался верен: маленький почтарь совмешал в себе пылкость Ромео с ревностью Отелло и даже, повидимому, с деспотизмом Синей бороды. Несколько минут спустя он нагнал нас на своей подводе и закатил моей прелестнице первоклассную сцену ревности. Наступило мое время: я внушил почтарю удобную для себя мысль — увезти конкурента. Я пересел к нему на подводу, и лошадь галопом унесла нас в ночь.

Мы быстро поскакали пятнадцать километров; разбудив сторожа, получили без всяких придирок багаж и приехали обратно в Кырта задолго до отхода почтовой лодки. На обратном пути я успел даже соснуть в подводе; ревнивый почтарь не заколол меня ножом и не сбросил в глубокий овраг. Не поручусь, что совместное путешествие двух соперниц протекло так же спокойно.

V. Нефтяная Ухта

В почтовой лодке

Почтовая лодка — огромное неуклюжее сооружение, напоминающее саркофаг¹, неожиданно водруженный на рыбачью ладью с мачтой и приспособлениями для волока. Пассажирская кабина представляет собой отрезок широкой трубы диаметром около одного метра. С обеих сторон труба открыта, и ветер свободно гуляет по кабине. Сверху через щели досок проникает дождь; с боков, на каждом повороте просачивает вода.

Двенадцать пассажиров были на пять дней заключены в эту пловучую тюрьму. Согнувшись в три погибели, корчась от холода и сырости — с погодой нам не повезло, — мы мечтали об уюте зырянских изб. К счастью, на ночь тюрьма выпускала своих узников; мы почевали на лавках у гостеприимных крестьян. Онемевшее за день тело отдыхало и нежилось на жесткой деревянной постели. Укусы бесчисленных блох, и те не уменьшали прелести ночного отдыха в тепле.

Наутро мы опять залезли в наш холодный саркофаг и первые часы примеряли заново различные позы: в кабине было неслыханно тесно и неудобно. Только к десяти часам утра становилось теплее, и как-то естественно складывалась та грушевая фигура, которая в наибольшей степени соответствовала интересам каждого ее участка.

Развязались языки. Пассажиры, забыв о прежней неприязни к нам, затевали общую беседу с «москвичами». В большинстве это были сельские интеллигенты: два молодых учителя, только что окончивших Ижемский техникум, русский фельдшер, в прошлом недоучившийся студент Медицинского

¹ Греческая гробница.

Лес подготовляют к сплаву.

института в Ленинграде, кооператор, переезжавший с семьей на место новой работы, инструктор леспромхоза и председатель одного из колхозов — человек, присланный в эти края из Сыктывкара. Были и женщины, но они не принимали участия в мужском разговоре — это нарушило бы еще крепкие патриархальные традиции, да к тому же женщины едва понимали русскую речь. Характерная деталь: когда на отдельных перегонах пассажиров оказывалось больше, чем вмещала кабина, под дождем мокли женщины из числа вновь прибывших; их мужья захватывали свободные места под крышей.

Молодые учителя всю дорогу пели песни. Они знали их множество, и большей частью это были русские песни, вывезенные из «России», из армии. Они пели не только за мужчин, но и за женщин. Неизменным успехом пользовались лихие девичьи частушки:

Я по совести скажу,
Одного тебя люблю.
Я по правде-то скажу:
Семерых с тобой люблю.

Не любишь, так наплевать,—
Без тебя найдется пять.
Неужели из пяти
Такой дряни не найти?

Женщины в лодке скромно фыркали в платок. Впрочем, они принадлежали к старшему поколению, обремененному семьей и хозяйством. Девушки в коми-деревне бойчее и свое-вольнее — в этом я убедился в ночной перепалке с почтарем-лилипутом.

К полудню пассажиры начинали вести себя беспокойно: то один, то другой, нарушая достигнутое единство групповой акробатической позы, выползал из трубы «на палубу». В этом движении принимала участие добрая половина кабины: надо было высвободить из общей кучи ноги и плечи беспокойного пассажира и освободить проход. Наконец появлялась заветная охотничья избушка, в которой устраивался дневной привал. Соблюдая очередь, пассажиры выползали из кабины, подолгу растирали затекшие члены и взбирались на пригорок в «избушку», отапливавшуюся «по черному». Наспех кипятили чай, закусывали консервами и пирогами с запеченной в них рыбой и торопились опять в пловчую тюрьму. Лошадь уже стояла наготове; верховой прилаживал крепкую бичеву к свободно висящим постромкам, а рулевые брались за шесты. Плаванье возобновлялось: до вечера надо было

поспеть в деревню, где новый колхоз за скромную цену — пятнадцать копеек с человека за километр — принимал на себя заботу о пассажирах.

Впрочем, иногда программа разнообразилась. В избушке мы заставали охотничью добычу, спрятанную в балаган; тогда мы устраивали пиршество — зажаривали на вертеле рыбчиков. Уезжая, мы оставляли за жаркое плату у камелька — по рублю за жирного рыбчика. Иногда дневной привал устраивался возле палаток экспедиции, в поселке леспромхоза, где и в дневные часы мы заставали одного только сторожа.

Пороги развлекали нас. Они предупреждали о себе шумом. Издали казалось, что дети барабанят пригоршнями гороха о стенку. Вблизи шум усиливался, напоминая непрерывные раскаты далекого грома. Ижма разливалась в этих местах вширь; течение убыстрялось. Тоненькая пластинка воды разрывалась в куски большими камнями, вышибавшими из воды. Вода несла с собой кучи мелких камней. Они терлись о приподнятое каменистое дно и с треском скатывались с порожистой кручи. Но даже в летние месяцы обмелевшая Ижма сохраняла между порогами проход, достаточный для движения лодок. Пассажиры об'единяли свои усилия с почтальонами: лошадь уже не могла помочь. Мы тащили лодку через стремнину на бичеве, пока лодочники, отталкиваясь шестами, направляли ее по узкому фарватеру. Тяжелая лодка с трудом поддавалась нашим усилиям. И тогда кооператор запевал старинную «дубинушку» новоземельских промышленников:

Чтой-то солнце рано встало?
Закопорщика не стало.
Ой, ребята, собирайся,
За веревочку хватайся!
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, родимая, сама пойдет —
Ухнем!

Лодка благополучно проходила естественный, природный шлюз и вновь принимала нас в себя. Плаванье продолжалось. В селение Аким мы прибыли засветло. Кооператор, работавший некогда в этом селении, убедил нас срезать большую петлю, образуемую рекой, и выйти к селению проезжей дорогой. Мы шли колхозными полями; зрели ячмень, овес рожь. Под кормовую свеклу колхоз отвел целое поле; после витаминового голода, испытанного на севере, турнепс пока-

зался миц царским фруктом, едва ли уступающим по вкусу ананасу.

Вблизи деревни под навесом мы застали скопище людей: рыли огромную яму, строили первую в этих местах силосную башню. Общественный скотный двор и новая школа порадовали нас в деревне.

Кооператор пришел в лихорадочное возбуждение: за два года, которые он отсутствовал, колхоз успел изменить экономическое лицо села. Кооператор утверждал, что полеводство в районных масштабах — завоевание обобществленной деревни, что Печора до самого последнего времени не знала примеров культурного животноводства.

Мы разошлись по колхозным хатам и были ласково приняты хозяевами, вернувшимися с работы.

На следующий день эта тема — перерождение экономики обобществленной печорской деревни — варьировалась в лодке на разные лады. Пассажиры — местные жители, низовой командный состав колхозной армии на Печоре, рассказывая о новом, что пришло в ижемскую деревню, неизменно упоминали о влиянии соседних нефтяных промыслов.

Мы приближались к Ухте.

«Запечатанный» район

Все говорило о приближении к промыслам. Все чаще попадались на нашем пути транспорты с оборудованием и продовольствием. Бригады транспортных рабочих отдыхали возле костров. Громоздкие здания промысловых пакгаузов выпадали из архитектурного плана приижемских селений. На берегу хранились бочки с нефтью. Нефтеналивная баржа выжидала возле порогов подъема воды в Ижме. Яркокрасный лоскут опоясывал ее раздувшиеся бока. Лоскут радостно кричал: «Ухтинская нефть идет на помощь воркутскому углю». В селении Усть-Ухта, обычной зырянской деревушке, дремали в тихой заводи три стальные птицы. Нефтяной район — Ухта — встречал нас по-современному — гидропланами.

О нефти на Печоре знали еще в XVII веке. В книге голландца Витсена (Амстердам, 1692 год) под названием «Северная и Восточная Татария» имеется такое указание:

«Река Ухта отстоит от Печоры на одни сутки. На этой реке на полторы мили от волока есть мелкое место, где из воды выделяется жир, представляющий черную нефть; здесь-то и находят доманник, который горит наподобие свечи, издавая от себя черный цвет».

В «Путешествии академика Ивана Лепёхина по Архангельскому краю» (1772 год) также упоминается об Ухте:

«В половине нынешнего века гражданин Архангельгородского посада Федор, Савельев сын, Прядунов, открытель серебряной руды на Медвежьем Белого моря острове, съскал нефть на Печоре; производил сим землевым маслом торг и напоследок вздумал лечить сей нефтью всякие болезни разного чина людей в Москве. Сенат запретил печатным указом производить более в действие сию новую врачебную практику».

Двухсот лет нехватало самодержавию, чтобы организовать эксплоатацию Ухтинского местонахождения нефти, запрятанного в печорские леса. Революция застала Ухту такой же заброшенной и мало доступной людям, какая она была в эпоху открытий архангельгородского посадского Федора Прядунова. Ухта разделила судьбу других северных районов Российской империи. Царская Россия, как собака на сene, пролежала несколько столетий у берегов Ледовитого океана. Для частного капитала, гоняющегося за легко наживаемой прибылью, север оказался чересчур трудным объектом эксплоатации. Освоение севера требует крупных систематических затрат, координированных действий всех транспортных, торговых и промышленных организаций. Быстрые темпы освоения севера свойственны только советскому плановому хозяйству.

История царского севера, в частности и печорского севера — Ухты,— печальная повесть об отдельных попытках промышленной эксплоатации его богатств, неизбежно заканчивавшихся поражениями. История севера — это повесть о мракобесах-чиновниках, изощрившихся в создании препон и препятствий ученым и промышленникам, пытавшимся освоить север.

Один из архангельских губернаторов так и заявил: «Полезнее улучшение промыслов и вообще развитие в Северном крае промышленности оставить в настоящем положении».

Другой губернатор пятнадцать лет спустя высказывался так же пессимистически о перспективах развития «вверенного его попечению края».

«Каким образом,— спрашивал он,— заключим мы контракт с природой, чтобы почва, которая там по климатическим условиям осуждена на бездействие, сделалась лучше, чтобы зима сделалась короче, морозы легче и наконец чтобы там можно было водворить какой-нибудь живой элемент? Если бы была малейшая возможность, тогда страна не осталась бы пустыней; надеяться, что там разовьется рыбный промысел.

чрезвычайно трудно: берега Северного моря принадлежат к пустыням, к безнадежным на будущность местам. Там борьба с природой едва ли выносима для человека. Желать развития торговли, промышленности какой бы то ни было, в особенности увеличения населения,— значит желать невозможного, потому что населениедвигается туда, где благоприятствуют ему почва и климат, и никакие искусственные меры не помогут».

Видный царский бюрократ преисбрежительно отводил доходы в пользу зверобойных промыслов в северных морях. Он утверждал, что «возобновлять предложения о поездках за морскими промыслами на Новую землю и Шпицберген могут только люди, не имеющие естественно-научных сведений и не сильные в зоологии. Поездки эти были не правильным промыслом, а были своего рода азартной игрой, где ставкой была жизнь человека».

«Северное море бедно рыбой, там питаться рыбе нечем,— вторит ему четвертый сановник.— Что же касается до морского звероловства, то нужно радоваться прекращению этих промыслов вследствие несчастья от них».

После того, как северный морской бассейн стал выдавать стране сотни тысяч центнеров рыбы ежегодно, после того, как на севере возникли крупные промышленные центры — Хибины и Игарка, а в самом Печорском крае — Ухта и Воркута, мрачное карканье царских воронов вызывает смех у каждого школьника. Но в те времена пресса и правительственные учреждения, от которых зависели изыскатели и промышленники, находились в их руках. Архангельские губернаторы не только дезориентировали общественное мнение, — они всячески препятствовали работе отдельных инициативных промышленников, пытавшихся начать эксплуатацию края. Печорская нефть испытала на себе все прелести опеки царских администраторов.

Во второй половине XIX века интерес к ухтинской нефти заметно вырос. Но царская администрация руководствовалась принципом «как бы чего не вышло» и всячески препятствовала разведке. Любопытна история Сидорова, одного из культурнейших российских купцов, влюбленного в север, участвовавшего во всех предприятиях, суливших эксплуатацию природных богатств. Нажившись на золотых промыслах, Сидоров искренне увлекся севером, доставив тем самым массу хлопот царским чиновникам.

Губернаторы обвиняли его в крамоле, в сектантстве, писали на него доносы, всячески мешали его предприятиям. Сидо-

ров продолжал «чудачить»: агитировал за капиталистическую эксплуатацию севера, организовывал Карские экспедиции (в тогдашних ничтожных масштабах), поддерживал всяких неспокойных «фанатиков» севера. Методы агитации Сидорова не были лишены остроумия. Оказывается, хлебосольный хозяин устраивал в С.-Петербурге «званные северные обеды», апеллируя, так сказать, *«ad matronam»*¹. Благодарный гость, а может быть нахлебник (русские купцы всегда окружали себя челядью), сохранил для наших дней своеобразное меню «северных званных обедов».

«В начале обеда хозяин об'являл, что будет потчевать гостей только рыбами Ледовитого океана, животными с Новой земли и северными ягодами, растущими в тундрах. Подавали пироги с палтусиной из Мурманского моря, бульон из оленьего мяса с Новой земли, свежую рыбу, кандалакскую камбалу, варангерскую треску и навагу из Чешской губы; жаркое — северные куропатки с салатом из маринованной брусники, брусничного варенья и ряжиков; мороженое — из земляники и малины; фрукты — морошка, клюква и варенье из северных ягод; десерт — кедровые орехи. Вино — водка из мха, анизовка; наливки — рябиновая, смородинная, мороженная и поляничная».

Нельзя не признать, что в плотоядный купеческий век такой метод пропаганды был едва ли не самым эффективным. Косность российских купцов и чиновников было порой легче преодолеть с помощью сытой отрыжки от пирогов с северной палтусиной, чем даже описанием грядущих барышей от вложения капитала в северные окраины и северные экспедиции.

Понимая значение собственного источника нефти для севера, Сидоров сделал одним из первых заявку на участок в Ухте. Понадобилось два года, чтобы подыскать повод для отказа промышленнику. Еще год Сидоров потратил на то, чтобы опровергнуть в столице решение архангельской администрации. Получив приказ министерства об отводе участка, Сидоров выписал мастеров и подготовился к весенней эксплуатации. Но губернатор придумал повод для новой проволочки: он не допустил экспедицию к площадке, об'явив, что предварительно пошлет в Ухту казенную исследовательскую комиссию. Сидоров не сдался. Он пустил в ход все свои связи и вновь получил от министерства государственных имуществ разрешение на разведку. Казалось, губернатор

¹ По-латыни: довод с точки зрения желудка (брюха).

проиграл свою игру. Не помог даже донос в столицу со ссылкой на неблагонадежность Сидорова. Губернатор вынужден был «подчиниться»: он отвел Сидорову одну квадратную версту негодной для разведки площади. И этого эффекта Сидоров добился семью годами непрерывных хлопот!

Значительно позже, уже в XX веке, Ухтой заинтересовались крупные промышленники и сам Нобель, в то время один из крупнейших в мире нефтепромышленников, державший в подчинении весь российский рынок. Начался ажиотаж. В Ухту нагрянули «столбопромышленники» — люди, заинтересованные в коротком «буме» вокруг ухтинской нефти, который позволил бы им выгодно продать заявленные участки. Разведка носила кустарный, откровенно рекламный характер. Таков уж стиль работы частника! Затрачивать крупные средства на Ухту не собирались: хотели сорвать большой куш; в противном случае готовы были бросить разработки. Даже серьезные люди поневоле подчинялись этому стилю разведки; так случилось и с инженером Гансбергом, настоящим энтузиастом Ухты. Он приехал сюда одним из первых и прожил здесь ряд лет, вплоть до революции. Не имея собственных капиталов, он агитировал среди деловых людей за ухтинскую нефть, в существование которой верил фанатически. Он растратил в Ухте состояние своих компаний, пережил периоды расцвета Ухты под влиянием слухов о «фонтанах» нефти, а затем и забвение ее. И все-таки не пожелал покинуть Ухту и продолжал кустарное бурение, восторженно описывая климат и природу Ухты. Но и Гансберг вынужден был пускаться на различные нечистоплотные трюки, чтобы поддержать интерес к Ухте. Рядом со своей буровой большого диаметра Гансберг пробурил узенькую скважину, подчиняясь закону сообщающихся сосудов, она фонтанировала по его желанию в присутствии посетителей.

На Ухте пробурили несколько скважин — в разведке принимала участие казна, — но ни одна из них не дала нефти в промышленных количествах. Ознакомившись с районом, Нобель заявил, что Ухта не имеет промышленного значения. Интерес к Ухте упал. Всякие вложения, разведки прекратились.

Подлинные результаты разведки неизвестны. Несколько авторитетов предсказали Ухте ничтожный дебет нефти из скважин (по три-четыре пуда в сутки). Но вполне законно предположение, что Нобель, опасаясь конкуренции, искусственно «запечатал» район, распространяя через печать пессимистические взгляды на его будущее. В эпоху господ-

Река Ухта, изгибаясь, образует плато, на котором вырос промысловый поселок и дома управления промыслом.

ства частного капитала, частных интересов не так легко было установить обективную научную истину.

В общем итог всей шумихи вокруг Ухты был ничтожен. Пробурили несколько неудачно заложенных скважин, построили две-три сторожки — и все. Не вскрыли нефтяных пластов, не оконтурили нефтеносную площадь и — что самое главное — оставили район в первобытном состоянии: без дорог, без жилья.

Оазис в таежной пустыне

Ухтинский инженер-нефтяник приглашает меня в свою лодку: он возвращается из командировки на промысел в Чибью, построенный исправительно-трудовым лагерем ОГПУ. Легонькая лодка легко преодолевает водоворот, образовавшийся при слиянии двух рек, и входит в русло тенистой,

вый поселок. Вдали на снимке виден ряд нефтяных

приветливой Ухты. Здесь нас ждет лошадь. Это — печорский бурлак. От хомута тянется длинная-предлинная бичевка. Ее конец продевают через кольцо, привинченное вверху мачты, затем закрепляют на корме.

Лошадь тащит лодку против течения. Но лошадь идет по берегу, а лодка по самой середине реки. Таков хитроумный печорский транспорт! Лошадь двигается медленно, шагом или рысью. А пассажирам в лодке кажется, что они мчатся со скоростью хорошего катера. Это — северный мираж.

В лодке на свежем сене удобно и покойно. Лодка разрезает поток воды на две струи, обтекающие корпус. Вода журчit нежно и звонко.

Инженер полулежит рядом со мною. От удовольствия он сопит: сказывается возраст — ему за сорок. Инженер улыбнулся:

— Смешно... Нужен был такой излом в биографии, чтобы

Уразуметь очевидную истину: на севере возможна жизнь. Немного городских удобств — и здесь не будет отбою от людей. Я, знаете ли, не поэт. Газон и подстриженные деревья часто заменяли мне природу. Но я еще не настолько отупел, чтобы не понять настоящей красоты. Смотрите!

Плынут берега. У самой воды — ласковая мягкоть ивовых побегов. Повыше, нахмурившись, стоят ели. Первые стволы еще сохраняют свою индивидуальность: они утверждают ее расплывчатыми отражениями в воде. Но дальше деревья исчезают, начинается лес, густой, сочный. Растрепанный, как призный, он ползет в гору. Обернувшись кустарником, он вползает на вершину горного кряжа.

Север не скучится на краски. В осенней расцветке преобладает золото. Лес темен во впадинах и жизнерадостен на холмах. Золото листвы купается в бронзе солнечных лучей. Небо до предела прозрачно. Где, кроме севера, возможен такой стерилизованный воздух?

Небо раздвоилось. Как странно! Наверху оно невозмутимо, бездонно. Отражаясь в воде, оно превращается в мятущееся, зыбкое и мутное пятно.

Дз-ззз... Бичева визжит, натягиваясь струной. Огромная сила пригибает мачту к воде. Рулевой пытается обойти мелкое место. Поздно. Лодка зачерпнула воду. Инженер вскакивает на ноги — вода стекает ручьями с его платья. Рулевой замысловато ругается; он успел все-таки сделать поворот.

— Чортов транспорт! — кричит инженер, смеясь. — Нет, я, действительно, не поэт. Я не успокоюсь, пока мы не возьмем в шоры эти проклятые печорские реки, по которым весной можно пропускать океанские пароходы, а летом нельзя проехать в лодке!

Сено подмокло. Инженер уселся на мой чемодан. Опять кругом разлилась тишина. И вдруг в нее ворвался чужой, инородный звук. Где-то отчетливо прогремел металл. Правая бровь инженера взметнулась кверху. Он ничего не сказал. Но весь его вид говорил: вот оно, начинается самое важное.

Звуки нарастали. С каждым изгибом реки производственные шумы становились все разнообразнее. Таращели моторы, где-то тяжело шлепала машина; в несколько голосов, наперебой стучали топоры. Прозвучал гудок. Все так же нелюдимы, нетронуты были река и лес, но звуки говорили о том, что неподалеку, в самом сердце девственного леса, человек построил очаг будущей индустрии.

В темноте лодка преодолела еще одно колено реки. За

Таков печорский транспорт.

поворотом показался промышленный поселок — лагерная столица, вся в электрических огнях, производственных шумах и деловой суете.

Инженеру не сиделось на месте. Прислоняясь к мачте, он разглядывал огни, силуэты зданий, сновавших на берегу людей.

— Городок, чорт возьми! — сказал он с удовлетворением. — Все на месте: вышки, электростанция, механический завод. Скажете — миниатюрно? Так ведь это только начало! Создана опорная точка для работы в крупном районе. Как создана! Три года назад здесь стояла одна избушка. Мы встретили здесь болото, непроходимую тайгу. Мы раздвинули лес на протяжении трехсот километров, провели тракт по тайге и болотам. Наладили производство. Построили поселок. По временам обидно! Приезжают новые люди — они даже представить себе не могут, сколько здесь потрачено труда, настойчивости, энтузиазма...

Инженер пытливо посмотрел в мою сторону. Он продолжал, заметно взъерошившись:

— Я не оговорился. Да, энтузиазма! Что из того, что мы все — заключенные: и я, начальник сектора, и мои мастера, и мои рабочие. За пределами лагеря были преступники, осужденные. В лагере мы превратились опять в инженеров и рабочих. Мы свободны в проявлении своей инициативы. Почти все начальники, организаторы наступления на Печору из нашей среды. Мы видим плоды своей работы! И многие из нас работают с воодушевлением, не щадя ни своих сил, ни знаний. Поверьте моему опыту: трудом, мотивируемых только принуждением, освоить Печору нельзя. А мы, видите, что с ней сделали! И этот поселок — не одиночка! Поднимитесь на двадцать пять километров вверх по Ухте — там вы найдете второй, не меньший городок. На Ковже, на Вые, на Ижме ведутся разведки нефти, и там возникают промышленные поселки.

Стандарт, штамп и фантастика

Раннее утро. На стенке робкие солнечные лучи, как дети, играют в «кошку с мышкой». Фальцетом заливается гудок. В соседней вышке мотор стучит так же монотонно, как и вчера, когда я засыпал. Мой дом стоит, повидимому, в лесу — деревья слепо тычутся в самые окна. Соскакиваю с походной койки, наскоро умываюсь и бегу в лагерь.

Меня поселили в доме администрации. Рядов еще два-три дома. Повидимому, это еще не лагерь: не видно часовых, не видно ограждений. Лес явно доминирует над домами: он здесь хозяин и только из любезности потеснился немного, чтобы очистить площадку для строительства.

Смешной лес на Печоре! Он выглядит молодо и уютно. Строители негодуют — им приходится издалека привозить стволы-гиганты, необходимые для вышек. Но в близком соседстве лесная молодежь приятнее мрачных гигантов. Недаром в этой местности, вблизи целебного источника, строят санаторий для ревматиков.

Но где же лагерь? И может ли существовать лагерь без колючей проволоки, высоких заборов, постовых вышек и часовых? Виден ряд домов — повидимому, бараки; дальше завод, электростанция, опять жилые дома, склады. Все это вперемежку с лесом.

Второй гудок. Из бараков выходят люди. Справа в лес удаляется целая группа рабочих с плотницким инструментом за плечами. Нигде не видно охраны. Иду следом за плотниками. Дорога уперлась в поляну. Недостроенная выш-

ка стоит на сваях: кругом мокро, болото. Рабочие становятся по местам. Десятник что-то разъясняет, затем вынимает книжечку, записывает явившихся на работу. Я уже достаточно опытен, чтобы догадаться: десятник конечно тоже заключённый, как и почти все местное «начальство».

Кружным путем возвращаюсь в поселок. Повидимому, это и есть лагерь, хотя колючей проволоки и часовых нигде не видно. Впрочем, однако я разглядел: он стоит на часах возле электрической станции. Таков порядок на каждом производстве.

Миную здание клуба. Слух ловит такой знакомый, неповторяемый шум. Заглядываю в окошко. Конечно! Небольшая типография. У меня много дел в поселке. Но первым из них будет знакомство с газетой.

«Северный горняк». Четыре страницы убористого шрифта вкусно пахнут типографской краской.

О чём может писать лагерная газета?

Невероятно! «Северный горняк», как брат на брата, похож на рабочую газету любого промышленного района. Та же тематика. Знакомые, пожалуй несколько стандартные и чесчур использованные заголовки, шапки. Но как радостно встретить обычные производственные темы в лагерной газете!

«Мобилизует общественное внимание на речном судостроении». «За коллективную научно-исследовательскую мысль». «Когда же транспорт будет упорядочен?» «Каждой буро-вой — конкретный план».

С журналистской точки зрения эти заголовки не блестящи. Но как важно знать, что в лагере мобилизуют общественное мнение на борьбу с прорывами, что в лагере ведется научная работа...

Как старых бойцов, встречаю рабкоровские (лагкоровские) заметки. Их много. Они знакомы: «Головотяпы». «Вон лжеударников из наших рядов!» Почти трогательно звучит заголовок, ставший уже достоянием анекдота: «Пожарная охрана, где ты?»

С четвертой страницы настороженно глядят клише аэро-плана, трактора и черепахи. Здесь невозможна ошибка. Они — верные спутники социалистического соревнования.

Я начинаю понимать, почему колючая проволока не нужна и, пожалуй, невозможна в печорском лагере.

Жирным шрифтом выделена строка:

ВСЕМУ ТРУДОВОМУ КОЛЛЕКТИВУ ЛАГЕРЯ — САМЫЙ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ!

Так начинает свою радиограмму начальник лагеря, выехавший по делам в Москву. И дальше:

«Мы должны приложить все наши силы, чтобы превратить легендарную Печору в пролетарский промышленный центр. Так выполним же возложенные на нас задачи в короткий срок».

Телеграмма не приурочена к каким-либо юбилейным датам. В начальнике заговорила привычка к ежедневному деловому общению с лагерным коллективом. И он послал с дороги бодрый и деловой привет. Невероятная форма общения начальника с заключенными? Согласен. С такими словами обращаются только к товарищам по большой, любимой работе.

«Хроника». Это, повидимому, интереснейший отдел в газете. Он выдержан в спокойных тонах. Заметки выглядят совсем буднично, а стиль письма попрежнему далек от оригинальности. Но какими фантастическими деталями обогащаются мои представления о лагерном быте!

В лагере существует техникум. Медицинское его отделение сообщает об окончании приемных испытаний.

В лагере широко поставлена рационализаторская работа, утверждаются темы, назначаются премии.

Заключенные смотрят пьесу Островского в клубном театре. Вновь организован струнный оркестр «в составе пятнадцати артистов под управлением маэстро Йоэльсена». Оркестр обещает первый свой концерт приурочить к созыву производственно-технической конференции.

И наконец... Эта заметка должна быть приведена полностью:

«3 сентября на футбольном поле состоялась первая встреча команды механического завода с приехавшей на состязание командой второго промысла. Игру сопровождал духовой оркестр».

Заключенные, преступники — «каторжники», как зовут соответствующую категорию людей в капиталистических странах, — устраивают между собой футбольные состязания! Под аккомпанемент оркестра! И на глазах у зрителей заключенных!

Это же свой парень!

На корме буксира смех взрывался шумными петардами. Парень в военной форме, командированный из соседнего концлагеря, в охотку, из одного удовольствия, брил и стриг

И в лагере осуществляется лозунг. «Ударно работать — культурно отдыхать». На снимке: «Ревизор» на лагерной сцене.

команду. Самодельные ножницы не срезали, а выдирали волосы пучками. Матросы превращали эту добровольную муку в спектакль; визжали, гримасничали и, забавляя друг друга, весело бралились с брадобреем. Цирюльник, ладный, гладкий парень, исходил избытком жизненной энергии. Часом раньше он организовал соревнование по атлетике, превратив натянутый буксирный канат в турник. Под аккомпанемент зрителей он изобразил воздушную мельницу на импровизированном турнике. Но и эта гимнастика не дала ему необходимой зарядки; вскоре он затянул новую потеху.

Половина команды была уже пострижена. Остальные благоразумно держались поодаль. Брадобрей воинственно размахивал своими ножницами, зазывая новые жертвы. Я уклонился от этого удовольствия, поиздевавшись над сомнительным мастерством цирюльника.

Убирая свой инструмент за голенище, парень отозвался на шутку.

— Твоя правда, товарищ! Ну, какой же я парикмахер! «Я был шахтер, простой рабочий», — протянул он на мотив известной песенки, — покуда шесть лет не заработал.

— Каких таких шесть лет? — недоумевал я.

— Обыкновенных. Какие годы зарабатываются? — концлагерные.

— Когда же ты успел наказание отбыть?

— Эй, товарищок, тороплив ты больно. Еще три годика осталось, если по амнистии не скостят.

Мой растерянный взгляд метнулся в сторону винтовки, прислоненной к штабелю дров. Парень рассмеялся:

— Ты, я вижу, лагерной жизни незнакомец. Я — заключенный. В ВОХРе лагерном все такие, как я. Отделенный командир — тоже заключенный. Вот взводный — тот свое наказание давно отбыл. Он — вольнонаемный. Чудно? Все удивляются. Такое только советская власть удумать могла.

— Какое же ты преступление совершил? — спросил я, стараясь сохранить спокойствие перед этой новой чертой лагерного быта.

— Известно какое, — охотно ответил парень, — бытовое. Других в бойцы ВОХР не производят. Шпаны¹ и контры² у нас не увидишь. А что такое бытовик? Это же свой парень! Преступление, правда, сделал. Но посадить его — нельзя, а посадят — смело можно ему всякую работу доверить. К примеру, я сам. Парень рабочий, молодой. Бабы говорят — пригожий, — лицо парня расплылось в самодовольной улыбке. — И всего девятнадцать лет было жизни моей, когда попал по пьяному делу в драку. Очухался — глядь, человека убил. Ну и пришали. В лагерь отправили. Сначала на общих работах посидел, потом в ВОХР произвели. Мне доверие есть. Я работуправляю все равно как вольный. Замечаний пока не имел, грамотешибко научился. Ну, паек, одежду, как взаправдашний красноармеец получаю.

— Так оно и должно быть, — закончил парень, — не решаться же жизни мне, раз я с молоду, по случайности, человека убил.

И ВОТ ИТОГИ...

От вышки до вышки около километра. Инженер, недавний мой спутник, шагает чуть впереди меня. Нервными ударами палки он крушит кусты черники, обремененные гроздьями ягод. Инженер говорит о себе и себе подобных. Он предупредил меня, что постараётся обективизировать и обобщить свой случай. Ведь недаром же он взялся за изучение диалектики на пятидесятом году жизни!

Рассказ начался с томительной паузы. Наконец инженер начал:

¹ То есть уголовных преступников-рецидивистов.

² Контрреволюционеров.

— Вы знаете — я уже не заключенный: я — вольнонаемный. Этот этап жизни пройден. Я хочу помочь вам разобраться в самочувствии лагерного инженерства. Я вынужден поэтому коснуться тяжелых моментов, того, что многие из нас называют своей субъективной виной перед революцией.

Я пронес из эпохи в эпоху почти нетронутой психологию старого инженерства. Одна идея казалась мне всегда непреложной, как сама истина: техника беспартийна. Инженеры должны быть аполитичны. Пусть практика расходилась с этой теорией. Я на ней настаивал. Я считал свою среду прогрессивной.

Потом началась социальная гроза. Молния ударила в благополучный инженерный дом. Она послужила отличным по-водом для переоценки всех ценностей. Инженера с крупным положением больше не существовало. Я мог себе разрешить передумать все с самого начала. Мне сделались отвратительна моя среда. Я понял ее убожество в беде. Во мне продолжался процесс разрушения. Он не оставил камня на камне в той уютной идеологии, которую я считал своей. Я освободился от предрассудков, но не приобрел ничего взамен. В таком состоянии я попал в лагерь. Меня легко было озлобить, превратить в смертельного врага. В лагерь я шел, как на каторгу. И лагерь буквально перевернул все во мне. Дело вовсе не в гуманности, а в разумности, человеческой разумности такой карательной политики. Вы уже привыкли к трудовому равенству в лагере, к максимальной бытовой свободе. Я был подавлен всем этим невероятным для лагеря режимом. Передо мной раскрыли широчайшие перспективы работы. Мне поручили ответственное дело. Я работал с человеком, чьим руководством я гордился бы в любых условиях. Как бы много, горячо, самоотверженно я ни работал, я знал: начальник работает еще больше, еще горячее. Я знал, что он живет только одной мыслью — оживить этот участок севера, ускорить, обезболить процесс социального оздоровления в лагере. Я не чувствовал себя преступником в лагере для преступников. Никто не напоминал мне о моем прошлом, надо мной не стоял солдат с ружьем. Да что говорить...

А потом — север! Он захватывает, порабощает. Инженер, если он не ремесленник, не может сохранить равнодушие перед лицом бесконечного, не тронутого человеком изобилия.

И вот итоги: в пятьдесят лет я штудирую диалектику, заново изучаю советские методы организации труда. Жадно учусь большевистскому искусству перелагать на язык по-

литических лозунгов проблемы техники и производства. «Куцая идеяка» о беспартийной технике сдана бесповоротно в архив.

Схема рождения гражданина

Бурмистера Палочкина провожали с подъемом. На берегу собрались друзья-приятели. Его бригада вышла в полном составе. Палочкин копошился в лодке, раскладывая вещи. Их набралось порядочно за три года жизни в лагере. К тому же не поскупился начальник снабжения: выдал мешок продовольствия на дорогу. Прищурился да и сострил на прощанье:

— Как бы ты, Палочкин, после наших харчей на воле не проголодался!

Кополку с подарками жене и родным Палочкин заботливо прикрыл плащом. Говорят, в городе им цены нет! С лодкой тоже повезло! Начальник пункта позволил ему спуститься в лагерной лодке по обмелевшей реке навстречу пароходу.

Вещи уложены. Палочкин вышел на берег, пожал руки товарищам, обнял и расцеловался со своим закадычным приятелем Васькой.

Один из провожающих дружественно пырнул Палочкина кулаком в бок:

— Не подкачай, Иван Иванович! Смотри, не опозорь бригаду.

Палочкин прищурился:

— Кто знает, может опять на старую дорожку потянет?

Моторист Николай протестующе и весело заржал:

— Ребята, ставлю в заклад премиальное блюдо ударника на целый год вперед. Через три месяца Ивана Ивановича благоверная будет нас наливкой потчевать.

Бьющихся об заклад не нашлось. Палочкин уселся в лодку и при всеобщих приветственных криках взялся за весло.

— Прощайте, товарищи! За буровой хорошенъко глядите. Чтоб к приезду до нефти добурились! — донеслось уже издали.

Провожавшие разошлись. Двое остановились у входа в барак.

— Неужто не вернется? — спросил первый. — Неужто стрекача даст — за прежнее примется?

— Об этом брось думать, — уверенно ответил второй. — Себе он не враг. Парень башковитый. В лагере из него человека сделали. Был спец по мокрым делам, а теперь бурма-

стер, уважаемый ударник. Семью привезет, заживет мирной жизнью. А на прежнем пути ему головы не снести.

Помолчали.

— Да,— протянул опять первый,— великое доверие оказали бандиту Палочкину. Конечно начальник не всплеспую ему доверился. Изменился Палочкин. Но соблазны-то на воле какие!

●

Инспектор культурно-воспитательной части — заключенный. Я не знаю характера совершенного преступления, которое держит его уже шесть лет в лагерях, но я уверен, что это преступление было случайным отклонением от пути революционера. Он искренен в своем интересе к освоению севера, он искренен в своей политической, агитационной работе. И он мужественно борется с припадками тоски, которым поддается иногда его экспансивная, одаренная натура. Он не только инспектор КВЧ — он активнейший культурник: лектор, поэт, цвец, актер.

— Вернется ли Палочкин? — с этим вопросом я обратился к инспектору.

Ответ был категоричен. Палочкина задолго до истечения срока перевели на колонизацию. Палочкину доверились: разрешили самому поехать за семьей. Бывший бандит Палочкин так крепко переработан в лагере, что только необыкновенный случай может привести его обратно в уголовную среду. На Палочкина можно положиться — он вернется с семьей.

Я прошу инспектора рассказать мне подробно о всех стадиях превращения профессионала-уголовного в ударника советской стройки. Мне приходилось встречать законченные продукты этого величественного процесса реконструкции человеческой личности. Таковы завзятые механического завода, отдельные бурмистера, транспортные агенты, рабочие-ударники из бывших бандитов, воров и прочей «шпаны». Но как протекал этот процесс радикального социального перерождения? Ведь не голая же агитация, не одна работа КВЧ обусловила эту неслыханную ломку психики закоренелого преступника?

— Конечно нет, — спешит с ответом инспектор. — Пропаганда, агитация, культурная работа в собственном смысле — это тонкое орудие. Оно по-настоящему действенно только на последующих этапах перерождения человека. Вначале главный агитатор — лагерный режим. Бывший уголовный не

находит в лагере колючей проволоки, охраны. С ним обращаются как с рабочим. В числе ударников лагеря он узнает старых знакомцев по блатному миру. Он поражен и насторожен — это формула первого этапа его перерождения.

Инспектор резкими мазками рисует схему перерождения уголовных в лагерной обстановке.

Сначала на сцену выступают стимулы материального порядка. Лодырь, отказывающийся без уважительной причины от работы, получает вдвое меньший паек. Ударнику выдается добавочное премиальное блюдо к обеду и хлеб сверх пайка. В лагере нет обезлички. Почти все работы переведены на сдельщину. От работы зависит заработка. От заработка — право покупки в «ларьке», где всегда имеется широкий выбор товаров. Ударники поставлены в лучшие бытовые и жилищные условия. Каждые десять проработанных дней зачитываются в тринадцать-двацать дней срока заключения. Итак, труд — единственное средство к улучшению условий жизни, путь на волю. «Ловко придумано! Придется поработать!», заключает уголовный и втягивается в общую трудовую жизнь лагеря. Это — формула второго этапа его перерождения.

Процесс осмысленного труда превращается в главный фактор оздоровления психики бывшего уголовного. Он осознает результаты работы — на его глазах оживает север. Он невольно втягивается в интересы производства, участвует в производственных совещаниях, добивается квалификации.

На этом этапе роль культурно-воспитательной работы необыкновенно велика. Клуб дает отдых и развлечение после целого дня напряженного и еще не вполне привычного труда. Техникумы, рассеянные по всем лагерным поселкам, создают квалификацию. Бывший уголовник как бы сменил верхние кожные покровы — он занят производительным трудом, он учится. Процессы перерождения забираются вглубь, — и тогда пропагандистская работа КВЧ помогает ему осмыслить свое прошлое, настоящее и будущее. Так выковывается новый человек. Третий этап — решающий, самый длительный и самый трудный. Как и процесс рождения человека, процесс его перерождения болезнен и подчинен индивидуальным особенностям бывшего преступника. Одни идут к перерождению прямыми дорогами, другие — извилистыми тропами. Уголовные — продукт социального распада, доставшийся нам в наследство от капитализма. Некоторые из них настолько отравлены социальными ядами, что, может быть не дойдут до самой цели. Но каждый, даже незначитель-

ный успех на этом пути фиксируется администрацией, закрепляется. Бывшие уголовные отмечаются благодарностью в приказе, смело выдвигаются на административные должности, премируются. Для ударника не существует позорного прошлого. Он легко может превратиться во всеми чтимого героя печорской стройки.

Инспектор заканчивает свой рассказ знакомой нотой:

— В лагере каждому дан «шанс в жизнь». Перед каждым открыта дорога в трудовой коллектив. Каждому обеспечена помощь со стороны лагеря. И многие уже проделали этот невероятный путь: из блатной среды в ударные коллективы социалистических строек.

Я слушаю с напряженным вниманием все, что вдохновленно и трезво говорит инспектор. И я не знаю, чему больше удивляться: тому ли, что в лагере применяются такие небывалые методы борьбы за социальное оздоровление уголовных, тому ли, что ответственный ее участок возглавляет бывший преступник, заключенный.

Нет, действительно, прав жизнерадостный вохровец-заключенный, которому доверена охрана лагеря:

«Удумать (и осуществить) такое могла только советская власть».

Бурмистер, «бывший Ванька Кных»

Южная буровая расположена в леске на правом предгорном берегу Ухты. Лес здесь менее темен, почти радостен.

Кряжистая осина росла в обнимку с молодой елью. Из всех пор земли топорщились корни, ветки кустарника. Бурелом, разбросанный по лесу, врос в землю, оброс мхом и грибами-паразитами. Лучи солнца, проникавшие сквозь листву то справа, то слева от нашей тропинки, играли с пожелтевшими листьями, серым мхом и нахальным кустарником. Лесок полз в гору, заметно мельчая. И когда наконец на утрамбованной площадке, очищенной от леса, появилась буровая, деревья в лесу казались уже карликовыми.

Буровые тяжелого бурения походят одна на другую, как ветряные мельницы в деревне. Огромный усеченный деревянный конус посажен в угол крыши многооконного сарая, рядом другое здание, поменьше и пониже — котельная. Все это непрерывно шипит, сопит, ухает, бренчит металлическими частями: буровые работают в три смены круглые сутки.

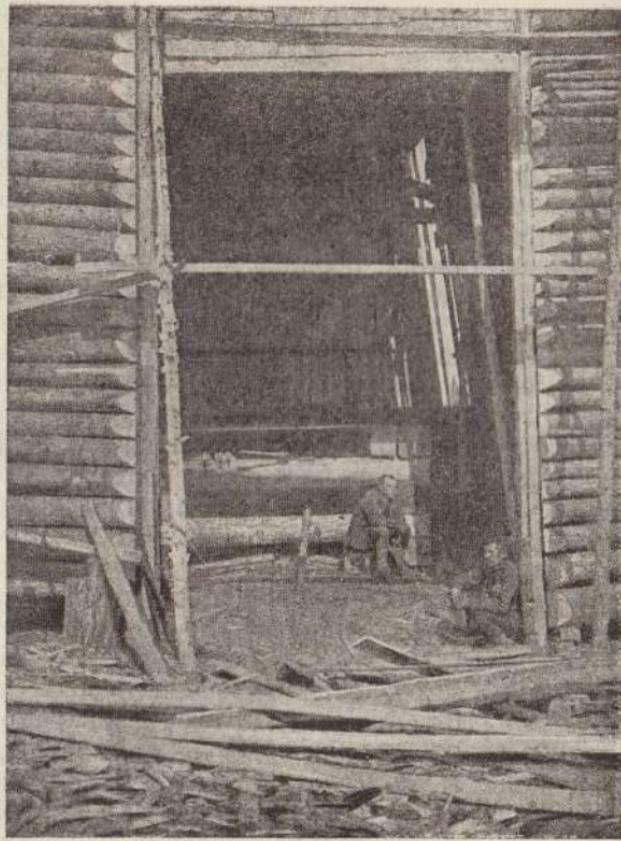
Бурмистер Кнохин встречает меня дружелюбно, как старого приятеля. Он немного польщен моими частыми визи-

тами на буровую — он догадывается, что они вызваны интересом к нему самому. Но больше всего он рад внимательному слушателю, которому можно рассказать всякую всячину: и о прошлом, и о настоящем, и главное — о технике и производстве. Бурмастер Кнохин недавно кончил печорский техникум. Он весь насыщен вновь приобретенными техническими познаниями, которые еще не улеглись в памяти и занимают пока непомерно большое место среди других его помыслов. Его широкое, ладно скроенное тело, большая, круглая голова со скудым лицом еще не переварили всех этих технических знаний. Внутренне он не перестает удивляться и открывшимся для него техническим законам и тому, что он в короткое время овладел сложным ремеслом бурмистера. Учеба, технические познания занимают еще такое крупное место в его быту, что я представляю себе, как утром, умываясь где-нибудь над речкой, Кнохин вдруг застывает в напряженной, неудобной позе и произносит вслух какую-нибудь мудреную фразу из учебника. А потом причмокивает языком и, мысленно потрепав себя по плечу, хвалится вслух: «Ай да Кнохин!»

В первое наше знакомство я почувствовал зуд вновь обраценнего, испытывающего потребность поделиться той благодатью, к которой он сам недавно приобщился. Я купил это доброжелательство вниманием к его поучениям. Мне было это тем легче, что я действительно с пользой и удовольствием слушал его объяснение принципа работы мотора.

И сейчас, встретив меня довольной улыбкой, Кнохин придрался к первому слушаю, чтобы начать лекцию о типах оборудования, применяемых в горной разведке. Процесс объяснения доставлял ему непосредственное удовольствие. Оно отражалось и в тембре голоса и в способе выражения. Право, в такие моменты бурмастер, «бывший Ванька Кных», как любил он сам про себя говорить, чем-то напоминал профессионального работника «на ниве просвещения».

— Перед своим взором видите вы, — витиевато начал Кнохин, перейдя даже для этого случая на «вы», — ветерана индустрии, прозвываемого станок ударного бурения. На эту вот длинную штуковину, которая есть штанга, одевается буфер, что силу удара необыкновенномягчит. Тому буферу прозвание — ножницы, а по-нашему, по-научно-техническому — ясс. Под низом буфера подцеплено долото, то самое, что породу крушит. Механизм подается вниз, долото в'едается в грунт. Потом поднимут его сызнова вверх и — хряпом — вниз. Натолчет там порядочно породы, тогда мы цепляем на

Строят вышку для тяжелой буровой

место долота желонку — это вроде ведра — и всю эту мелочь с грязью льем внаружу. Глянь-ка, как раз желонка прет снизу.

Из зева скважины действительно поднялась труба, истекавшая густой разноцветной жидкостью. Буровая проходила прослойку цветных глин. Рабочий отвел трубу к деревянному корыту, желобом выходившему внаружу буровой. В середине корыта был вбит шпенек. С силой бросив на него желонку, рабочий открыл им клапан; с грохотом и брызгами из желонки вылился разноцветный кисель, образовавшийся в самом чреве земли.

— А бывает, что и без желонки обходимся,— важно продолжал свою лекцию Кнохин.— Станок работает промывкой.

Совсем просто: сверху нагнетают в скважину воду, она грунт размывает и на поверхность выносит. А про ударные станки, что говорить: ветераны. Теперь в моду взошло вращательное бурение.

А еще Вирта станки есть,— в упоении продолжал Кнохин.— Это, брат, хитрая штука, она тебе и крушит и вращает. Только крутит-то, пожалуй, не машина, а человек. Станок крякнет, а рабочий его цепью, вокруг оси повернет и сам кругом станка обойдет, еще стукнет— еще повернет. Так мы тую рабочую должность и прозвали цыганом, будто он медведя на цепи водит.

Кнохин прыснул со смеху.

— А медведем-то кто оказывается? Вирт — хитрый немец, про которого нам в техникуме толковали. Вирт-то спит спокойно, не знает, как с него блатной народ на Печоре смеется.

Пришла смена. Кнохин сдал буровую под расписку. Предупредил, чтобы следили за сцеплениями — разбалтываются часто! — и приказал тотчас вызвать его, если добурятся до твердого грунта. Повозившись еще несколько времени над журналом, Кнохин вышел ко мне на площадку. Умываясь над бочкой с водой, он продолжал прежний разговор.

— Вот, брат, люди сколько превзошли, какую выдумали технику, чтобы расковырять земле пузо,— закончил он все так же торжественно.— Я, брат, теперь заправский мастер. У меня рука легкая на ловитву. Это, знаешь, самое горькое дело в нашем рукомесле, ловитва-то. Потеряешь инструмент в скважине, потом бедствуй, лови его. Я, брат, на ловитву фарто-овый. Откуда только сноровку взял! Не хвалясь, скажу,— Иван Васильевич Кнохин — бурмастер на большой палец, с присыпкой и перчиком.

Кнохин повернулся ко мне лицом, окончательно упоенный собственными словами и сознанием необычайных своих достижений. Его щеки лоснились от важности. И без того широкая грудь выглядела богатырски. Он стоял там, над кадкой, без рубашки и с наслаждением обдавал свой торс холодной водой. И тогда я увидел, что все его тело — и руки, и грудь, и живот — было разукрашено татуировкой. Заинтересованный, я подошел ближе и обнаружил изобилующую карикатурными деталями любовную сцену, разрисованную на всю грудную клетку.

Мастер перестал обливать себя водой и со снисходительной улыбкой, косясь на грудь, разглядывал рисунок.

— Тут, брат, не бурмастер Кнохин нарисован, а совсем других дел мастер — Ванька Кных.

— Памучился, наверно, пока тебе все это художество накололи? — спросил я, чтобы как-нибудь откликнуться на его слова.

— Эта мука в нашем деле за ничто сходила, — охотно ответил мастер. — Главное — чтобы с форцем, да поозорней. А потом рисунок, брат, по чину. Ванька Кных тоже в мастерах ходил. Меня на гастроли приглашали. Все обделают, сторожей заметут, тогда мне знак дают. И на готовенькое, как спец высокой марки, шагает Ванька Кных. Раз-два — замков нет, хоть бы то железный шкаф был. И сейчас же заметаюсь из города. Вот как дела делались! — совсем хвастливо закончил мой мастер. Помолчал с минуту и, не теряя своего самодовольного тона, добавил, на этот раз презрительно разглядывая татуировку: — А теперь рисунок этот ни к чему. Ванька Кных свою линию гнул. Ему, брат, без похабства и озорства шагу нельзя было ступить. А Кнохин Иван Васильев, уважаемый ударник, спец по ловитве, семейный человек, совсем другую дорожку жизни выбрал. Я, брат, дома технику подчитываю. Думаю, мой век не кончен — дальше пойду в науке. Когда блатной за голову возьмется и шлендрать кончит, он тебе класс покажет: другого трудащего в работе обставит! Думашь, нет?

Я знал о повышенном самолюбии бывших уголовных. Они хвалятся упорством и решимостью, воспитанными якобы их прежней профессией и переключенными на новые цели. Своеобразная, искусственно поддерживаемая, гордость помогает им держаться нового, сначала трудного, непривычного пути. К тому же среди бывших уголовных много выходцев из трудового крестьянства и много социально близких пролетариату элементов. Уголовные, решившие покончить со своим прошлым, всячески отграживают себя от преступников, осужденных за контрреволюционную деятельность.

И, чтобы порадовать Кнохина, я прочел ему стихи местного поэта, бывшего уголовного, а в то время уже ударника и героя печорской стройки. Автор в начале стихотворения рисует мрачными красками житье «шпаны»:

Нужда и голод каждый день,
Житье озлобленной собаки,
А все ж работать было лень.

Потом уже, в лагере, наступил перелом, и группа «соцвредников» решила превратиться в честных работников.

Слова соцвредника — закон!
Что порошил, то сделал он.

Забросив карты, женщин, водку,
Не стал напрасно драть он глотку,
А, дав решительный зарок, —
Стал вырабатывать урок.
А там, глядишь, прошел в актив
И, записавшись в коллектив,
Бойцом стал прямо хоть куда
В великой армии труда!

Затем поэт отмежевывается от контрреволюционеров и приписывает бывшим уголовным роль передового авангарда в лагерях.

И пусть ворчат каэры злобно:
«Соцвред — продукт, мол, неудобный».
Соцвредник в наших лагерях
Идет вперед на всех парах.
Клеимо от прежнего позора,
Печать преступника и вора
В потоке общего труда
В лесах, на трактах близ Печоры
С себя смывает навсегда.

— Вот видишь! — довольно сказал Кнохин. — Нет, брат, люди урчить¹ от общего неустройства жизни шли. Так сам Ленин сказал. И кто шел? Кто посмелей, пофартистей был, хоть мозга ему была боком вкручена и ни черта он в политике не понимал. А теперь советская власть мозги на место вправила, дала профессию, специальность. Мы еще покажем, что не лыком шиты! Слыхал, брат, как наш тридцатипятиник на вышке героем сделался? Жизнью рискинул, чтоб производство спасти.

И Кнохин, торжествуя за бывших уголовных преступников и явно завидуя герою эпизода, рассказал случай подлинного героизма со стороны рабочего буровой, бывшего уголовного, широко известный всему лагерю.

При перезарядке оборудования снизу, из скважины, пробуренной «крелиусом», начался внезапный напор газов. Оборудование и вышка должны были неминуемо взлететь вверху, угрожая жизни людей. Рабочий не мог отойти от зияющего пространства даже на секунду. Под рукой не было никаких предметов, ни куска железа. Рабочий не растерялся и прикрыл дыру своей ногой. Человеческие жизни и вышка были спасены. Рабочий едва не потерял ноги.

¹ Ворователь.

Вот это факт! — закончил свой рассказ Кнохин и сердито передразнил: — А нам говорят: «шпаны», «блатные», «трепло», «ни на что не способные»!

Кнохин остановился, подумал несколько секунд и расхохотался:

— Конечно шпана на шпана не приходится. Часто в лагерь такую труху шлют! Ткни пальцем, ну прямо как будто ничего нет — воздух. Мы, лагерные ударники из бывшего преступного мира, ходим к новичкам. Уговариваем, когда начальства вблизи нет, с-глазу-на-глаз.. Объясняем, что нет теперь уголовщику другого пути, нечего трепаться, каждый может в люди выйти, нужно только себя переломить. И паткнешься иной раз на такое дермо, что плюнешь: чего об нем пекстись? Характера своего на два дня — и то собрать не могут. А без ломки на трудовую дорогу не станешь. Мне, брат, это тоже не легко далось. Умом понимал, что дают мне крупный шанс в жизни, что могу прежнее загладить, а на деле — нет-нет и свихнешься. Прежнее то рукомесло сказывается: на момент воля — кремень, а надолго — нехватает: тряпка. Но теперь, брат, я крепко на ногах стою. Не столкнешь ни в какую. Добился я многого, про это не забываю. А пока добивался — зигзагом шел. Пожалуй, не присматривай за мной начальник — сдал бы я. А он когда подстегнет, когда приласкает. Главное — берут нас в лагере почетом. Наш брат урка очень до славы падок. Последними в строю стоять не любим. Нет, я, брат, теперь на обеих ногах стою, — повторил он самодовольно. — Женатый человек — что хочешь? Жена моя, Варья, конечно в марухах ходила, а только такая же, как я. Мы теперь семейные. Это, брат, — он потрогал татуировку, — от старого метка. Теперь она ни к чему. Дите будет, так, пожалуй, еще застесняюсь.

Мы подошли к переправе. Кнохин жил на правом берегу. Наши пути расходились. Ему было жалко расстаться с таким внимательным и дружелюбно настроенным слушателем. Он ощущал непрерывные симпатические токи с моей стороны, тогда как процесс критического разбора услышанного, происходивший одновременно в глубине сознания, оставался ему неведом. Я фиксировал для себя забавные противоречия кнохинских рассказов, их гипертрофический, мюнгаузеновский тон во всем, что касалось прошлого. Но все это не мешало мне испытывать к Кнохину непосредственную благодарность: его разговорчивость позволила мне разглядеть за схемой («перерождение уголовного») реального че-

ловека со свойственными ему противоречиями, усиленными необычайностью его биографии.

Я был находкой для Кнохина, и он расстался со мною не раньше, чем взял с меня обещание посетить его семейный дом.

«Поставлена точка...»

Однажды перед вечером я навестил Кнохина. Меня встретила привлекательная, почти красивая женщина лет тридцати — тридцати пяти. У нее было умное лицо и спокойные несуэтивые манеры уверенной в себе женщины. Тотчас же появился сияющий Кнохин. Он равногордился и своей маленькой комнатой, отгороженной досками от остального барака, и женой, и прибитой к стене полкой, где рядом с посудой поместились несколько книг. Все это было доказательством его успехов на выбранном им новом жизненном пути. Весь вид Кнохина говорил: «каково?!» И в подтверждение моей догадки он произнес, как бы отвечая своим собственным мыслям:

— Не забудь, брат, все это в лагере, где свой угол построить не так легко. Значит, на воле заживем на-ять!

И действительно, в комнате было чисто и применительно к обстановке общей лагерной походности — уютно. Женщина аккуратно перетерла чашки полотенцем, поставила на стол чайник, закуску и с торжеством извлекла из укромного уголка крохотную бутылочку брусничной настойки.

— Кушайте, пожалуйста, — ухаживала за гостем Варвара. — Наливки отведайте. Для московского работничка конечно привычный напиток, а здесь — лакомство. И как же там в Москве теперь без нас живут? — улыбаясь, спрашивала Варвара. — Погранила и я плиточки в Москве — ведь это почти родина.

Выслушав бесцветный ответ (как можно в нескольких словах рассказать заключенному, уже несколько лет живущему в лагере, о новой Москве), Варвара извинилась: ей надо до клубу сбегать, комиссия заседает.

Варвара вышла, и Кнохин, провожая ее все той же довольной улыбкой, тотчас же спросил меня:

— Ну как? Ничего бабец? Из марух она, а между прочим, у нас с ней, прямо сказать, происходит семейное растворение воздухов. Я как-то ее допытывал, всерьез ли она на семейный лад настроилась. И не ночью под одеялом, — тогда все сладко да крепко выходит, — а так, днем. В общем по-

решили оба вместе, что точку поставили. Поблудовали на своем веку и хватит. Зарекаться конечно смешно, а в общем и целом, как говорится, у нас пожелание: узел на-совсем завязать. Что ж, пожалуй, и старость вместе коротать будем. Как думаешь, можно в тридцать шесть лет точку поставить, а?

И, не дожидалась ответа, Кнохин продолжал развивать философию семейной жизни.

— По мне что ж? От вора к бурмистеру расстояньице побольше, чем от марухи к бурмистеровой супруге. Все-таки бабой была, бабой и осталась. Не стыжусь я этого. А с Варькой-то у нас в лагерях поначалу не просто было: поцапались для знакомства. Рассказать разве?

Скосив на меня глаза, он с удовлетворением убедился в том, что не исчерпал интереса к своим рассказам. Повествование о романе с женой было выдержано все в том же торжественном и — не утаишь — несколько самодовольном и хвастливом тоне.

— Я, брат, попал в лагерь пораньше Варьки. По заслугам и честь: восемь лет заработал. Сначала конечно побузил несколько. Но сам — малый не промах — взялся за ум. Понял, какая дорожка жизни правильная. Когда Варька в лагерь пришла, я уже в ударниках ходил. Техникум кончал — одним словом, стал другим человеком. Над прежней жизнью я точку поставил; вот она, полюбуйся!

Кнохин достал из папки аккуратно наклеенную на паспортную печатную вырезку. Это было письмо в газету.

«Я — бывший вор-громила. Наверное, некоторые слышали про Ваньку Кныха. Я имел двадцать приводов, пять судимостей, три высылки, семь фамилий.

В лагере я жил сначала по-старинке — хулиганил, картежничал. Я думал, того требовала моя воровская правда.

Потом на меня обратили внимание. Протянули руку помощи. Помогли обдумать все прошлое и показали, что нет у меня будущего на прежнем пути. Я стал работать, учиться, сделался квалифицированным человеком и почувствовал себя по-новому. Противно стало думать про вред, который я раньше приносил. Теперь, научившись мастерству, я солюсь с рабочим классом, буду жить его жизнью, над прежней жизнью ставлю точку.

За меня моя судьба поручилася,
И работать в лагерях научился,
Жить смогу я без сверла,
Без отмычки.

Пусть смеются надо мной
Все блатные.
У меня теперь друзья
Есть иные.

И говорю всем, кто живет по-старинке, по выдуманной воровской правде: опомнитесь, так дальше жить нельзя! Вам не будет места в советском государстве. Лагерь поможет перейти на трудовую дорогу. Кончайте с вашим прошлым!

К этому зовет вас заключенный Кнохин Иван Васильевич, а в прошлом Ванька Кных».

И Кнохин продолжал свой рассказ:

— Здесь, на Печоре, сначала одни мужчины были. Потом, когда пообстроились, стали женщины прибывать. Они больше в швейных мастерских, в прачечных, на обслуге работали. Те женщины, что в первых партиях приехали, в диковинку были. Прислали раз десять женщин и среди них Варьку. Тут все кобели переполошились. Шутка ли — десять женщин на тысячу мужчин. Понимаешь, брат, что за хоровод начался, хоть и строго у нас на этот счет.

Из женщин были марухи, среди них Варька — самая задаваха. Только с лодки спрыгнула и — чесать, и — сыпать. На это она и теперь мастер. Идет, задом вихляет и парней старается разжечь. Из себя проститутку представляет. Начальство на нее цокает, насчет проституции у нас очень строго, а она и ухом не ведет. И все из озорства. Я ведь ее сразу признал. Она у Кольки Бредня в марухах ходила. Шикарная бабенка — ее еще Жар-птицей звали. Одно время компания у нас общая была. Раз как-то в пьянке поспали с ней. После этого с Колькой драка была знатная: насилиу нас разняли, боялись, дело провалим. Но в общем — ничего была девка по нашему блатному пониманию. И конечно в проститутках никогда не ходила.

Уловил я подходящую минуточку, да и взял Варьку в оборот. «Брось, — говорю, — Жар-птица, трепаться. Перышки у тебя все одно общипанные все. Ты б... не была, а здесь подавно не будешь. Работать придется, и чем скорей за ум возьмешься, тем лучше будет. Кругом тебя ударники, блатную шкуру свою мы посыдали». Ну, словом, обсказал я ей все про новый порядок жизни.

Варька слушает, сначала было на знакомого обрадовалась. А потом вижу: не по нутру ей эти речи. Горячим словцом словно плонула «Ты, — говорит, — здесь в попы заделался или в лягавых ходишь? Был Сокол (кликали так меня), а здесь из тебя стыдную вшу сделали». Плонула, да и была такова.

Для начала попробовала Варька по старой дорожке итти и сразу с двумя мужиками изолятор заработала. Ну а тут прислали еще женщин. Устроили мастерскую. Она — боевая баба, с характером, на авторитет падкая. Потому и скандала — думала так авторитет заполучить, а в лагере другие песни поются. В общем стала и она работницей. На производственной конференции она — от мастерской, я — от буровой. Тут стала промеж нас дружба. Как про колонизацию об'явили, мы сразу — регистрироваться. Комендант прищурился, говорит смеясь: «Ребята вы не малые, раньше чем записаться, вы бы попробовали — может, невкусно?» Смеемся мы с Варькой — мы к тому времени уж с полгода любовничали.

Кнохин хитро подмигнул, не выдержал тона и расхохотался. Удачное словцо в действительности или даже в вымышленной реплике неизменно приводило его в радужное настроение. От богатырского смеха Кнохина затряслась вся комната. На полке задребезжали чашки.

— Ну, смеухун, ты мне всю посуду перебьешь, — почти любовно промолвила Варвара, только что показавшаяся в дверях, — Ну, чего ржешь?

— Ага, легка на помине. Я, брат, на тебя насплетничал, про Жар-птицу с Соколом товарищу рассказал.

— Наплел тут, верно, с три короба, — шутливо сказала Варвара. Повидимому, и она не чуждалась этой темы. — Любит он рассказывать, особенно про блатное свое житье.

Но Кнохин не ответил ей. Он склонен был в заключение беседы пофилософствовать.

— Вот, брат, — сказал он, обращаясь ко мне, — каково ремесло, такова и споровка. Раз вор, должен по штату иметь свою маруху. Ну, правда, ругаем их в песнях. Но ничего не поделаешь: без марухи и настоящего вора нет. Ты песни блатные знаешь? Ничего себе песенки есть, со слезой. Блат слезу любит. Эх брат, был тут взводный! Все отдаст — только б ему «Катеньку» спели. Пою, а он сидит пригорюнившись, переживает, одним словом. Видать, поддела его какая ни на есть Катенька. — Кнохин делает широкий жест, как бы проводя черту, отделяющую нынешнюю жизнь от всего прошлого. — Бурмастеру, брат, с марухой не только что скучно, а просто не к чему жить. Уж если к середине жизни человек выправился на прямой путь, нашел себе рукоесло, авторитет заработал — жениться ему надо. Бурмастер не иначе — семейный человек. И с женой все у него по-настоящему, по-серьезному должно итти... Ну как, — до-

бавил он, улыбаясь и растягивая рот чуть не до ушей,— мы с тобой не чересчур ли серьезно начали, а? — Кнохин ласково погладил жену и тут только я заметил, что Варвара беременна.

Женщина согнулась под лаской мужа. Лицо ее слегка окрасилось, и все же она, не смущаясь радостно ответила, не теряя усвоенного ею с Кнохиным насмешливого тона:

— Чересчур здесь нет. С чего бурмстеровой жене начинать, как не с родов? Самое бабье дело. А ну, бурмстер, скажи: дите у тебя тоже к рукомеслу в приклад пойдет?

Кнохин засмеялся. Ему нравилось и даже льстило, что Варька удачно с'язвила на его счет. «Ай баба! Ей пальца в рот не клади!»

— И ничего в том нет особенного. Зажила трудовой жизнью и зачала. А по прежней повадке этого со мной с двадцати лет не бывало. Свое счастье чуть совсем не проморгала.

Биографическая тема была исчерпана. Часитие продолжалось, но говорили уже о другом — о Печорском kraе.

И много позже, найдя в комплекте лагерной газеты письмо за подписью Варвары Семушкиной, я вспомнил эту фразу о счастьи, мимо которого чуть было не прошла она в жизни, фразу, звучавшую проклятьем прошлому, тесно связанному с уголовным миром. Вот это письмо:

«Я с детства росла по притонам. Отец имел отношение к блатному миру. И часто утром я бегала в школу, а вечером выспрашивали меня агенты угрозыска. Повзрослев, по этой дорожке и пошла. Имела судимостей несколько, высылки, потом заработала лагерь.

Сначала мне здесь не понравилось. Жила я скандално. А потом попала на работу, получила специальность, взошла в красный список ударников. Трудом своим заработала авторитет и поняла, что все мое прошлое надо навсегда забросить. Теперь я совсем перековалась и дала слово перед всеми друзьями новыми, что с преступным миром совсем порываю. Трудом своим всегда теперь смогу себя прокормить, а если добьюсь своего счастья, пойдут дети, то и их голодными не оставлю».

«Простая» разгадка

— Мы застали на Чибью одну избушку и остатки недобро-совестно закупоренных скважин, из которых сочилась нефть. Вот и все, что, кроме дурной славы, создали «поиски» ухтинской нефти при царском режиме. А теперь глядите: промысел готов к эксплоатации!

Я слышал эти слова в различных вариантах от многих пионеров ухтинского строительства. И в каждом из строителей — независимо от того, пришел ли он на Ухту по собственной воле, по приказу партии или по решению суда,— загоралось гордое чувство. Освоенное, в значительной части разведанное Ухтинское местонахождение нефти в его современном виде не напоминает даже отдаленно прежнюю безлюдную и малодоступную таежную глушь.

На этот раз знакомые слова произнес старший инженер промыслов. Я просил его прочесть лекцию о современной Ухте, о методах, которыми была разгадана вековая загадка нефти на Печоре — такой обильной, что она выступает из пор земли, такой обманчивой, что целые десятилетия не удавалось нашупать источник промышленного значения.

— Результаты нашей работы значительны, — сдержанно продолжал инженер. — Три года — недолгий срок для освоения и разведки нефти на большой площади в условиях севера. За этот срок мы успели многое. Мы разгадали причины поражений частных промышленников, обнаружили нефть, оконтурили нефтеносную площадь, освоили и подготовили район к эксплоатации. Наш успех так же закономерен, как и провалы частных промышленников. У них Ухта была поделена на участки. Лучшие участки принадлежали спекулянтам, которые не собирались приступить к работе. У нас весь массив принадлежит государству и является потенциальным об'ектом разведки. Маломощные частники, приглашая второсортных техников, не могли осуществить широкой геологической разведки. Истратив весь капитал на одну скважину, частники, в случае неудачи, прекращали разведку. Советское государство действует в этом случае планомерно; геологическая разведка, а затем и бурение ставятся на научных основах. Если нужно с разведывательными целями наложить скважину в районе, где не ожидают дебета нефти, скважину закладывают, не считаясь с издержками, которые частник расценивал бы как убыток. Словом, в нефтяном деле, больше чем в каком-либо другом, сказываются преимущества общественного хозяйства. Это особенно относится к условиям севера, к условиям средних по мощности нефтяных месторождений. Конечно, если бы на Ухте в 1912 году забил мощный фонтан, нашлись бы капиталы для эксплоатации района. Богатства, которые лежат на поверхности, капиталисты быстро прибирают к рукам. Но планомерная разведка скрытых богатств оказывалась им не под силу. Вот и все...

Инженер с облегчением закончил свой краткий экскурс в социологию и занялся более близкими ему предметами.

— Вот и все,— повторил он.— «Загадка веков» оказалась, как и следовало ожидать, весьма элементарной. Присмотритесь к геологической карте района. Ухтинская складка представляет собой антиклиналь¹ в сорок километров по падению и семьдесят километров по простираннию с пологопадающими крыльями. Ухтинское месторождение подчинено отложению верхнего девона². В этих местах в древние времена сместились пласты земной коры и в итоге образовалось Тиманское поднятие. Ухтинская складка представляет обширный и пологий свод на восточном крыле древнего Тиманского хребта. Ошибка прежней разведки состояла в том, что нефть искали почти исключительно на оси антиклинали, тогда как правильная разведка должна была показать, что нефтяные доманники смыты и нефть оттуда эмигрировала. Геологи, приехавшие на Ухту в 1929 году, быстро ориентировались в обстановке и обнаружили замкнутую геологическую структуру восточного крыла антиклинали, которая не допускала эмиграции нефти, выветривания нефтепасынченных песков. На восточном крыле заложили буровые — они обнаружили нефть. Вот и все,— еще раз повторил инженер.— Как видите, загадка была проста и разрешение задачи досталось в сущности легко.

Я знал, что эта «легкая» разгадка требовала много опыта, настойчивости, смелости. Лагерь хранит память о лихорадочных днях, предшествовавших приступу к тяжелой разведке. Старший геолог лагеря, заключенный, медлил с закладкой буровой. Его можно было, по человечеству, понять. Ухта сохранила славу сознательно «запечатанного» капиталистами района. Весьма возможно, что довоенный пессимизм ученых и журналистов оплачивался Нобелем. Геолог-заключенный опасался, что его ошибка и последующая неудача могли быть истолкованы как продолжение прежней политики. Он стремился застраховать себя на все сто процентов, отложив на год закладку буровой и продолжая геологическую разведку.

Такая отсрочка не могла удовлетворить начальника лагеря. По самой своей натуре, по большевистскому воспитанию он всегда рвется в бой, медлительность ему не по душе.

Ночью он пришел в палатку геолога, долго советовался с

¹ Антиклиналь — изгиб земной коры особой формы.

² Девон — третья система палеозойской эры земного шара,

ним и, поняв причину колебаний, сказал ему просто и тепло, как он умеет:

— Вот моя рука, Николай Николаевич. Я делаю с вами пополам ответственность за выбор точки бурения. Я буду везде защищать наше право на производственный риск. Давайте же немедля приступим к бурению. Страна ждет от нас нефти.

Решительность начальника в сочетании с опытом и знаниями геолога оправдала себя. Первая же скважина (№ 5), заложенная на восточном крыле антиклинали, нашла нефть.

Устойчивый дебет этой скважины — сто двадцать пудов. Одна из последующих скважин выбрасывала первые дни по четыреста двадцать пудов. Тридцать пятая буровая фонтанирует, она дает устойчиво триста пудов нефти в сутки. Конечно ухтинские «фонтаны» не похожи на извержения нефти на Кавказе. Нефть сочится на Ухте тоненькой струйкой (переливается). Правда, можно устроить искусственный фонтан: задержать выход нефти из недр, а потом сразу открыть клапан. Нефть течет, подчиняясь какому-то внутреннему ритму земли. В земле бьет пульс и, в такт ему, то усиливается, то ослабевает струя черной жидкости. Даже старые, заброшенные скважины истекают каплями нефти. У довоенной правительственный буровой стоит бочка. Примерно каждую минуту трубопровод чихает и сморкается. В результате в бочку стекает несколько капель нефти; ее тоже собирают, это не стоит никакого труда. Рабочие так и зовут эту скважину — «сопливая».

За первыми буровыми последовал ряд новых скважин. Нефтяная площадь разведывалась по всем правилам геологии. Недра Ухты хорошо пропущены. Оконтуриен район примерно в семьсот гектаров. Эксплоатационным буровым, которые будут заложены на этом участке, обеспечен дебет нефти по крайней мере сто двадцать пудов в сутки.

Разведка продолжается по простианию и падению складки. Оконтуриенная площадь непрерывно увеличивается.

К тому же Ухта имеет свои, еще неизученные резервы: южное погружение, где к разведке еще только приступают, и глубокие горизонты, до которых еще не добурились. Не исключается возможность, что на большой глубине будет обнаружена вторая, более мощная нефтеносная свита.

Но и полученных результатов разведки достаточно, чтобы твердо положиться на Ухту как на нефтеносный район краевого значения.

Печорский край и в первую очередь новые угольные стройки на р. Уссе снабжаются своей, печорской нефтью.

Северный край получает свой собственный источник нефти!

Выигрыш для всего народного хозяйства Союза бесспорен. В настоящее время гонят нефть в Архангельск из Грозного, а потом с невероятными трудностями переправляют ее в Печорский край или по Двине, Вычегде в южную часть Коми-области. Уже теперь Печорский край снабжается ухтинской нефтью. Переход к промышленной эксплоатации района потребует постройки нефтепровода на Вычегду. Ухта даст к концу второй пятилетки двести тысяч тонн нефти европейскому северу Союза, освободив это количество грозненской нефти для экспорта, освободив тысячи железнодорожных цистерн.

В итоге трех лет работы на Ухте исправительно-трудовой лагерь ОГПУ передает стране разведанный, подготовленный к эксплоатации район, связанный трехсоткилометровым трактом с Вычегдой, ставший опорой промышленной разведки в других, еще неосвоенных частях Печорского края.

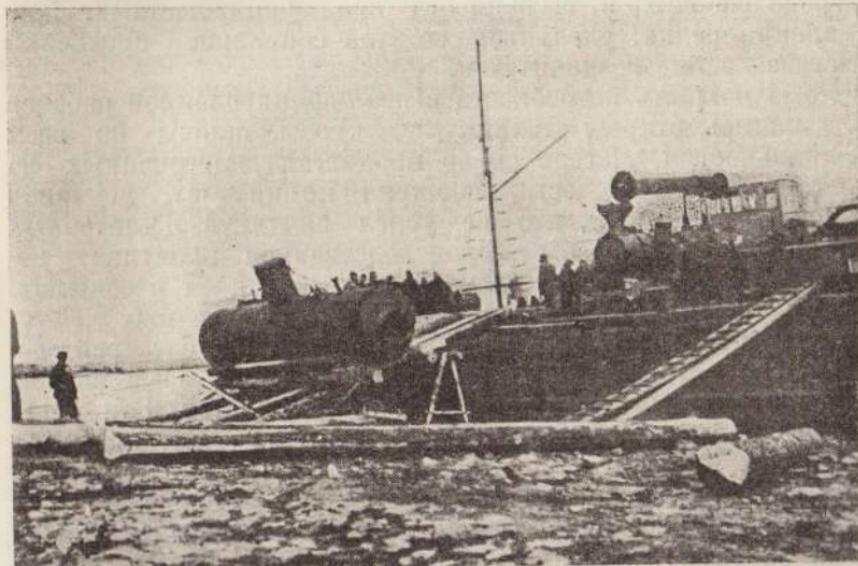
Сравнительно быстро разгадав геологическую загадку Ухты, лагерь преодолел затем основные трудности индустриального строительства на севере.

Ухто-Печорский трест Наркомтяжпрома получает район в таком состоянии, что дальнейшее промышленное строительство уже не встретит тяжелых труднопреодолеваемых препятствий. На Ухте создана опорная база развивающейся индустрии, накоплен разносторонний богатый опыт работы в северных условиях, разработана тактика наступления на тайгу и тундру.

Между тем лагерь выступал в этих местах пионером, впервые в истории севера развертывая тяжелое бурение в неосвоенном, полудиком районе. Нехватало оборудования, инструмента, отсутствовали нужные размеры труб. Печорские реки вскрываются поздно — в конце мая. В конце сентября они нередко замерзают заново, а в середине лета пересыхают. Оборудование шло из центральных районов через Архангельск и устье Печоры; на это требовались месяцы. Зимой отправляли целый транспорт по Вычегде — тракторы тянули за собой длинный цуг саней.

Доставка оборудования к месту новых буровых внутри

В тайгу привезли первые котлы для буровых.

района встречалась еще с большими трудностями. Один котел весит не менее десяти-пятнадцати тонн. Кроме того надо доставить на вышку станок, эксцентрик, трубы, остальной инвентарь. Геологическая партия, намечавшая точку бурения, проникла в тайгу на лошадях, преодолевая тысячу препятствий. Но как доставить по болотам, по полному бездорожью громоздкое оборудование? На пути встречались непроходимые болота, сильно пересеченная местность.

Десятки людей с остервенением рубили лес и настилали дорогу-времянку. Нередко приходилось прокладывать ее на десятки километров, и все-таки часть пути пролегала по открытому болоту, засасывающему легкий настил. Люди работали, как черти. Воротом, нередко вручную, рабочие тащили тяжелый котел Шухова. Работали с азартом: каждое новое препятствие лишь увеличивало упорство. Не раз замечали: вступив в соревнование с северной природой, развинченные, мягкотельные люди нередко превращались в настойчивых и неунывающих борцов.

Позднее, когда заработал ряд буровых, до крайности обострилась потребность в квалифицированных работниках. Уголовные, составляющие основной контингент заключенных, не имеют никакой трудовой квалификации; они не имеют даже навыков к простому физическому труду. Выходцы из крестьян в лучшем случае умеют обращаться с топором. В среде рабочих, в особенности квалифицированных, преступления редки; удельный вес этой социальной прослойки в лагере крайне незначителен.

Чтобы покрыть потребность в квалифицированной рабочей силе, лагерь открыл техникумы, курсы, школы по всем специальностям. Лагерь смело продвигал заключенных на ответственные должности, поощрял инициативу, доучивал на производстве тех, кто не успел получить достаточных знаний во время учебы. «Производственная практика» дополняла теоретическую учебу. Лагерь обходился в основном своими силами, воспитав в короткий срок дельных квалифицированных буровых мастеров, ключников, слесарей, десятников по строительству, дорожных техников, фельдшеров, ветеринаров, агрономов-практиков и мотористов. Эти люди приобрели в лагере трудовую квалификацию. В большинстве своем они навсегда порвали с прошлым. Новая специальность обеспечивает им место в жизни. Некоторые из них уже отбыли срок заключения, другим «скинули» остаток срока за самоотверженную работу на производстве, трети наконец перешли «на колонизацию», привезли семьи, полу-

чают нормальную зарплату; эти люди останутся на Печоре «в наследство» от лагеря. Нет сомнения, что в коллективе работников Ухто-Печорского треста, к которому переходит промышленная эксплоатация освоенной и разведанной лагерем Ухты, эти его выученики займут не последнее место.

Тракт готов!

Через болото и тайгу от Ухты к Вычегде тянется широкий, добротный тракт. Четыре и уж, во всяком случае, три автомобиля могли бы, столкнувшись, беспрепятственно развернуться на дорожном полотне. Тайга расступилась, чтобы пропустить тракт. И по нему день за днем течет поток грузов в нефтяной район, запрятанный в самые глубины тайги.

Широк тракт, но просека еще вдвое шире. С обеих сторон дороги вырыты широкие каналы; по ним текут потоки воды, скапливаются в искусственных озерах и стекают в лесные реки: такими сооружениями человек оберегает дорогу от подрывной работы поверхностных и подпочвенных вод. Здешняя тайга стоит на болоте. Лес перемежается с открытыми болотистыми равнинами. После каждого дождя потоки воды бурлят в придорожных каналах. Будь это простые канавы, вода размыла бы тракт, болото поглотило бы его, и сотни тысяч рабочих дней бесследно погибли бы в вязком месиве.

Лошади скачут по тракту уверенно. Мы едем налегке. Вещи посланы вперед на пятидесятый километр.

Некоторое время мы мчимся карьером; лошадь распластывается в воздухе, и ритм покачивания в седле делается с каждым убыстрением все более плавным. Законченные, отчетливые мысли покидают меня. Наступает состояние психического и физического равновесия, когда работа мозга неотделима от ритма тела и мысль растворяется в ощущении движения, напрягющего каждый мускул.

Мы скакали по тракту, перерезавшему бурое, тоскливое болото. Здесь оно потеснило тайгу. Удары копыт рождали отзвук где-то в самом чреве земли, почва ощутимо колебалась под нами.

Мой спутник — топограф — придержал свою кобылу. Он сказал несколько фраз: в них экономно укладывалась эпоха строительства.

— Чувствуйте? — земля поддается. Техник писал в управление, что болото бездонно. Шест не нашупывал твердого грунта. Сколько метров грунтовой начинки проглотила в этом

месте земля — не сосчитать. Трижды делали настил. И каждый год делаем заново. Болото имеет здесь морские глубины.

Болото осталось позади, мы в'ехали опять в полосу тайги. То было осенне время. Погрустневший стоял лес на опушке просеки. У его ног валялись стволы срубленных деревьев, росших на месте нынешнего тракта. На Печоре так много леса, что возить его даже по хорошей дороге невыгодно. Эти срубленные гниющие деревья лишний раз оттеняли печорское изобилие, еще так недавно не подпускавшее к себе человека.

Топограф рассказывал о строительстве тракта, о бунте подпочвенных вод, уничтожавших время, от времени плоды тяжелого труда. Мосты приходилось строить в расчете на разлив рек, раздвигавших берега в пять-шесть раз. Оградительные дренажные работы требовали больше труда, чем самий настил полотна. Нехватало строительного материала. Бригады высыпали вперед разведчиков. Рысая по тайге, эти люди — заключенные — находили камень и глину для тракта, экономили строительству тысячи рублей. Бригады вступали в соревнование друг с другом. Борьба за красное знамя передового участка увлекала тысячи строителей. К исходу ее никто не оставался равнодушным.

— Почему в лагере много, ударно работают? — топограф самому себе задавал этот вопрос. — Скажут: принудительный труд! Но где и когда труд под принуждением был производителен? Поставь над нами часового — и охота отпадет к работе. А могли бы ввести стражу — ведь мы же преступники! Но не поставили. Дали нормальную, интересную работу по специальности. Это и заставило ценить труд. Совершивших проступки сажают в изолятор. Но днем выпускают на работу. И только, как крайнюю меру наказания, применяют снятие с работы. В лагере работа ощущается как привилегия.

Тракт, обходя болотное озеро, делал резкий поворот. На опушке тайги сгрудились люди. От тракта под гору уходила проселочная дорога, украшенная в честь праздника флагами, зеленью. Дорога вела в поселок, приготовившийся к торжеству официального окончания тракта. Фактически тракт давно эксплуатировался.

Мы задержались на опушке леса, чтобы встретить лучшую производственно-бытовую коммуну строителей тракта, удерживающую от конкурса к конкурсу ударное знамя строительства.

Ухтинский лагерь празднует пролетарское Первое мая.

Вскоре послышались звуки духового оркестра. Растигнувшись на полкилометра, в четком строю шагали люди, построившие тракт.

Три коммунара шли впереди оркестра. Они несли развернутое красное знамя и плакаты с показателями работы артелей. В первых рядах гордо шагали коммунары — передовики строительства, победители в небывалом трудовом соревновании заключенных, недавних преступников. Оркестр вышел из строя, остановился возле нас и с подъемом сыграл туш в честь дефилировавших перед нами коммунаров. Рабочие, «побежденные» на конкурсе бригад, и мы, встречавшие шествие, бурноapplодировали победителям.

Колонна спустилась по проселочной дороге в поселок.

Здесь победителей чествовала пестрая, разряженная толпа женщин. Поселок, из которого давно ушли дорожные рабочие, был отведен под лагерные швейные мастерские.

В большинстве лагерных поселков женщин мало, не больше пяти процентов общего числа жителей, и то включая колонизованных и жен, приехавших на побывку к мужьям-

заключенным. В этом поселке женщины преобладали. Здесь было женское царство. Из мужчин были только начальник пункта, фельдшер, конюх и дорожноремонтная бригада. В поселке, в бараках и в мастерской было на редкость чисто. По всему лагерю на женщинах — добротная по качеству и подогнанная по мерке одежда. Эти женщины — бывшие проститутки, воровки. Но их лагерная внешность не напоминает о прошлой профессии; во всех поселках женщины поражали своей опрятностью, какой-то подтянутостью. Здесь, на «швейпункте», женщины были одеты совсем хорошо. Каждая разнообразила стандартную одежду какими-либо привезенными с воли или купленными в ларьке вещами.

Начался митинг. Он был похож на десятки других, происходящих на больших стройках при их окончании. Принимали официальный рапорт, говорили торжественные речи, приветствовали выдающихся ударников стройки. Полились бесконечные воспоминания участников стройки, командиров и рядовых. Каждому нужно было выговориться, рассказать о своем опыте, напомнить о самом значительном, приобретенном во время работы на тракте.

Невозможно было прервать этот поток взволнованных, приподнятых речей. Да, впрочем, никто не пытался прекратить его искусственно. Люди говорили о севере, о преодоленных препятствиях.

Прорабы рассказывали о новых методах работы, подсказанных практикой работы в тяжелых условиях; коммунары вспоминали этапы борьбы за знамя передовика, подвиги коллективов и отдельных работников строительства. Но большинство говорило о себе, о своем прошлом, завязанном теперь в крепкий узел. Кто-то не удержался от слез. Другой, вспоминая об уголовном прошлом, незаметно для себя увлекся романтикой прежнего ремесла и потом, коротко оборвав нить рассказа, неожиданно закончил: «Все. Амба! Конец урке!» Люди гордо хвалились полученными знаниями, проделанной работой. Местные поэты поднимались на трибуны для того, чтобы прокричать толпе свои стихи.

— Вы говорите, нет чудес? — спрашивал толпу парень в рабочей блузе. И сам же отвечал:

А чудо может быть порою.
Веками рос дремучий лес,
И солнце хмурилось с небес
Над легендарною Ухтою...

Слушатели охотно прощали поэтические вольности. В поэме звенела «лопаты острой сталь», чтобы тракт мог, прокла-

дываясь вдали, «спугнуть застывшую природу». И громом аплодисментов аудитория ответила на заключительные строки:

Вы не сочтете за мечту,
Что вижу ясными глазами,
С ее заводами, домами,
Индустриальную Ухту.

Взволнованный я слушал эти речи, стихи, воспоминания. Они перекликались с другими словами, сказанными с авторитетнейшей в СССР трибуны.

На VI съезде советов, в ответ на клевету зарубежной печати, председатель Совнаркома сказал: «Пусть и труд заключенных идет на пользу народов СССР». Участники митинга на Ухтинском тракте единодушно одобрили формулу товарища Молотова. Они подтвердили и другие его заявления с трибуны VI съезда советов.

«К позору для капитализма,— говорил Молотов,— многие и многие тысячи безработных позавидуют сейчас условиям труда и жизни заключенных в наших северных районах. Это горькая правда, и о ней должны знать рабочие за границей».

Митинг сказал гораздо больше. Он демонстрировал неслыханную моральную силу пролетарской диктатуры, умеющей возвращать к жизни тысячи преступников, поставивших себя вне общества. Он показал всю огромную человечность советской карательной (исправительно-трудовой) политики, сформулированную в одном из параграфов уголовного кодекса:

«Меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задач возмездия и кары себе не ставят».

VI. Прощаюсь с Печорским краем

Дальше по тракту повезли нас грузовые машины. Они увозили вместе с нами десятки бывших преступников, возвращавшихся на «волю». Кончился срок их заключения, уменьшенный зачетом трудовых дней. Тракт, сделанный их руками, сокращал путь из лагеря. Неделями шли они этапным порядком в лагерь, огибая непроходимую тайгу, подымаясь на притоках Печоры. Теперь автомобиль за восемь часов доставляет их обратно в культурные места. Люди узнавали поселки, превращавшиеся на время в их «дом», знакомые отрезки тракта, обработанные их руками, политее их потом. Им самим довелось воспользоваться результатами своего труда, воплощением которого стал первый в печорском крае трехсоткилометровый тракт. Это наполняло их особой гордостью. «Вечер воспоминаний» продолжался в автомобиле.

Между тем машины беспрепятственно катились к Вычегде. Еще до официального открытия тракт уже успели «накатать»: движение на отдельных участках началось давно. С прежним однообразием тайга чередовалась с болотами, регулярно через одинаковые промежутки времени мелькали поселки строителей. Лишь к концу пути по сторонам тракта зазеленели луга, потом возделанные поля.

В Усть-Выми, большом селении на Вычегде, машины высадили своих пассажиров. Большой комфортабельный пароход дождался нас у пристани. Он направлялся в Котлас, связанный железной дорогой с Уралом и Москвой.

Пароход покидая Усть-Вымскую пристань, набирал скорость. Пакгаузы строительства украшали высокий берег. Здесь кончался Ижмо-Вычегодский тракт. Здесь пролегала граница Печорского края, в прошлом непроходимого, отрезанного от культурных и индустриальных центров, теперь доступного и покорного.

Я прощался со страной рек, тайги и тундры, хранившей в своих недрах огромные богатства.

Три тысячи километров, пройденных по этой стране, раскрыли мне масштабы естественных ресурсов, скрытых в Печорском kraе. Я видел старые, обжитые участки Печоры, только теперь, с развитием kraя, приобщающиеся к советской культуре, обзаводящиеся промышленными предприятиями, промыслами и школами. Я об'ехал новые промышленные участки, буквально возникшие из небытия в самые последние годы. Я видел следы разведки в безлюдных, не тронутых промышленной эксплоатацией районах.

Печорский край обнажил до сих пор лишь небольшую часть своих богатств; самые крупные ценности еще скрыты в недрах. Но велик и этот современный вклад в сокровищницу Советского союза. Я видел блестящие кристаллы воркутского угля, истекающую нефтью Ухту, еще более замечательную ценными сопутствующими нефти. Я видел бесконечные массивы печорских лесов, стада оленей, семужьи стаи в Печоре. Я знал, что в верховьях Печоры найдены гигантские залежи асфальтитов, точильного камня, что там, как и на Ижме, ищут нефть и вновь нашли богатые залежи угля, что на Вайгаче добывают полиметаллы.

Я видел этот край в процессе стройки, на первых ее этапах, когда стройка неразрывно связана с разведкой. Край еще не был освоен, промышленная эксплоатация недр еще не развернулась. Строители преодолевали неслыханные трудности, работая в новых районах, лишенных транспорта, лишенных регулярной связи с промышленными центрами. Но уже отчетливо чувствовалось, что самые значительные, самые трудные препятствия взяты, что сопротивление слепых сил природы сломлено, что теперь уже близок момент освоения kraя, широкого развертывания индустрии. На моих глазах глубокая промышленная разведка заносила на точные поверхностные и глубинные карты район за районом, подготавливая их к промышленной эксплоатации. В подробный географический и экономический паспорт Печорского kraя заносились все новые и новые предметы. Но и того, что было уже найдено в его недрах, было достаточно, чтобы предсказать ему роль энергетической базы всей северной половины европейской части Союза.

Печора строилась. И было очевидно, что она неминуемо должна превратиться в «Большую Печору», хозяйствственный комплекс всесоюзного значения. Совершить этот переворот суждено транспорту. Полное освоение kraя, массовая эксплоатация его естественных богатств возможны только при наличии передовых путей сообщения. Транспорт — тот ключ,

который должен открыть ворота, преграждающие путь печенским богатствам. Транспортное строительство — обязательная предпосылка дальнейшей успешной работы на Печоре. Без создания новых транспортных артерий в крае строительство упрется в безвыходный тупик.

Я видел на Печоре первые опыты транспортной стройки: тракт на Ухту, узкоколейку на Воркуте, закладку речной верфи на Печоре. Это были первые, по необходимости рабочие шаги. Печора нуждается в нескольких трактах подобного типа, в выходной железной дороге, в морских портах, в сильном речном флоте и в больших дноуглубительных работах. И, вспоминая лихорадочную работу бесчисленных — буквально бесчисленных — изыскательских партий, выбиравших трассы новых путей по земле, по воде и по воздуху, я отчетливо представляю себе, какими быстрыми темпами пойдет создание транспорта в бескрайних, труднопроходимых просторах Печорского края.

Новый транспорт поможет легко, безболезненно разрешить проблему заселения Печорского края. Я знал, что, за небольшими исключениями (крайний север), климатические условия для людских поселений благоприятны. Собственная животноводческая база, полная возможность обеспечить жителей любого района собственными овощами — все это, при условии хороших транспортных сообщений, создает нормальные условия жизни, для печенских переселенцев.

Я вспоминал строителей Печоры: геологов, инженеров, партийных руководителей, хозяйственников, квалифицированных рабочих и мастеров — среди них были и преступники (в прошлом) — людей, живущих интересами строительства, искренне увлеченных борьбой за советский север. Я понимал, что среди всех достижений печенской стройки, успевшей уже на ряде участков изменить облик тайги и тундры, самым крупным были они, эти подлинные энтузиасты «Большой Печоры», крепкие кадры, накопившие богатый опыт строительства на севере. Я прощался с Печорским краем в полной уверенности, что поезд третьей пятилетки повезет меня через несколько лет в культурную страну развернутой промышленности, с полностью вскрытыми и успешно разрабатываемыми энергетическими ресурсами, с многочисленным здоровым населением, с массовыми культурными учреждениями и разветвленным транспортом.

Этой цветущей страной будет «Большая Печора».

Оглавление

	Стр.
I. Прыжок в будущее	5
II. Северный вход	11
Архангельские мытарства	—
Форпост индустрии	15
«Дьявольское время»	24
Ненецкая столица	30
III. Уссиинский север	42
Вверх по Уссе	—
Командир над бабами	49
Открытие Воркуты	54
«Хоть шаг, да твой»	62
Рудник в тундре	70
Обратно на Печору!	80
IV. Средняя Печора	85
«Сманеврировали»	—
Сердце печорского края	92
Первый мохчинский председатель	95
Голодный против сытого	100
Эпизод с Синей Бородой	104
V. Нефтяная Ухта	111
В почтовой лодке	111
«Запечатанный» район	115
Оазис в таежной пустыне	120
Стандарт, штами и фантастика	124
Это же свой парень!	126
И вот итоги...	128
Схема рождения гражданина	130
Бурмистер, «бывший Ванька Кных»	133
«Поставлена точка...»	140
«Простая» разгадка...	144
Тракт готов	151
VI. Прощаюсь с Печорским краем	156

Редактор В. Катанин. Техред. М. Лойтерштейн.
Обложка худ. Кашиной. Сдано в производство 15/XI—33 г.
Подписано к печати 8/II—34 г. МГ—4182. Инд. Д—2.
Форм. 82×110^{1/2}_{см.} 5 печ. л. 8,34 авт. Уполномоченный Глав-
лита Б—36045. Тираж 10 000. 18-я тип. треста «Полиграф-
книга», Москва, Варгунихина гора, 8. Зак. 1762.

КАРТА ПЕЧОРСКОГО КРАЯ

da 1 p. 50 H.

